

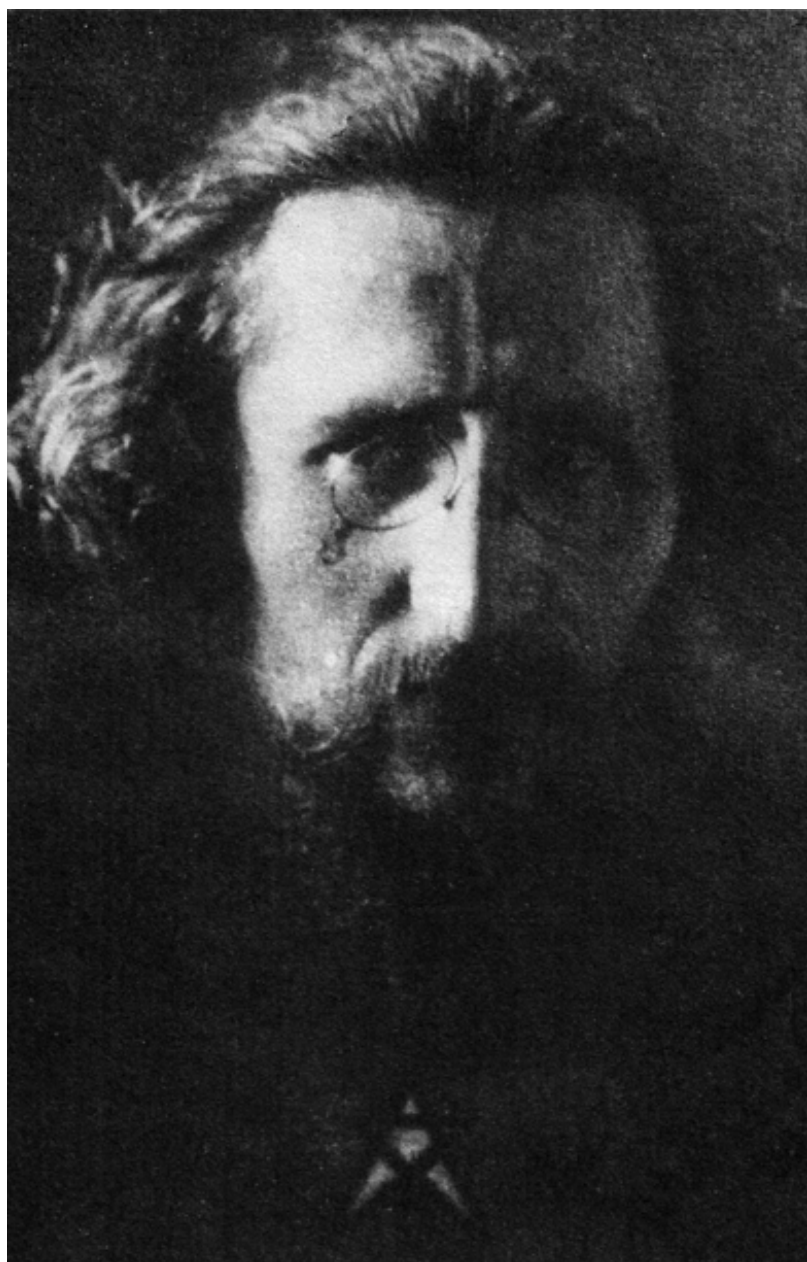

МИТИН ЖУРНАЛ
KOLONNA PUBLICATIONS

Josef Váchal
Krvavý roman

Йозеф Вахал

Кровавый роман

Йозеф Вахал

КРОВАВЫЙ РОМАН

Перевод Александра Бобракова

СЕРИЯ
Crème de la Crème
ЯВЛЯЕТСЯ
СОВМЕСТНЫМ ПРОЕКТОМ ИЗДАТЕЛЬСТВ
Kolonna Publications и **Митин Журнал**

ББК 84(4 Чеш)

ISBN 5-98144-073-2

Руководство изданием: Дмитрий Боченков
Редактор: Дмитрий Волчек
Дизайн обложки:
Верстка: Елена Антонова

©Александр Бобраков, перевод, послесловие, 2005
©Митин Журнал, 2005
©Kolonna Publications, 2005

Йозеф Вахал – резчик по дереву:

Кровавый роман

Трактат
по истории культуры
и литературы.

Отпечатано во Вршовицах в 1924 г.

Барышне

Анне Мацковой,

**противнику дурной литературы,
сердечно посвящается**

Обращение к читателю

Принимаясь за оный не вполне благодарный труд описания так называемого “сора” чешской литературы, отмечу, что берусь за него вовсе не ради какого-либо развлечения читателей, а из потребности реабилитировать данный вид романного творчества, из стремления освободить его от наноса предрассудков и указать на великое значение кровавых романов для нашего народа, как и превознести и особо отметить высокие и важные моральные ценности, скрытые в этих порицаемых и гонимых ныне явлениях словесности.

Профессионалы от литературы, впрочем, едва ли воспримут данную мою во всех отношениях полезную работу с радостью: ибо, во-первых, сей трактат просто не попадет им в руки и не станет им известен, во-вторых же по той причине, что они никогда не снисходят с высоты своего орлиного полета до подобных низов литературы, и посему лишены интереса к данному делу.

Помимо того, что они сами сожгли за собой мосты, – а именно изъяли кровавые романы из библиотек, – так что большинство из них сегодня им уже и не может быть знакомо, нынешние книжные патологоанатомы обращают свое внимание скорее к современным, нежели к давно канувшим в забвение вымыслам.

Они также могут возразить, что вследствие краткости прошедшего времени ничего не могут почерпнуть из подобной литературы для развития собственной культуры. Или же отделаются от тех, кто задает подобные вопросы, ответом, что подобное чтиво, да

еще растянутое до неприличия, лишь для того издавалось в прошлом, чтобы принести издателям его барыши и богатство, – и что ничего положительного и полезного из него извлечь вовсе невозможно.

Цель сей книги состоит в том, чтобы убедить подобных снобов в том, что истинна полная противоположность их суждениям; исправить их мнение по данному вопросу, кое во многом следует из незнания и внушенного им предрассудка; а также и изменить вообще ошибочное мнение общественности относительно оных литературных якобы сорняков.

Интересно, почему причитания над дурной литературой не утихают даже сегодня, когда кровавые романы более не печатаются (или, во всяком случае, очень редко); неужели детективы и книжки об индейцах и Баффало Билле совершенно заменили, а возможно, и превзошли своей ничтожностью всю литературную дрянь, издававшуюся ранее?

Часто слышу из уст вдохновенных читателей, которые уже долгие годы читают все, что издается почешски (а, следовательно, и голос их имеет большую силу, чем слова некоторого усидчивого господина, который за всю свою жизнь разве что Графа Монте-Кристо и Герлоша¹ прочел, однако волею политической конъюнктуры сегодня заседает в комиссии по просвещению или соблюдению морали, или же литературного щеголя от литературы, камлающего над мешаниной и насильственной бездуховностью современных

---

1 Карел Иржи Герлош, чешский писатель-романтик XIX в., автор подражательских исторических повестей. (Здесь и далее примечания переводчика)

социалистических или декадентских литераторов), сожаление о неинтересных, “неперевариваемых” и лишенных идей или морали современных чешских книгах; они говорят: “Читать эти нынешние книги – сущее наказание! Никакой интриги, ничего, чувства вдохновляющего или разум успокаивающего, в них нет – люди изображаются как явные калеки душою и телом, страждущие под ярмом предрассудков, насильно вбитых в них школой и обществом, таких как любовь к людям и человечеству, Богу и родине, уважение к прошлому и собственной нации – и нет у них иной цели, чем изображать душевное состояние самого автора, убогое и ненормальное, под маской действующих персонажей. Куда как лучше были, своей жизненной силой и реальностью, романы для народа, в прошлом издававшиеся, которые назывались кровавыми; вот они, помнится, читались совсем иначе!”

Сколько правды таится в этих словах!

К несчастью, сегодня большая часть оных романов остается неизвестной нашему поколению даже своим именем; немногие сегодня знают, что означали имена: Бамбас, Борн, Рубинштейн и Гинек; а ведь сколько увлекательных книг, читателей у которых было больше, чем у романов Ирасека, вышло из-под пера этих достойных мужей!

Многие из читателей в юности с интересом прочли какого-нибудь Марино Маринелли, Росу Шандора или Красного Бенеду, конечно же, это относится и к господам Шальде и Арне Новаку¹: для чего же они не

---

1 Знаменитые чешские литературные критики 1-й половины XX века.

снизойдут хоть на миг с облаков своего величия и не напишут работы о народном романе 90-х годов и ранее, нынче уже почти не известном?

Из этого совершенно ясно следует абсолютная и серьезная необходимость большего интереса к изучению и литературы “низкой”, в особенности романов для народа, издававшихся до девяностых годов.

Известно, какие клады добывает наука современности из отбросов, свезенных на свалку; сколько же в таком случае красоты и правды остается сокрыто и не использовано в кровавых романах, проклятых различными моралистами и просветителями!

Обратить внимание и возвысить моральную ценность романа кровавого, защитить существование оно и провозгласить его столь же имеющим право на жизнь, как и остальная литература, есть цель данной книги.

*

Кровавый роман, его определение и сущность

Моралисты, да и вообще люди, чванливо гордящиеся сознанием своей культурной образованности, обозначают названием “кровавый”, или же “черный” роман, или же сокращенно “чернуха”, всякую книгу с тенденцией к аморальности, наполненную сверх меры жестокими описаниями убийств, преступлений, насилия и авантюры, насколько можно более грубым отражением всевозможных человеческих страстей и развратных наклонностей; они видят в кровавом романе средоточие всех пороков мира, самое Зло и пример того, какой книга быть не должна.

Образованного человека оскорбляет и отвращает способ построения подобных романов: тягучесть действия, сюжет, растянутый до невозможности и бесконечности, не говоря уже об отсутствии у одной постройки какого-либо каркаса, описание характеров неполное и неясное, вялость диалогов, жестов и оборотов, во множестве случаев путаница со временем и с героями, герои, совершенно случайно появляющиеся и столь же произвольно навсегда исчезающие с белого света, как только они начинают мешать автору и более ему не нужны, сцены, рассчитанные на самые низменные инстинкты читающей, мало думающей и не способной рассуждать публики, недостаток утонченности, морали, обилие немецких слов и т.д.

То, что у книги дурен сюжет, уже является для них достаточным основанием для именованя ее “кровавым романом”.

Они предполагают, что в подобных книгах кровь должна течь ведрами, убийство должно громоздиться на убийстве, насилие на насилии, бесстыдство на бесстыдстве; мораль и нравственность же совершенно забыты, а зло и порок нарочно подняты и возвеличены, что и составляет главное содержание.

Как же они обманываются, подобные сумасброды!

Назови они любую дурную книгу, не обращая внимания на автора и на то, есть ли в ней какое-либо убийство, нет ли, словами “кровавый роман”, возразить было бы нечего; то же, однако, что так разом обозначаются все невинные, дешевые тетради книг для народного чтения, нынче уже редко издаваемые, есть перед небом вопиющая несправедливость.

Действительно, подобные тетради в прошлые годы подобно саранче распространялись по городам и весям; нежные (в мягкие розовые, голубые и зеленые обложки переплетенные) тетрадки превращались, бывало, в течение лет в монстров о трех тысячах страниц, превышающих своим объемом самые замечательные фолианты книжного производства; содержательный их уровень, однако, никогда не падал ниже общего уровня той посредственности, в которой ныне пребывает большинство чешских книг, не говоря уже о том, какой упадок морали они приносят, наряду с кинематографом, жестокостью спорта и попустительством закона, позволяющего ныне черни организовываться.

Что же до числа издаваемых романов, их существует необозримое множество.

Внимания заслуживают старейшие народные романы 50-х и 60-х годов, содержавшие наиболее разнужданную романтику; в романах позднейших,

в особенности в 90-е годы, преобладают общественные темы.

Если обратиться к исследованию того, какие книги были самыми распространенными и читаемыми, можно убедиться, что это были кровавые романы, издававшиеся тетрадями, дописываемые всегда до бесконечности в случае, если какой-либо из них встречался у публики с большим интересом.

В 70-е годы в Австрии наиболее распространенной и наиболее читаемой книгой был роман Т. Шлибе “Узник Ангельского замка”, описывающий заточение императора Иосифа II в Ватикане в соответствии с историческими событиями.

Роман этот, изданный дважды и на чешском языке издателем Гинекон, в оригинале выходил во множестве изданий, общим тиражом 800 000 экземпляров; то есть тиражом едва ли не большим, чем Библия.

Чешский перевод этого романа содержит 783 страниц и примерно 26 тетрадей.

Приключенческий и захватывающий сюжет этой столь популярной книги вовсе не сопровождается сколь-либо значительным числом убийств, а, напротив, прямо дышит примерами благородства, лояльности и патриотизма, – и все же сей роман был включен в число кровавых.

Возражение, что кровавыми романами и их чтением восхищается лишь малокритично настроенная часть публики, а также что воображение читателей бывало возбуждено описанием многочисленных убийств, давно уже жизненным опытом было опровергнуто *ad absurdum*.

Не говоря о том, что среди одной сотни кровавых романов я нашел всего лишь двенадцать, в коих число убийств превышало пятьдесят; к тому же оные романы в большинстве своем были романами разбойничьими, где в данное число включаются и жертвы общих столкновений при нападении солдат на разбойников или же наоборот.

Убийств умышленных или подготовленных нашел я в сотне кровавых романов в совокупности 2400, или же двадцать четыре убийства в одной книге.

Среди данной сотни кровавых романов, впрочем, есть множество таковых, в которых число убийств не превышает семи, и это в 800-страничной книге.

Да ведь мне известны и такие случаи, – вы уже на пятисотой странице, а между тем на убийство, даже и на намек на него, не натолкнулись; нетерпеливо проглатываете роман до конца, и надо же! – одно-единственное несчастное убийство увенчивает толстый, 786-страничный, кровавый роман.

К тому же некоторые душегубства описываются столь талантливо и сдержанно, вовсе ничем не оскорбляя мысли, что даже сам Ирасек, или кто иной из почитаемых романописцев, едва ли смог бы деликатнее и изящнее стилизовать оные неблагодарные сцены.

Если в современном романе описывается акт убийства, – в какие только подробности автор не пускается, на какие описания возмущенной души не отваживается, лишь бы оправдать сие ужасное деяние; весьма осторожно он подкрепляет его движениями души и до деталей продуманной психологией убийцы и его жертвы.

Совершенно естественно потому, что подобное описание занимает целый ряд страниц и, вопреки своей последовательности, многих читателей, обладающих сколько-нибудь живой фантазией, никак не может удовлетворить.

Насколько последовательнее и лучше строгое и простое описание убийства в народном кровавом романе, в котором во многих случаях убийца уничтожает свою жертву, даже не зная зачем.

В обычном кровавом романе кровь никак не является редкой сущностью, потому, когда чье-либо сердце пронзает хладная сталь копья или в чей-то живот вопьется пуля, жертва не будет долго стенать, как принято в “приличных” романах – а просто, самое большее вымолвив проклятие, покинет сей мир.

Точно так же и убийца множеством слов не оправдывает свое задуманное душегубство, и жертва без большого пафоса отправляется на тот свет, мягко и деликатно наполнив сердце читателя уверенностью в том, что в последней тетради негодяй не избегнет кары.

Над кровавым романом можно часами размышлять и додумывать, ибо он всегда лишь намекает, но никогда не досказывает до конца, предоставив читательской фантазии сколь возможно широкое поле.

Так же как в случае преступлений, и описание страстей и грехов бывает весьма кратким: намного более умеренным, чем щекотливые отрывки из Ветхого Завета, который, однако, и в школах читается без каких-либо препятствий.

Напротив, многословными бывают разговоры благородных героев романов, клятвы влюбленных, наказания матерей, назидательные истории из жизни, а также патриотические выступления и истории.

Бесспорно то, что народные романы, или же романы кровавые, своей распространенностью удерживали чешский народ и широкие слои общества при жизни, не говоря уж о том, что в некоторых краях (например, в Рудных горах), они были единственным чтением, попадавшим в руки тамошнему населению: ибо до тех мест, куда не доходили чешские календари и молитвы, добирался распространитель издательства Гинека с увлекательным романом.

Сегодня, когда литература, собранная со всего света, равно как и отечественная, под маскою искусства приносит читателям кровавейшую сенсационность, а кинематографы усугубляют рост человеческой жестокости, глупость считать кровавые романы способствующими упадку духовности и морали.

И если еще нынче где-нибудь объявится судья,

который отнесет нечто к результатам дурного влияния черных романов, то это будет свидетельством его бюрократизма австро-венгерского происхождения, когда “чернухе” была объявлена война.

Дело в том, что кровавый роман был важнейшим врагом поповства, церкви и мракобесия; вот откуда эта ненависть!

Исторические книги содержат в среднем 80 убийств на 100 страниц, кровавые романы – 1 убийство.

Можно убедиться, что с числом насильственных смертей в кровавых романах дело обстоит отнюдь не так ужасно.

Если моралисты обозначают как “чернуху” все книги с большим числом убийств, то мало ка-

кая книга не подпала бы под такое обозначение.

Кроме того: все национальные истории, летописи и хроники должны бы тогда быть в дальнейшем называемы “кровавыми”, ибо убийствами и массовыми жертвами они просто кишат.

В “Церковной истории” д-ра Крыштуфека я насчитал на 3302 страницах упоминания о 48 0000 убийствах, произошедших от античных времен до нового времени заслугою святой церкви, равно как язычников и еретиков; естественно, что подробное описание этих убийств в книге отсутствует.

Эти убийства – на поле брани, в тюрьмах, на кострах и эшафотах, посредством войн и преследований, огня инквизиции и папского яда – суть действительные события и ужасная правда, в отличие от вымышленных убийств в кровавых романах, однако же никому из прогрессистов не приходит в голову назвать подобные произведения жестоким чтивом или же кровавым романом.

Обратимся, например, к ежедневным газетам: сколько описаний убийств, во многих случаях подробных, приносят они, ведомые стремлением обратить внимание на преступников и их злодеяния – причем в каждом своем выпуске!

Таким образом, кровавый роман никак не может испортить читателя и привести к преступлению, как многие полагают.

Напротив: из каждого кровавого романа возможно почерпнуть полезное назидание о том, что все обиды и страдания, в конце концов, бывают богато вознаграждены, и никакой преступник не избегнет наказания, чего нельзя сказать о реальных, в жизни вокруг нас приключаящихся историях.

Жестокость “чернухи”?

Ее вовсе нет!

Каждодневные события вокруг нас превосходят своей жестокостью, продуманностью и уродством

даже самые банально описанные глупости наикровавейших из кровавых романов: действительность намного опережает самое смелое воображение.

Многие возражают против пошлого или нехудожественного метода, помощью коего часто бывают написаны романы для народа, хотя и в данном случае решающее значение имел ряд причин, в особенности личность автора.

Известно, что когда некий издатель чувствовал в себе особое призвание к тому, чтобы издавать романы для народного чтения, то приглашал, как правило, заслуженного чешского вахмистра в отставке, который за пару горстей сухого табаку рассказывал, а то и сам записывал все известные ему из опыта истории об убийцах и грабителях, равно как и повествовал о любом более или менее важном убийстве или краже.

При помощи материала, таким образом полученного, любой обладающий хоть каким-то воображением человек мог в соответствии с состоявшимися романскими шаблонами соорудить некий особо сенсационный новый роман, в особенности если этот человек приобрел необходимый опыт из чтения прежде напечатанных кровавых романов, весьма в те времена распространенных и всюду доступных.

Я вовсе не имею в виду подобным описанием как-либо принижать литературный уровень тогдашних романов и недооценивать, например, труд Бамбаса, весьма заслуженного Мишковского и прочих.

В то время как вся прочая чешская литература утопала в сладостях, вздыхала в неге или корчилась в эпилептическом припадке патриотического самоотвержения, роман для народа одержал победу над оними недугами и остался неизменно верен своей программе: добывать пользу из народной романтики и создавать перед глазами народа, одураченного лозунгами и убогого, образцы силы и действия.

Разумный человек сегодняшнего дня сочувственно улыбается, слыша о безумцах, некогда в прошлом не жалевших своего имущества и самой жизни в экстазе некоей сомнительной религии и еще более сомнительного и убого представляемого себе Всевышнего, однако при этом все более умножается число тех, кто хорошо знает, что призывы жертвовать жизнью за родину суть во многих случаях ничто иное, как блеф, или же, если они воспринимаются всерьез – как вызывающая жалость неразумность, внушенная политическими вождями-соблазнительями народным массам, хотя нынешние фанатичные вожди дураят народ иными лозунгами, главным образом социализмом.

Будущие поколения, поняв всю абсурдность социализма и коммунизма, весьма будут удивлены тому, что за эти безумные идеи кто-то мог умереть и пожертвовать собою, причем во многих случаях лишь по той причине, чтобы принудить эстетически, морально и культурно развитую личность видеть в каждом бездельнике с периферии или в людях преступных,

отягощенных дурной наследственностью и испорченных алкоголем, – из которых вербуеться большая часть большевиков – своего товарища и брата, якобы во всем этой личности равного.

Убийства в кровавых романах вымышлены, в социализме же – реальны, посмотрите на Россию!

Там на деле изгоняют из людей дух старого, честного и здорового общества, дух, столь верно отраженный в народных кровавых романах, созданных до 90-х годов.

И все же, видя все эти душегубства, спокойным и безучастным остается Бог-Отец и его наместник на земле.

Таким образом, не число трупов, не характер лишения жизни, хладнокровность в его описании или простота преступления, не правдоподобность или за волосы притянутая фантазия и недостаток прочувствованности в изложении нарушают покой пламенных гонителей кровавых романов.

Известно, что в архиве, оставшемся от Г. Ибсена, была найдена обширная коллекция, составленная из кровавых романов, из коих сей великий знаток суровых судеб простых людей, руководствующийся инстинктами, по большей части пополнял свой опыт.

В архивах наших чешских очистителей литературы от “чтива” и “чернухи” мы таких книг, конечно же, не найдем; самое большее, что там удастся обнаружить – словесный хлам патриотических авторов, патриотическими же, то есть официальными, издателями напечатанный, или же литературную дрянь современных христианско-католических или социалистических поэтов.

Заявления, что кровавые романы (а так ошибочно бывают обозначаемы и романы для народного чтения, издававшиеся тетрадями до девяностых годов) в наши дни целиком принадлежат прошлому, а чтение их есть анахронизм, не выдерживают критики по той уже причине, что против них по-прежнему ведется такая же борьба, как и ранее, и так же тщательно следят за тем, чтобы они не попадали народу в руки.

Это происходит по множеству причин, о которых впоследствии мы расскажем подробнее.

Естественно, что современное человечество форма кровавых романов удовлетворить не может.

Устаревшие общественные порядки, когда чернь хотя бы некоторое уважение имела к любому сколько-нибудь прилично одетому человеку, поскольку чувствовала в платье его деньги, способ обращения, при котором лучшие люди говорили друг с другом на “вы”, и лишь изгои общества (если не касаться любовников, друзей и членов семьи) использовали в разговорах доверительное “ты”, равно как и большие контрасты между богачами и бедняками, глупцами и людьми умными, идеалистами и никчемными людьми, слабыми и энергичными – все это уже не свойственно нынешним временам.

Настоящее приносит в литературу совершенно иные и отличные типы и образцы.

Также ранее невинных в большей степени хранила длань Господня, нежели полиция; ныне дела обстоят наоборот.

В прошлом побеждала добродетель, притесняемые, в конце концов, одаривались блаженством, негодяи получали заслуженное наказание, а самые авантюрные

интриги впоследствии разрешались, нередко без вмешательства официальных мест; в нынешние же времена не бывает случаев, в которые бы полиция не совала своего чересчур любопытного носа, и все же жить подлецам становится все лучше и лучше, а притесняемая или подозреваемая невинность и крупницы надежды более не хранит на то, что в конце все могло бы еще обернуться хорошо.

Невинные и целомудренные девушки, о которых во множестве повествовалось в кровавых романах, более не существуют в современной литературе: добродетель их не выдержала бы многочисленных страданий и испытаний, которые они должны были преодолеть, дабы, наконец, в 120-й тетради, стать супругами герцогов и графов или же героически завершить свою жизнь с любимым благородным разбойником.

В литературе настоящего у девушек нет причин идти на столь нелепые или романтические испытания; они достигнут счастья и с обычным глупцом, в том случае, если он обладает хорошим положением или же хранит в кармане социалистический партийный билет.

Есть, впрочем, конечно, и достойные исключения, повествующие о том, что и бедная девушка может хорошо выйти замуж, в особенности в деревне, как замечательно описывают в своих романах О. Фастрова или Богумил Заградник Бродский; однако правда, видимо, состоит в том, что им приплачивают власти, дабы они писали подобным оптимистическим образом, с целью утверждения веры читающей публики в торжество справедливого дела.

В прошлом, если некий сластолюбец соблазнил невинную девушку, автор подобного романа позволял в

связи с оным действием объявиться сотне лиц, которые до пятидесятой тетради романа совершали пару дюжин убийств, мстя за соблазнение; теперь же и в самой растянутой книге все завершится без жертв, примирением сторон или выплатой алиментов; в самом трагическом случае – тремя убийствами.

Независимость, властвовавшую в прежние времена, лучше всего можно наблюдать на примере той самостоятельности притесняемых и страдающих от лишения слоев, с которой они добивались своих прав собственными силами, без помощи властей и полиции.

Разочарованные жизнью одиночки становились, в конце концов, разбойниками и мстителями за свои страдания, что в современные просвещенные времена никак невозможно осуществить.

Можно было бы еще много говорить о замечательных достоинствах, содержащихся в сюжетах кровавых романов, хвалить их либеральный и действительно свободомыслящий дух, царящий в оных книгах, их антиклерикальные тенденции, попытки прославления сильной личности и героя, не знающего преград, пусть даже впоследствии его жизнь обрывалась на эшафоте, однако эту возможность я предоставлю перу более для этого приспособленному в будущем. Из способа мышления, свойственного нашим дедам и отцам, рождались кровавые романы: собственные дети, однако, уже духа отцов не признают и наследниками его себя считать не желают.

Кровавый роман до конца XVIII века

Литературное наследие былых времен в жанре кровавой литературы весьма невелико, поскольку наиболее типичные примеры подобных продуктов уже остро вклиниваются в иные жанры творчества, например в романтическую поэзию.

Если оставить в стороне средневековый рыцарский роман, мы только лишь в шестнадцатом столетии встречаемся с некими далеко не совершенными типами кровавых романов, главным образом с темой отравлений, с сюжетом, разыгрывающимся при дворе или же в окружении папском.

Несколько позже во Фландрии некий де Пфлюнстер, никаких подробностей о котором не известно, издает удивительную хронику: “об одном разбойничьем обер-гауптмане, который в Голштинии 372 человек и малых ребят со света спровадил, и за кои злодеяния, ради назидания иным, на эшафоте палаческом 14 дней привязанный за срамной уд висел”.

Вероятно в то же время была отпечатана также прославленная и вообще известная “Падуанская история”, творение неизвестного автора, о монахе заживо замурованном, который, впоследствии спасшись, над своими недругами мщение учинил.

Другая книга, появившаяся приблизительно в это же время, есть интересная и весьма редкая Геррманова хроника, по сути уже скорее роман, повествующая о судьбе некой дворянки, у которой ее соблазнителем не только честь, но и имение отобрано было, однако

же верный слуга ее, пестуя к ней тайную любовь, стал ее мстителем и помог ей добиться торжества справедливости.

Великой романтикой веет от сего первого классического разбойничьего романа: мотив, в соответствии с коим благородный герой из любви к справедливости становится разбойником, был от тех времен использован и переработан тысячекратно, равно как и наказанные злодеяния соблазнительей или членов семей.

Геррманова хроника в своем романтизме, однако, имела еще одно достоинство по отношению к новейшему роману, что никак не избегала подробных описаний любовных сцен и полового акта, как современная литература поступает по причинам лживой морали, напротив: описание телесной крепости рыцарей было читателям представлено, говоря грубо, совершенно без церемоний, и потому тогдашние читатели были более убеждены в мужественности одного любовника, нежели сегодня, когда подобные эротические страсти замечаются в книгах точками, или же любовник после “страстных объятий” тут же уходит, что скептик мог бы объяснить разве что импотенцией героя.

Книга Геррманова была весьма распространена и любима среди всех сословий в начале XVII столетия. Тогда, однако же, был уже издан и прославленный роман печатника Арнери из Венеции: “О двух милых юношах, которым многие годы немалые опасности их отчим причинял, пока они посредством некоего монаха, заживо замурованного, освобождения не достигли”.

Из многочисленных романов эпохи дошписсовской должно отметить хотя бы следующие:

“Die Begebenheiten des Diebs auf der insul der Herumstreicherin in einer Galgenstragödie vorgestellt”¹. Дрезден, 1740

“Der neue Gewirr”², и т.д., Лейпциг

“Die verliebte Todten”³. Издано Мурантесом, Лейпциг и Франкфурт, 1723

“Der geblauete Stockfisch oder Seebaldus Corsars Mordergeschichte”⁴. 2-е издание, 1758

И произведение самое славное и самое обширное: “Bespräche in dem Reiche derer Todte”⁵.

(Лейпциг, издал Вольфганг Деер, в доме господина Йоханна Швабенса на Гриммишенгассе, 1727.)

Эти *entrevue* (в числе, насколько мне известно, 125), о замечательных убийцах, отравителях и душегубках, какими были: грабитель Никель Листен, укравший золотой лист⁶, промышляющий святотатством Липс Туллиан, из прочих героев Камилло и Цезарь Борджиа, саксонский разбойничий принц Кунц и Арух Барбаросса и т.д., не были простыми описаниями кровавых историй, однако уже совершенным каркасом кровавого романа, так, как новое время его представляет, вопреки его старевшей форме, диалогу.

Также во Франции в самом начале галантной эпохи, являясь прямой противоположностью тогдашней

---

1 "Похождения вора с острова бродяжниц, представленные в висьельной трагедии" (нем.)

2 "Новая путаница" (нем.)

3 "Влюбленные мертвецы" (нем.)

4 "Посиневшая треска, или кровавая история корсара Зебальдуса" (нем.)

5 "Разговоры в царстве мертвых" (нем.)

6 Человек по имени Никель Лист прославился тем, что в 1698 году украл в Люнебурге золотой лист.

сверхчувственной литературе, вышли два весьма интересных корсарских романа, авторами которых были де Юи и Гуазаре.

Не было тогда судна, пристани или корчмы, в которых не читался бы один из романов этих авторов; было постыдным не знать “Истории Морской Крысы” или “Рынка человеческого мяса в Тулоне”.

Замечательной репутации достиг и роман об африканском вожде Иценамаге; автор его неизвестен.

С течением времени здоровый инстинктивный вкус широкой читающей публики был весьма испорчен эхом любовного чирикания придворных писателишек; в роман впоследствии проникли избыточная чувственность, любовный элемент или романтика хранителей морали.

Примером сего может служить “Les Amours de Girazate, ouvrages curieux Pirat & Corsar”¹.

К счастью “роман для черни, то есть будущих убийц”, как отмечает Тэн, не утратил ничего из набора оценивания личных качеств каждого: убийца и жертва были заслуженно вознаграждены признанием читателей, всегда восхищенных теми, кто сотрясает повседневную историю.

Нельзя, однако, установить границы между более старыми и более новыми книгами для народного чтения, послужившими образцом для типичного кровавого романа.

Преобладающие в некоторых из них аутентичные рассказы делают их чтение неудобоваримым. Все же приведем несколько примеров:

---

1 "Любовные похождения Жиразта, увлекательные рассказы о пиратах и корсарах" (франц.)

Роман Ухде: Убийца Ораниенский, или Замурованный герцог из Литла, описание политического преследования ирредентистов испанскими инквизиторами. (Брюгге), 1690.

Ляйтнер Амос: Любовь дворянина на земле и в подземных темницах, или Трижды униженная гордыня одного графа, который, преследуемый судьбою, достоинство дворянское на руководство бандой разбойников променял, в тюрьмах страдал, на эшафот влачим был; всегда, впрочем, благородством одной честной и высокогородной дамы освобожден и в живых оставлен.

Неизвестный автор: Блутунт, то есть Кровавый рыцарь из Шрекберга и его любовница, или описание страшных убийств и зверств, которых сей негодяй по отношению к невинным девственницам и детям совместно со своими дружками допускал, пока через измену своей любовницы разоблачен, правосудию выдан и в Иене казнен отрубанием головы не был; а также записи о том, как он после смерти своей являлся, неспособный достичь упокоения. Страсбург, 1694.

Эти книги уже своим построением и композицией действия похожи на кровавые романы нового времени, как яйцо яйцу подобно, обладая и тем же обострением интриги, и неизбежным торжеством морали.

В начале восемнадцатого столетия по всей Германии подобные романы множились, как грибы после дождя: Шеллинк отмечает их, изданных до 1735 года, числом до полной сотни.

Кажущаяся правдоподобность и с трудом проверяемые из-за удаленности места действия обстоятельства, как и сам сюжет, явились главными причинами

того, что все современные сенсационные подмены кровавых романов так бесплодны.

Характер хорошего, типического, кровавого романа – благородная примитивность, а вовсе не продуманность, время действия – прошлое или настоящее, но никак не скомканное или перепутанное будущее, люди в нем выведены земные, крепкие и искренние, а не болезненные идеалисты или апатики: герои всегда живут, действуют и не теряют почвы под ногами, даже если убивают или страдают.

Также и абстракции любого рода кровавым романам чужды.

Кроме позаимствованных из иных книг кулис демонических, ужасных и устрашающих, нет в истинном кровавом романе ни малейшего следа какой-либо метафизики или мистики.

Кровавый роман не чванится слащавым христианством; справедливость должна быть явной и осуществляться по принципу: око за око, зуб за зуб.

Мораль кровавых романов никогда не бывает относительной.

Многие черные романы пишутся со столь благородной тенденцией, что скорее обратят внимание на моральное унижение и слова, стыдящие людей со слабой волей, чем будут в подробностях повторять карающие манеры, характерные для обычной юстиции.

Потому наказание и расплата вовсе не обязаны быть краеугольным камнем кровавых романов.

Напротив, скорее действует некое правило о том, что с большими негодями все заслуженно будет хорошо, а в сети увязнут мелкие рыбешки, совершенно так, как чаще всего случается в жизни.

Где же тут право?

Речь здесь идет именно о двух типах кровавых романов: их девизы – роман для жизни и роман для романа.

В первом, по-старосветски морализирующем, каждое деяние, все равно, дурное или доброе, не остается без воздаяния. Воздаяние сие всегда определенное, простое и справедливое, лица выступают в романе с самого начала либо хорошими, либо дурными, главным героям всегда сопутствуют герои подобных же качеств, сюжет излишне не закручивается и герои никогда не пропадают надолго из поля зрения.

Во втором типе кровавого романа, создающемся главным образом под влиянием французским, осовремененным запутыванием ситуаций, ограничением примитивизма и наивности, кои и делали старые романы столь прекрасными, теряется морализаторская тенденция посредством устранения всегда наступающей длани Правосудия божьего или человеческого.

Представляется, что многие авторы сами терзались сомнениями и не знали, что же делать с каким-либо особо злостным преступником – и, в конце концов, позволяли ему уйти безнаказанным.

Всеобщий упадок нового кровавого романа можно наблюдать и в чешских изданиях.

Самые старые, истинно благородные романы бывали исполнены романтики, пестрых описательных картин и отмечены быстрым, прямо-таки кинематографическим действием; будучи украшены цветными литографиями, часто мастерски исполненными художниками, например Гарайсом, Тулкой и иными, книги сии формата 1/8 остаются истинными сокровищами чешской литературы.

По упадку более поздних ксилографий ремесленного производства можно судить о бездуховности, искусственности и посредственности текстов новых романов, уровень коих не могли спасти и смелые грабительские заимствования из трудов иностранных признанных литераторов.

В некоторых подобных кровавых романах мы встречаемся с целыми пассажами, списанными у По, маркиза Сада, Шиллера и прочих, хотя здесь и не говорится о каком-либо более старом оригинале, общем для всех (сравни, например, сопоставительную работу Я. Арбеса о Э. А. По и В. Род. Крамериусе в “Светозоре”, год издания 31-й.

Особого исследования заслуживают романы издательства Бензингера, равно как и отважный “исправитель”, писатель Бамбас.

Наконец привожу список романов, называвшихся в свое время кровавыми.

Список этот никак не является полным; я привожу только романы, мне знакомые.

Звездочкой * обозначаю я ту чернушечку, которая, во многих случаях не без расходов и трудов, уже попала в мою библиотеку.

Я готов хорошо заплатить за романы, которые пока еще отсутствуют в моей коллекции; так, например, за

полностью сохранившийся экземпляр романа “Пражский палач” (последнее издание, по счету пятое, вышло у Гинека в 1873 году) я отдам половину к нынешнему моменту вышедших сочинений Ирасека, совершенно новых.

Я обращаюсь ко всем библиотекарям, учителям и вообще людям, которые в основании и обустройстве библиотек и исключении из них дурных книг принимают деятельное участие, дабы они, встретившись с литературным “мусором”, издававшимся до девяностых годов, вспоминали об авторе сей книги и подобное читаво не сжигали, ибо взамен его смогут получить иную, хорошую литературу, или же за него будет хорошо заплачено, поскольку я собираю подобные оригинальности.

Романы, здесь приведенные, издавались от 1852 до 1900 года, главным образом издателями Бензингером, Трахтой, Шальком, Штайнхаусом, Гинеком и другими.

Имена автора или переводчика весьма часто в кровавых романах отсутствуют, потому и здесь я имен не привожу, равно как и не расставляю книги хронологически, по годам издания; пусть это предпримут другие.

- * “Скальное привидение или Тайные злодеяния графини Варбургской”.
- * “Черный Иван, или Мечь обманутого любовника”.
- * “Черный Бенеш, или Братоубийца и поджигатель”.
- * “Красный Бенедат”.
- * “Граф Эгмонт и чудесная Кларка, или Ужасы инквизиции”.
- * “Разбойники во фраке и или Кто кого, тот того”.
- “Миллионер и нищий”.
- “Ледовый дом”.

“Железная дева”.

“Поповское зеркало”.

* “Принцесса и кардинал”.

“Меченый Ванек”.

“Тайны монастырей Неаполитанских”.

* “Мельница в лесной глуши”.

Романы из жизни императорского рода:

* “Карлик императора Карла VI”.

“Изабелла Испанская”.

“Жена монаха, или Привидение в императорском замке”.

* “Узник Ангельского замка”.

* “Перстень императора Иосифа II”.

* “Покинутая”.

“Император Иосиф II”.

“Император Иосиф II и враги света”.

“Император Иосиф II и дочь пекаря”.

“Император Иосиф II и прекрасная певица”.

* “Наталия”.

* “Кардинал Ришелье”.

* “Замаскированный принц”.

Романы разбойничьи:

“Браконьеры, или Тайны старого замка”.

“Разбойники в чешских лесах”. – (за этот роман отдам любую сумму! – Автор).

* “Карел Моор”.

* “Липс Туллиан”.

* “Роза Шандор”.

“Проклятый в темном лесу”.

Иные весьма интересные подобные романы:

* “Гуго Шенк”.

- * “Марино Маринелли”.
- * “Венский палач”.
- * “Король моря”.
- * “Ночной искатель приключений”.

“Проданная невеста, или Амстердамский торговец людьми”.

“Тайны исповедальни”.

“Петербургские трущобы, или Книга о сытых и голодных” (в 6 томах, 1868).

Разные сенсационные романы:

- * “Изменник родины”.
- * “Адриена”.
- * “Отравитель”.
- * “Заговор иудейский в Праге”.

“Герцог Фридландский”.

* “Граф д’Аморал”.

“По царскому приказу”.

“Царь Иван Грозный”.

* “Серый дом, или Царское завещание” (вышли три тетради, последующие выходили под названием “Русский изгнанник, или Еврейское благородство”).

* “Граф Беновский”.

* “В оковах любви” (издано Й. Рубинштейном в Вене. 121 тетрадь, 2905 страниц!)

* “Королевна Драга, погубительница Сербии”.

“Привидение в замке Соколна, или Захваченная в сумасшедшем доме”.

“Эрика, лесная принцесса”.

“Бродяги, или Дочь привратника”.

* “Власта, сирота из Червеного-Градка”

(издал Сынек в Праге).

Милые чешские деревенские домики, которые, кстати говоря, представляют собою рассадники туберкулеза и клерикализма, до наших дней как зеницу ока берегут ворох тетрадей увлекательного чтива, изданного Гинеком и Ко., и хранят и далее для будущих поколений сии сокровища, овеванные духом времен старой и могущественной Австрии, – в том, конечно, случае, если эти тетради не разодрали дети или не сгрызли мыши.

Я знаю одну деревенскую семью, что хранила на чердаке сотню кровавых романов и сыновья которой берегут их ныне из уважения к памяти родителей; мать их была многие годы прикована тяжелой болезнью к постели, и отец, чтобы скрасить печальные часы ее жизни, покупал для нее едва ли не все издававшиеся в то время романы. Какая это богатая и ценная коллекция! Тем более она редка, что в подобной полноте книги эти сейчас мало где можно найти, потому еще, что книги оные нередко бывали Коняшами¹ ХХ века фанатично преследуемы и уничтожаемы.

В глазах народа подобное чтение унижалось, и пуританские морализаторы прививали к нему отвращение по той только причине, что, принося сенсационность, оно недостаточным образом пробуждало в публике патриотические чувства; к истребительной войне против кровавых романов, ведшейся чешскими националистами, присоединилось и австрийское правительство, в глазах коего романы для народа представляли угрозу из-за своих тенденций антиклерикальных.

---

1 Иезуит, в начале XVIII века возглавлявший в Чехии кампанию по изъятию и уничтожению протестантских книг. Его имя приобрело характер нарицательного.

По данному вопросу достигли полного согласия чешский просветитель с габсбургским мракобесом.

И все же некоторые из числа книг столь ревностно преследуемых, романы восьмидесятых годов служили для патриотов неиссякаемым источником национального подъема и прямо пылали описаниями самоотверженной любви к отечеству: в них сочеталась романтика с возвышенной чешской историей (в “Красном Бенедике”), героическими усилиями по достижению национальной свободы (таков роман “Изменник родины”, где описаны события 1848 года и Сабина¹), и, наконец, они же указывали на опасности, грозящие от международного еврейства и его всевозможных щупалец для нашего народа (роман “Заговор иудейский в Праге”).

Сколько политиков, патриотов и выдающихся чешских людей было воспитано на подобной литературе, и что же! Дети этих самых отцов не хотят уже признавать

---

*1 Карел Сабина, чешский писатель, избалованный в доносите-
льстве австрийской тайной полиции.*

этих книг, подавляют их и преследуют, как дурную литературу, как только могут.

Можно, конечно, привести возражения, что помимо посредственных романов издавались и хорошие, которые были плодами просвещения.

Хотя и много было в то время хороших книг (хороших с точки зрения нынешних морализаторов), они, однако, не попадали в руки простому народу из-за недостатка распространителей, а если вдруг и попадали, то народ их не читал, ибо в них отсутствовало одно из главных условий, необходимых для книги, если она претендовала быть хорошо продаваемой и читаемой: завлекательная напряженность действия.

Переход от молитвенников, карт и пива к творениям патриотических писателей не осуществлялся в те времена столь внезапно; народ необходимо было еще только привлечь и завлечь к книгам иным, нежели календарь и молитвы, содержанием, отвечающим способу его мышления.

Народ не удовлетворился картинами обычной жизни, пусть даже наиболее художественно и красиво создававшимся Немцовой, Светлой, Хохолоушком и иными, народ жаждал узнать правду о том, что находится за кулисами сфер, наиболее от него закрытых и таинственных, будь то правящая династия или иезуиты, монастыри, разбойники и притоны в больших городах.

Жажда эта не угасла и нынче.

Произведения признанных писателей можно сравнить с пьесами, идущими в театрах, – “кровавый” же роман – с пестрым кинофильмом, который, естественно, большему числу людей приходится по душе и большее значение для них имеет.

Материя притягивает материю, но не идеалы!

Сравним, например, распространенность среди народа дешевых романов с произведениями лучших писателей того времени: какое разительное отличие!

Любой распространитель отказался бы от того, чтобы разносить по деревням книги Галека или “Май” Махи – всюду бы ему указали на дверь, – в то время как если бы он принес продолжение, например, сенсационного романа “Тайна замка Фельзек”, или чрезвычайно увлекательного романа “Мариэтта, дочь графа Монтильона”, или “Трагических последствий подделанного завещания”, то был бы всюду с нетерпением ожидаем, приветствуем и угощаем.

Нельзя также представить себе какого-нибудь ткача откуда-нибудь из Глинска (куда вплоть до 1904 года, несмотря на бедность тамошнего края, доставлялось множество кровавых романов), или в Рудных горах, который читал бы творения Неруды или Тршебизского. А вот кровячек ему в самый раз!

В рабочих кварталах никогда не брали в руки ни Арбеса, ни Пфлегера, зато семьи рабочих прямо-таки зачитывались такими романами, как “Шахтерская дочка”, “Кровавая свадьба” или “Морской разбойник венецианский” (знаменитого писателя Г. фон Брюля, издал Бензингер в Праге), или же “Ужасы Бастилии”.

Сферы мышления стадной человеческой толпы, будь то бедный необразованный народ крестьянский или рабочий люд с заводов, до сих пор заражены влияниями, оказанными подобным кругом чтения на души их родителей; их души суть дух кровавых романов.

Золотой век чешской литературы может вернуться лишь тогда, когда с книжного рынка исчезнут тонкие

томики рассказов, стихов, романчиков и разнообразных повестушек, форматом 1/8 и насчитывающих самое большее 300–400 страниц, а вместо них не начнут издаваться солидные, формата в два раза большего, тома романов, истинно толстые, каждый по крайней мере в 2–3 тысячи страниц.

Как совершенно по-особому воспринимается уже из-за своего внешнего вида внушительный переплетенный роман “Власта, сирота из Червеного-Градка”, 2757-страничный, рядом с какой-нибудь мелочью, например, Ружены Есенской, как бы он не был украшен, пусть даже мастерскими и вдохновенными гравюрами Фр. Коблиги!

Нельзя, впрочем, здесь сравнить оформление обоих упомянутых книг, однако намного большие симпатии среди представителей современного искусства заслужили бы иллюстрации к “Власте”, чем произведения Коблиги; здесь напомним лишь две чрезвычайно интересные иллюстрации:

Первая изображает весьма соблазнительную даму, развалившуюся в кресле и исполненную всяческих прелестей, так, как даже Кремличка нарисовать бы не сумел, и стоящего над нею элегантного господина; надпись под иллюстрацией гласит:

“Чего хотел этот негодяй?” – спросил граф...

На второй иллюстрации изображен мужчина, падающий с лестницы (о том, что падению сопутствовал крик, мы узнаем из текста внизу), поскольку лестница подломилась, о чем иллюстрация и служит свидетельством. Мы удивляемся лишь тому, как она могла столь внезапно подломиться, если ее перила массивнее, чем тело того, кто по ней лез.

Иллюстратор здесь, вероятнее всего, имел в виду экспрессионизм, хотя последний еще не был изобретен.

В юморе, брызжущем из различных недоразумений и ошибок в кровавых романах, как в иллюстрациях, так в тексте, никогда не бывает недостатка.

Особо запоминающиеся ошибки содержатся, к примеру, в романе “Генофефа, отвергнутая супруга”.

Известный Мрва из “Омладины” был яростным читателем кровавых романов, и его романтика питалась плодами изданий Трахты, Гинека и Бензингера.

Особенно вышедший в 1871 году у последнего из упомянутых издателей роман: “Дочь бродяги, или же Привидение Эберштайнского замка”, написанный д-ром Рафаэлем (!) и Бамбасом переведенный, сильно вдохновлял Мрву.

В рекламах издателей кровавых романов мы читаем дословно: распространитель не имеет права делать иных обещаний (касательно премии), помимо тех, что здесь (на обложке), приведены, – Очевидно, распространители состязались друг с другом в обещаниях баснословных премий, для того лишь, чтобы как можно больше тетрадей сбыть простому народу.

Известный случай из того времени, когда распространитель, разносивший роман “Тайное преступление, или Война за наследство”, вкупе с не менее знаменитым “Князь-авантюрист, или Проклятие преданной любви”, обещал в качестве премии к покупке обеих романов карету с парой лошадей и обманул тем самым сотни людей, безусловно, не был единичным.

Чем Шекспир является для драмы, Вергилий – для поэзии, тем стал славный Крист. Йоз. Шписс (1755–1799) для кровавого романа.

В творениях Шписса достигла вершины вся красота совершенного типического романа, обозначаемого титулом “кровавый” или “черный”.

Сдается, что романы Шписса, самыми известными из которых стали классические творения: “Замурованная девственница Маринка”, “12 спящих дев”, “Рыцари-разбойники и чудовища”, представляют собой некие высшие ценности и законы, определяющие внутреннюю ценность кровавых романов, издаваемых позднее.

Их достоинства суть:

- Высшая романтика.
- Примитивная, однако смелая фантастика.
- Мистика страха с мотивами чувственными.

Романы Шписса о чудовищах и разбойниках – вершина всех вымышленных, искусственно создаваемых и на основании неправдоподобности построенных историй под маскою романа; наследство средневековых Пексенфельдров и Брандтов, угасающие отблески костров демоно-магических и романтически-разбойничьих XVII столетия.

Дух Шписса есть дух Метерлинка на низшем уровне развития, которому недостает лишь культурного просвещения.

По сути, Шписсом открыта истинная сущность человеческой души, с ее интересом ко всему необычному и таинственному.

Скептический дух разума, однако, не может удовлетвориться историями о чудовищах, в особенности в то время, когда лишь недавно вера в подобные явления отправлена была в царство предрассудков, и в качестве замены жестокой романтики ищет новых форм романа, отмеченных клеймом “искусства”. В те

времена, однако, не сильно отличался бы Метерлинк от романописцев школы Шписса.

Народу, впрочем, приходился по душе простой и неприкрашенный способ письма в тогдашних романах, такой, каким он был; он вполне смирялся до лет просвещения со всеми русалками, чудовищами, да и чертями (*Rauberschreck oder Schloss Murrstein*¹, Вена, 1838), если они оставались от прошлых столетий.

Давно ушли времена, когда к толстому роману за доплату в пару крейцеров можно было получить вдобавок замечательную премию, которая подходила к содержанию покупаемого романа ровно так, как корове подходит седло.

К разбойничьему роману присовокуплялась за умеренную и невысокую доплату в сумме 1 золотой 30 крейцеров премия “Молитвы Сердца Господня” в переплете из телячьей кожи, или же будильник.

Чаще всего, однако, это были прекрасные цветные картинки, – как правило, двусторонние.

---

¹ *Привидение разбойника в замке Мурштайн (нем.)*

К роману “Венский палач” (издал Гинек в 1873) прилагались в виде премии “весьма элегантно написанные картины за доплату 50 кр. за штуку: “Первая капля крови” и “Торжество развратника”.

Последние премии, впрочем, с содержанием романа как раз вполне сочетаются.

Жаль, тысячу раз жаль, что уже более не живут и не действуют добросовестные и солидные издатели книг для народного чтения, вроде Трахты, Шалека, Штайнхауза, Нойберта, Бензингера и Гинека!

Народу не нужно какое-либо абстрактное изображение добра и зла в вымышленном типе придуманного героя, ему необходим истинный герой из плоти и крови, или, по крайней мере, вера в то, что такой герой когда-либо жил, и эту слабость и вечно живое стремление весьма охотно удовлетворяли упомянутые издатели тем, что выпускали актуальные и злободневные новинки.

Такие замечательные романы, отражающие как можно вернее современные движения человеческого мышления и склонностей, интересов и социальных ситуаций, есть и будут на вечные времена важнейшими документами и источниками для культурных исследований будущих поколений историков.

Каким неоценимым материалом для изучения человеческой души может быть какой-нибудь старый роман, к примеру “Барбора Убрикова, замурованная монашка”!

Или роман о грабителе Бабинском!

Я не привел в своем списке целый ряд весьма интересных кровавых романов, столь знакомых нашим родителям, и сделал это нарочно.

Пусть уже внуки наши, случайно обнаружив один из оных анахронизмов, исполнят танец радости над подобною находкою, если в их времена будут еще существовать библиофилы и коллекционеры.

Верю, однако, что уже молодежь в те времена более не будет читать ни Ирасека, ни Маркса: только книжные редкости из-за своей оригинальности и уникальности сохранят свою цену.

Какую радость подобному любителю необычайных книг приуготовит нахождение такого кровавого романа, как “Малоостранская графиня”, “Невинно на смерть осужденная”, “Тайны тюрьмы Святовацлавской”, “Первая любовница”, “Графский сын-сирота”, “Герой любви” и т.д. и т.п.

Будущие поколения не поймут, как можно было в наши времена некоторым людям читать такие сухие скучности, какими являются, например, разные общественные исследования и “Капитал” Маркса, и не знать при этом большинство народных романов, из которых можно узнать все то же самое – но гораздо более правдиво и с большим весельем и интересом.

Они будут удивлены тем, какие жалкие книжонки под видом просветительных и поучительных книг издавались в наши дни, какие абсурдные утопии социальные и нравственные предлагались публике, вовсе не в форме романов, а как научные труды.

Еще более они удивятся, увидев, что частные и публичные библиотеки наполнены литературным мусором

всевозможных “ревью”, куда различные литературные сосунки сносили свои первые опыты не только литературные, но и чистописательские, под патронажем поседевшего в службе на Парнасе ветерана, который ныне, однако, стал полным кретином в том, что касается современного взгляда на искусство и на мир вообще; ревью, которые юноши, едва только покинувшие школу, наполняли сверхучеными критическими статьями о материях, в которых ничего не понимали (если только эту живодерскую работу, расправляться со своими недругами, не выклянчивали у них коллеги по профессии), то есть мусором, по прошествии лет не имеющего вовсе никакой ценности.

Лишь литература, из которой отцы и деды наши черпали романтику, восторг, а во многих случаях и жизненную мудрость, народные романы, обозначаемые ругательным определением “кровавые”, эти важнейшие представители и составные части духовной жизни народа, там будет отсутствовать.

Конечно же, после того, как с течением времени спадет национальная горячка и ученые историки более обратят свой взгляд на всеобщую, международную волну человеческого мышления, устремлений, творчества и ошибок, каковые с собою несет вечно изменяющаяся и постоянно переоформляющаяся культура, они начнут искать наиболее читаемую и распространенную литературу, пищу духовную самых широких слоев населения, времен, предшествовавших Великой войне.

С трудом будут они находить какие-либо кровавые романы, изданные с 1852 по 1905 год, поскольку к тому времени эти весьма интересные и важные культурные документы будут более редкими, чем

утконос в Париже. Если они не были уничтожены дурноголовыми современными моралистами, то их неминуемо ждет распад в прах из-за ужасного качества бумаги, на которой они обычно печатались.

Нет необходимости подчеркивать, что экземпляры отдельных романов, если все же сохранятся до того времени, будут для библиофилов более ценными, чем сочинения Ирасека или первые издания книг патриотических будителей.

Опираясь на качество бумаги, на которой печатается сия книга, и добрые руки тех, кому я ее доверяю, я попытаюсь здесь принести для будущих времен отрывок подобного черного романа, так примерно, как он выглядел.

Это своего рода смесь из оной сотни кровавых романов, которые я за последнее время уже прочел, не имея до сих пор никаких неприятностей с правосудием.

ОПЫТ ТИПА ИДЕАЛЬНОГО КРОВАВОГО РОМАНА.

Название:

Пыточная душегубов, или Притон негодяев в графском алькове, или Привидение и висельник, т.е. Таинственные духи на пиратском бриге, или Кровавый чулок, или Добродетель во всем помощник, или Монастырская дева и срамной дом в Гишпании, или же Тюремный фонарь и таинственные убийцы в пустой мельнице у черного леса.

Глава I.

Тайны старого дворца.

Исполнен печали, сидел в великолепном покое одного из бесчисленных залов дворца Барселонского благородный князь Педро де Рудибанера.

Печаль ли это, или слеза, что волнует и тревожит его нутро, или гнев бешеной бури, мчащейся по замку, завывает и стонет там, в дверных проемах?

Старец тяжко вздохнул.

Павшие от руки убийцы предки его теснились вокруг, будто привидения; на чердаке и на лестницах все кишело страшными призраками. В опустевшем зале – ни шороха, ни движения.

– О, где ты, дочь моя, – так вздыхал сей покинутый старец, – уж черви, верно, гложут юное тело твое где-то в месте, всеми забытом!

С этими словами впал князь в глубокие раздумья. Ужасная тишина распространилась вокруг.

Лишь с улиц Барселонских проникал в комнату сквозь тайные ходы под дворцом вой ветра, который, развевая белые волосы старика, доносил до него чудовищный запах подгорающего мяса еретика, сжигаемого заживо инквизицией.

Сегодня как раз десять лет с того дня, как единственная дочь князя украдена была цыганами.

И вдруг страшный удар грома потряс дворец.

По комнате прошла привидением прародительница одного рода.

И в тот же миг в зал надменным шагом и с гордою улыбкой вошла дама высокой фигуры, возрастом лет 35, весьма красивой внешности.

Это была любовница князя, проклятие его семейства.

Казалось, что сам дьявол стоит за нею.

Увидев спящего князя, презрительно захохотала она и ушла.

Дух прародительницы трижды облетел князя и, жалостно возопив, исчез.

Новый удар грома пробудил князя от тяжелого сна.

Глаза его остановились на фигуре, которая лезла сюда через окно.

Кто же этот таинственный незнакомец?

Это Курт, неродной сын князя.

Князь Педро двадцать лет тому назад произвел его на свет от Руженки, работницы завода в Червеном-Гаммершлаге, не заботясь с тех пор ничуть о судьбе соблазненной своей любовницы и собственного внебрачного сына, коему исполнилось как раз 25 лет.

Курт приходит как раз добиваться признания своих сыновних прав от жестокосердного отца.

Для этого должен он избрать ночь и путь через окно; привратник не пустил его в дворец из-за его оборванного платья.

Наконец он здесь: как же он ждет минуты, когда сможет припасть к ногам своего отца.

Вдруг опять отворились двери в зал, и опять ими вошла княжеская любовница.

Она спешила обнять пробудившегося князя.

С гневом в сердце узнает в ней Курт неверную, исполненную притворства женщину, которую он некогда любил.

Теперь он видит ее обнимающей его собственного отца.

Ревность и любовь сотрясают его сердце, он совершенно вне себя.

Он достает из сапога широкий нож и, будто дикий зверь, бросается к льнущей к князю любовнице.

Бешеный свист острого ножа и вопль ужаса пронеслись по дворцу.

Все десять пальцев изменницы-любовницы разлетелись с шумным грохотом по всем углам зала.

И князь издал крик отчаяния.

Глава II.

Убийство в доме лесника.

В лесной глуши жил лесник Калина, гроза разбойников и браконьеров, которые в том же лесу обитали, со своей дочерью Марией.

Жена его десять лет как умерла, так что был старый Калина уже долгое время вдовцом.

Дом его содержала и все хозяйство вела единственная его дочь Мария, которая была весьма привлекательной девушкой.

Кроме нее, впрочем, Калина имел еще 8 детей, которые по большей части уже разбрелись по свету, или же, неся свою службу, пали от преступной руки браконьеров.

За это получил лесник Калина от сиятельного князя большое содержание и жил в достатке.

Марии, однако, в одиноком домике лесника было не по сердцу, и мечтала она переселиться в город.

Вероятно, потому, что чужая она, что в ее жилах течет благородная кровь; об этом, впрочем, знал лишь старый Калина, а он ей ничего не сказал.

И читатель об этой тайне узнает в свое время.

Пока же мы видим Марию, как она собирается на свидание.

Быстрым шагом спешил к домику лесника молодой батрак Трясонь, самый красивый парень на деревне; был он сыном повсюду известной колдуньи.

Мать его жила в ободранной халупе у реки за деревней, и все звали ее старой Гатой из пастушьей хижины. Трясонь же работал в деревне у богатого крестьянина.

Был он высоким и стройным парнем.

Сегодня он как раз спешит на свидание.

Мария, ожидавшая его с нетерпением, при виде того, как он приближается со стороны деревни, нетерпеливо и радостно поспешила навстречу своему милому.

Все ближе и ближе она к нему, грудь ее вздымается все сильнее в предчувствии сладостей любви.

И Трясонь спешит, чтобы поскорее с ней встретиться.
Темная тень мелькнула у него перед глазами.

Тут же раздался выстрел, и спешащий Трясонь, обливаясь собственной кровью, рухнул на землю.

С громким воплем пала Мария на тело своего любимого и, не в силах вынести страданий, лишилась чувств.

Глава iii.

Труп в дымоходе.

Покинем на миг лишившуюся чувств Марию и отправимся вновь на улицы Барселонские.

Прохладная ночь одного из майских вечеров.

В подвале большого дома сидел служитель морга со своей женой и ужинал.

Перед ними стояла полная бутылка вина, к которой время от времени оба супруга надолго прикладывались.

Из неподалеку расположенных залов, где производились вскрытия, проникал в подвальную каморку смрад тел разрезанных покойников, к которому, однако, служитель и его жена уже привыкли, так что он им ничуть не мешал.

Часы пробили одиннадцать.

Всюду была могильная тишь. Лишь из подвала морга слышен был монотонный звук, с которым разбухали некоторые из трупов.

Вдруг раздался стук в дверь.

Жена служителя поспешила отворить.

В дверь вошел огромный монах, волочивший за спиной мешок.

Монах сей, пройдя в комнату, бросил свою ношу и, тихо поприветствовав хозяев, вежливо сел.

Казалось, что он бывает здесь частым гостем.

Служитель налил ему полный бокал вина, который монах с жадностью выпил.

Было заметно, что он никогда не откажется от хорошей выпивки.

Монах сей, коего мы Бруно будем называть, был экономом монастыря святого Сулципиция, расположенного на противоположном конце Барселоны.

В этом монастыре каждый день барселонским беднякам раздавалась в полдень великолепная похлебка с копченостями.

Гробовую тишину подвальной каморки морга, нарушаемую лишь размокающими мертвецами, прервал наконец Куба, как звали одного слугу, такими словами:

– К какому сроку вам нужны копчености, святой отец? Или у вас уже кончилось мясо с последнего раза?

– Дело несрочное, – ответил отец Бруно, – я принес вам сегодня, напротив, иную работу и более важную, чем копчение.

С этими словами он подошел к таинственному мешку, который он с собою принес, стоящему ныне в углу, и, положив его на стол, начал развязывать.

Куба с женой помогали ему в этом.

Когда груз был, наконец, извлечен из мешка, он оказался телом прекрасной девы.

Она была совершенно нагой.

Казалось, что она мертва.

Судя по белизне тела и сложенным вместе ладоней, это была, вероятно, какая-нибудь монашка.

На теле ее не было ни единой раны.

Мешок же был новый, и, судя по монограмме в углу, принадлежал монастырю св. Сулципиция.

Отец Бруно вытащил из своей сутаны тяжелый кошелек, положил его на стол и сказал:

– Госпожа аббатиса Вам приказывает, дабы вы сию нашу в Бозе почившую сестру, монахиню Агатку, уложили в какую-нибудь из бочек со спиртом, так, дабы ее тело сохранилось неизменившимся до будущего лета, и дабы она могла быть, как чудесным образом сохранившаяся, провозглашена святой. От этого монастырь приобретет от верующих богатые дары, и вы, безусловно, будете довольны наградой, которая вам будет положена.

Произнеся эти слова, отец Бруно ушел.

Как только эконоом исчез, поднялся и Куба и отправился в морг, чтобы принести спирт для того, чтобы погрузить в него труп.

В камерке осталась лишь его жена и мертвая монашка.

Вдруг ей почудилось, что труп пошевелился.

Жена Кубы протерла глаза и отхлебнула из бутылки. После чего уселась и начала клевать носом.

Вскоре уже раздался ее шумный храп.

Вдруг мертвая монашка приоткрыла глаза.

Она начала оглядываться вокруг, пытаясь понять, куда же она попала.

Вонь, исходившая от мертвецов, должна была казаться ей ужасной.

Наконец ей удалось сесть на стол и осмотреться.

Она начала трястись от ужаса, поскольку увидела рядом с собой остатки недоеденного ужина Кубы: закопченное человеческое колено и человеческие почки, запеченные с перцем.

С брезгливостью отвернулась она от этих чудовищных блюд.

Тут же ею вновь овладел испуг.

Причиной этого были уже знакомые нам звуки от размокающих в зале для вскрытия трупов.

Исполненная ужаса, она хотела немедленно бежать.

И тут она заметила, что на ней нет платья.

Кроме того – куда бежать, и как, чтобы эта спящая баба не пробудилась и не заметила?

Взгляд ее остановился на камине, который не был растоплен, это был единственный путь к спасению.

Она не могла, однако, уже колебаться ни минуты.

В то время Куба уже нес большую бочку, в которой, как нам известно, сия монашка должна была быть залита спиртом.

При этом он вспомнил, что ему надо бы заглянуть в коптильню, где он давно уже не был.

Коптильня находилась на чердаке морга, и никто, кроме Кубы и его жены, о ней не знал.

Куба коптил в ней трупы из морга и посредством отца Бруно поставлял их в монастырь св. Сулципиция, где Бруно варил из них похлебку.

Потому эта похлебка для бедняков была столь замечательна, что мяса в ней было достаток, и много оно при том не стоило. В монастыре, впрочем, не догадывались, что Бруно варит похлебку из мертвецов.

Прибылью сей чудовищный повар делился с Кубою; оба занимались этим страшным ремеслом уже несколько лет.

Медленно волоча ноги, Куба достиг наконец чердака.

У самого края в первой трубе должен был висеть закопченный труп одной из женщин, повешенный там уже около месяца назад.

Однако трупа этого там более не было.
Куба начал его усердно всюду искать.
Кто-то, очевидно, должен был украсть этот труп из
трубы.

Вдруг Кубу ударили по голове палкой.
Бездыханный, рухнул он наземь.

Глава IV. Голос крови.

Мы покинули несчастную Марию, когда она, лишенная чувств, над своим любимым в обмороке лежала.
К тому времени уже спустилась ночь.

По лесной тропинке возвращался в свой домик лесник Калина.

Еще шаг – и вот он уже видит ужасную картину.

Сокрушенный, падает он на землю, к жертвам неизвестного убийцы.

– Боже милостивый, Мария, не так я думал вновь с тобою увидеться! – так зарыдал несчастный старик.

Вдруг из леса вышла таинственная фигура.

Это был Рольф, юный охотник из соседних владений, который также Марию любил и все время только о ней думал.

Увидев на земле лежащего и рыдающего лесника, а неподалеку от него два окровавленных трупа, он долго не раздумывал и вернулся обратно в лес.

Он быстро спешил в жандармский участок.

Случайно еще в лесу ему встретилась карета, в которой сидели три человека.

Ими были комиссар полиции и жандарм, которые везли с собою связанного разбойника по имени Бенда,

которого поймали крестьяне в одной деревне и коего теперь в тюрьму сопровождали.

Рольф сразу же подошел к карете и сообщил об убийствах, произошедших в доме лесника.

Комиссар, который был с Рольфом знаком, приказал кучеру ехать к леснику, Рольф занял место на козлах рядом с кучером.

Не прошло и получаса, как они прибыли на место преступления.

За это время там ничего не изменилось, и старый Калина по-прежнему стоит на коленях над лежащими на земле любовниками.

Он истово молится Богу и просит дать ему сил в столь тяжелый час.

Вдруг он почувствовал на своем плече чужую руку и до ушей его донесся строгий голос комиссара полиции, который провозгласил:

– Именем закона арестовываю вас, Калина!

– Я невиновен, – простонал лесник.

– Это только суд сможет решить, – отвечал ему комиссар. – Вы были найдены с оружием в руках у своей застреленной дочери и ее ухажера, и существует обоснованное подозрение, что именно вы отправили ее на тот свет по неизвестной причине. Жандарм, наденьте на него наручники!

Не будучи в силах выносить дальнейшие страдания, без вины подозреваемый Калина после этих слов подпрыгнул и, ранее чем ему могли в этом помешать, вытащил из ножен нож и воткнул его изумленному комиссару полиции в горло.

Кровь брызнула из него, будто из крана с пивом, и комиссар начал валиться наземь.

Горло его издало крик.

Причиной сего крика была не столько боль, сколько огромное изумление.

Дело в том, что он увидел на руке Калины выпатированного дождевого червя.

Этот червь был родовым гербом графского рода из замка Райзенштайн.

Семейство это с ходом времени обеднело, и его члены были рассеяны по свету и занимались самыми различными профессиями.

(Портрет: Наследный граф Райзенштайнский)

Среди убийц и висельников.

В одной из самых глухих частей Амстердама, неподалеку от моря, располагалась наряду с другими притонами моряков одна пивная, порог которой честный человек никогда не отваживался переступить.

Этот истинный вертеп порока назывался “Корчмой у гноящегося матроса” и был повсюду известен.

В этих преступных дебрях собирались лишь подонки человечества, и потому полиция им уделяла чрезвычайное внимание.

Иногда ей там удавалось схватить какого-нибудь убийцу или мошенника, однако иных причин для закрытия оной корчмы не находилось.

Зайдем на минуту в это логово.

Это комната со сводчатыми потолками, сильно задымленная, с люком, хитрым образом скрытым посреди пола.

Через этот люк нередко кто-нибудь неугодный проваливался и исчезал на дне подвала, под ним находящегося.

Вероятно, в том подвале до сих пор гниют тысячи мертвецов.

Прямо у дверей расположена стойка, где разливают напитки, а на ней ряд бутылок с водкой; дополняют их плетенки протухших колбасок, черствый хлеб и ящичек сигар.

За стойкой сидит одноглазый хозяин корчмы, именем Филиштирберт, которого все называли мохнатый Адам.

Было ему около пятидесяти лет.

Вот мы видим, как он увлеченно беседует с человеком в маске.

У собеседника его на голове была маска, потому не было возможно ничего разглядеть в его лице.

И матросы, сидевшие за столами, на него почти не обращали внимания.

Казалось, что корчмарь и масочник договариваются о чем-то секретном.

Было заметно, как лицо человека в маске загорелось странным блеском.

Мохнатый Адам склонился под стол и вложил в ладонь человека в маске горсть толаров.

Забормотав что-то непонятное, человек в маске отошел от стойки и присел к одному из столов, куда ему хозяин корчмы вскоре принес полную кружку пива.

За этим столом уже сидели трое мужчин с весьма опустившейся наружностью.

Человек в маске поздоровался с ними как со знакомыми.

Эти люди были его приходом приятно удивлены и восторженно выражали свою радость.

– Приветствуем тебя, дорогой мастер, наконец-то ты опять с нами встречаешься! – сказал мужчина, сидящий слева, лицо которого было окаймлено густой черной бородою.

– Мастер нам, конечно же, опять задаст работу! – отметил сидящий вправо оборванный юноша, нахмурился и ужасно захохотал.

Мастер, как называли человека в маске, ничего не ответил, но, направив свой взгляд на третьего за столом, напротив него сидящего участника сего чистейшего общества, промолвил:

– С какого же это времени смеют в нашем цехе заседать чужие лица без разрешения вождя? – Что это за юноша и кто из вас привел его сюда?

– Прости нам, атаман, – ответил на эти слова бородач, сидевший слева от человека в маске и которого мы будем называть Потрошителем, – я сам привел этого человека, который укрывался от мытарей, поскольку всего почти неделю назад ему удалось бежать с галер в Тулоне. Думаю, что в Бенеше, каково его истинное имя, мы нашли ценное дополнение для нашей банды, ибо ни один замок перед ним не устоит, каждый из них сможет он отворить своими отмычками. Я за него, мастер, ручаюсь и, если он оправдает ожидания, буду счастлив тому, что его нашел.

– Ну что ж, в таком случае с ним можно попробовать, – сказал человек в маске, с явным удовольствием рассматривая плутовское лицо и хитрый глаз длинного Бенеша, – он, однако, сначала должен нам принести клятву, что никак не проговорится о тайнах нашего общества.

После того, как Бенеш горячо согласился, приступили к ритуалу страшной клятвы, который сопровождался яростным распитием спиртного.

Глава VI. Отцеубийца.

С ужасом смотрел лесник Калина на жертву своей вспыльчивости, залитого кровью комиссара полиции.

И на Рольфа, и на всех прочих присутствующих этот случай оказал горестное впечатление.

Рольф должен был исполнить печальную обязанность – арестовать своего коллегу по профессии,

лесника Калину, самостоятельно, поскольку второй жандарм упал в обморок при виде сих страшных картин.

Комиссар, однако, не был мертв, и рана его была лишь легкого характера.

В конце концов, он привык к подобным ранам, которые не были редкостью во время его многочисленных столкновений с негодяями и кои его работа сама собою приносила.

Залитый кровью, он поднялся с земли.

Он, конечно, был несколько ослаблен потерей крови, однако в целом чувствовал себя замечательно.

Беззлобно обратил он свой взгляд на отчаявшегося было Калину.

Тот был очевидно удивлен.

– О сын мой, можешь ли ты меня простить? – горестно запричитал раненый комиссар.

– Дорогой отец, вы ли это, или обманывает меня мое зрение? – так воскликнул изумленный лесник.

– Да, это я, твой несчастный отец, владетельный и наследственный граф Райзенштайнский, который тебя когда-то из дома отцовского изгнал, – ответил граф Райзенштайн, как мы будем теперь истинным его именем комиссара называть. – Долгие годы я тебя, сын мой, бесплодно искал! Боже милостивый, не так думал вновь с тобою встретиться отец твой”, – добавил он.

– Долго носил я сию тайну укрытой в своей груди, – ответил честный Калина, – и всегда верил, что однажды все же должен увидеться с отцом своим.

Граф вздохнул про себя, после чего сказал:

– Рассказывай, о сын, что ты по вине моего черствого сердца должен был вытерпеть на свете?

Калина раскурил свою трубку и начал рассказывать:

– Когда я в то время, по юношескому недомыслию, взял вашу трубку, которую вы берегли как память о военной службе, то, будучи за это проклят и изгнан из дома отцовского, бродил долгое время по свету, пока, наконец, не пристал к цыганам. С ними попал я в эту страну, где, случайно спася молодому князю жизнь, был здесь в награду за то назначен лесником. За те годы, на протяжении которых я в довольстве здесь жил, я позабыл уже о том, откуда я родом, как не знаю уже ничего о своем доме и какова была наша родовая фамилия, только по этому вытатуированному на руке дождевому червю, который был нашим семейным гербом, я знал, что происхожу из графского рода. Часто я спрашивал о своих родителях и искал их, никто, однако, мне не верил, или этого рода не знал, так что здесь жил я просто как Калина.

– Несчастный сын мой, как много всего должен был ты вытерпеть на свете за это время по моей вине, – обратился к леснику граф Райзенштайн, вытирая с раны на горле слезу, которая туда скатилась из глаза.

– Ах, – ответил Калина, – вы, дорогой отец, вытерпели теперь намного больше, когда я, ослепленный несправедливостью, которая произошла арестом меня, невиновного, нож свой вам в горло воткнул! Простите мне это, дорогой отец, и подайте мне в знак примирения вашу благородную длань! Я вам клянусь, что на моих руках нет крови этих двух молодых людей, дочери моей и ее любимого!

– Что же? Эта прекрасная девушка – моя внучка? – спросил граф и добавил, – но мы здесь слишком увлеклись нашими семейными чувствами и проявлениями любви из-за счастливой встречи, а между тем

преступники могли уже от нас скрыться. Мы друг с другом обо всем остальном поговорим позже, как и о том, почему я более не живу в замке Райзенштайнском как наследный его господин и почему должен был вступить в службу местного властителя как комиссар полиции. – Ныне, однако, оные благие чувства оттого, что нашел я своего потерянного сына, должны уступить служебным обязанностям, и мы обязаны немедленно начать поиски убийц этих молодых людей. Я конечно, дорогой сын, верю, что ты это преступление против дочери твоей и ее ухажера не совершил, однако же на свободу отпустить тебя не могу, так что считай и дальше себя арестованным. – Надеюсь, Господь нам поможет в том, что еще сегодня мы схватим убийцу, чтобы я тебя, сын мой, мог освободить.

Старый Калина более уже ничего против своего ареста не возражал.

На небосклоне занялся уже рассвет, и в деревне звонили “Ангел Господень”.

Граф предложил, чтобы все истово помолились за тех, кто здесь от руки убийцы в Бозе почил, как и за успех их экспедиции, чтобы негодяев удалось схватить.

Итак, все истово молились, включая и жандарма, который к тому времени пришел уже в себя.

Наиболее горячо молился, однако, Калина, благодаря за то, что рана, которую он своим ножом горлу комиссара нанес, оказалась не смертельной, и что он таким образом убийцей собственного отца не стал.

Затем все в последний раз осмотрели оное трагическое место, где недвижно лежали Мария с Трясоном, и отправились прочь растроганные.

Сквозь ветви лесных деревьев на трупы с интересом глядело утреннее солнце.

Когда граф с жандармом, Калиной и Рольфом вернулись из леса на дорогу, перед их очами предстала ужасная сцена.

Карета, в которой жандармы со связанным Бендой и комиссаром сюда приехали, впрочем, по-прежнему стояла там, где ее оставили, однако преступник из нее исчез, а жандарм лежал рядом с каретой мертвый.

Жандарм этот должен был Бенду, крепко связанного по рукам и ногам, сторожить до тех пор, пока комиссар и другой жандарм с Рольфом не вернулись бы от места преступления.

Теперь же Бенда исчез, а его сторож лежал у кареты с разбитой головой.

И штык, который был у него на кивере, исчез.

Граф, осмотрев и изучив ближайшие окрестности, промолвил:

– Этот Бенда, должно быть, матерый негодяй! Лежа связанный в карете, он использовал тот момент и возможность, когда жандарм спиной к нему обратился, и перерезал свои веревки об острый штык жандарма, находившийся на одной высоте с каретой. Жандарм этого даже и не заметил. Впоследствии Бенда, избавившись от веревок, столкнул его под лошадей, как многочисленные раны от ударов копыт на голове свидетельствуют, и, двинув поводом, их испугал, так что они жандарма до самой смерти растоптали. Затем успокоил коней, вытащил мертвеца из-под копыт и, завладев штыком, бежал.

Рольф и жандарм начали осматривать окрестности вслед за ним, ища какие-нибудь следы пропавшего Бенды, как и убийц Трясона и Марии.

Вдруг Рольф, который уже удалился по дороге от кареты метров на 750, воскликнул:

– Господин комиссар, подойдите сюда скорее! Здесь в скале какая-то щель, и кажется мне, что в нее влезает что-то живое. Быстрее, быстрее!

– Уже бегу, – ответил граф Райзенштадтский и спешил туда, преследуемый по пятам Калиной.

Глава VII.

Замурованная в мертвецком подвале.

Вернемся опять во дворец барселонский.

Князь дон Педро, пробужденный шумом и открывший глаза, обнаружил на полу лежащий нож, а у своих ног в обморок упавшую любовницу.

Крови, однако, и отрезанных пальцев он видеть не мог, ибо, во-первых, в покое было темно, во-вторых, и пальцы сии закатились под разные предметы обстановки. И Курт выскочил в окно и скрылся.

И все же князь в испуге вскричал.

В покой начали сбегаться слуги.

С ними прибежал и главный дворецкий князя Педро ди Рудибанеры, несший в руке письмо.

Письмо это происходило из королевской канцелярии и содержало подписанное королем нотариальное заверение завещания старого князя, по которому он все свое имущество после смерти своей завещал своей любовнице, а дворец и конюшни – ордену братства Иисусова.

На завещании том отсутствовала лишь подпись князя.

Любовница и иезуиты знали о завещании, как и о том, что сегодня оно должно было быть подписано, и заранее уже точили на наследство зубы.

Сразу же после того, как князь подписал бы свое завещание, хотели иезуиты его отравить, чтобы как можно быстрее завладеть наследством.

Любовница князя также знала о сем щедром наследстве, однако и она ни с кем не хотела его делить, собираясь вести впоследствии с иезуитами тяжбу за дворец.

Обо всем этом, однако, иезуиты уже давно разузнали, посредством исповедника одной любовницы, и ожидали лишь случая, чтобы и ее на тот свет отправить.

Сегодня этот случай как раз настал, как мы убедимся.

Вслед за дворецким в залу вошел исповедник князя, он был также и исповедником его любовницы, которую звали Эльзевирой де Алдин.

Эта дама была по происхождению дочерью нищенки, а позднее сворачивала сигары на некой большой мадридской фабрике, после чего вышла за графского возничего, от которого, впрочем, быстро сбежала и стала экономкой у венской княжны, у которой с ней и познакомился победитель сарацин, как раз возвратившийся из крестовых походов, Петр Алдин. Хотя уже долгое время был он вдовцом, сыновья бы не позволили ему взять оную особу неблагородного происхождения в жены, так что он пока что сделал ее простой любовницей. Граф Алдин, путешествуя с Эльзевирой по свету, остановился однажды в Монте-Карло, где в то время как раз находился с визитом старый князь дон Педро, искавший потерянную дочь. Красота ее произвела на него такое впечатление, что Педро вызвал

Петра на дуэль, убил соперника, а Эльзевиру, восхищенную богатством князя, привез к себе в Гишпанию.

Как только исповедник углядел в обмороке лежащую залитую кровью любовницу и запачканный кровью нож, в мозгу его со скоростью молнии промелькнул негодяйский план.

Он воскликнул мощным голосом:

– Посмотрите на злодейку, которая хотела убить нашего обожаемого князя!

Князь как раз пришел в себя и увидел ее окровавленные пальцы.

Он сразу же понял, что эта женщина совершила покушение на его жизнь.

– Клементина, Клементина, что же ты наделала? – спросил князь грозным голосом.

Она, впрочем, не ответила ему, поскольку именовалась Эльзевирой.

Это было действительно ее истинное имя, как мы уже знаем, и князь его спутал лишь оттого, что был со сна.

Потому-то она не хотела ему дать никакого ответа на положенный им вопрос.

Князя это чрезвычайно рассердило, и он возопил страшным голосом:

– Схватите эту душегубку и замуруйте ее в подвале замка, в назидание потомкам!

После чего он обратился в последний раз к несчастной Эльзевире, которую стражники уже уводили в подвал для замуравывания, и промолвил:

– Завещание, в котором я тебе свое имущество передал, еще сегодня же будет изменено, и я все, что имею, завещаю в знак благодарности братству Иисусову.

Мертвецы в извести.

Мы покинули Кубу на чердаке, когда он, получив удар по голове, остался лежать на земле.

Из дверного проема вылезла фигура, одетая в об-
лачение, которое лишь в домах умалишенных носят.

И действительно, с моргом, в котором Куба трупы
воровал и коптил, граничила лечебница для безумцев.

Нет сомнений, что убийца Кубы был кем-то из бе-
зумцев, бежавших из этой лечебницы.

Так оно на самом деле и было.

Этот несчастный перед нами, бежавший из сумас-
шедшего дома по скатам крыш, был несправедливо
своими врагами иезуитами в лечебнице уже долгое вре-
мя заключен, и только вчера ночью сумел от них бежать.

При своем побеге случайно обнаружил он Кубову
копильню и, замыслив доложить властям об увиден-
ных им страшных преступлениях, как только бы
оказался в безопасности, не колебался ничуть в том,
чтобы Кубу, о котором он по праву мыслил, что тот ка-
кое-то участие в этих зверствах принимает, отправить
к праотцам.

Также и еще одно подозрение им овладело – о том,
что здесь, вероятно, как-то замешаны черные руки
священников.

Как раз стоя над лежащим Кубой, он размышлял, как
лучше всего скрыться из этого страшного места, он услы-
шал звук босых ног, спешащих по лестнице на чердак.

Кто же приходит в сие страшное место?

Не новый ли это подручный негодяя?

Не погоня ли это уже мчится за сбежавшим бе-
зумцем?

Такие мысли пронеслись в голове беглеца.

Сомнений не было, шаги уже приближались к чердаку.

Будь что будет, преследователю тоже суждено умереть.

Иного выхода нет.

Сумасшедший уже взмахнул угрожающе своей палкой.

Приближающийся незнакомец уже открывает дверь на чердак, не чувствуя, что там его поджидает убийца, готовый к удару.

Еще мгновение – и палка раздробит ему череп.

Но что же это?

Удара нет.

Беглец в изумлении выронил дубину из рук.

Перед ним предстала нагая женщина.

Это была беглянка из каморки Кубы, принесенная туда в мешке отцом Бруно, с которой мы уже знакомы.

Ей удалось спастись через каминную трубу.

Она бежала вне себя, не разбирая дороги.

Добежав до чердака, она увидела полосатого чловека с поднятой дубинкой и лишилась чувств.

Безумец с нежностью склонился к ней и начал ее воскрешение.

Это, впрочем, не удавалось ему вполне, ибо на чердаке не было воды.

Тогда он начал ее по-разному тереть, чтобы она пришла в себя.

На оное трение он направил все свои силы, и действовал весьма яростно, так что взмок от пота.

Результаты вскоре явились, и дева через несколько мгновений открыла глаза.

Мы между тем замечаем, что этот человек вовсе не мог быть безумным, поскольку безумец поступал бы совершенно иначе.

И девушка поняла, что ей ничего не грозит.

Он промолвил приветливо, обращаясь к ней ласковым голосом:

– Ничего не бойся, милое дитя, у меня ты во вполне надежных руках. Скажи мне, кто ты, откуда пришла, и кто тебя преследует?

В ответ начала девушка рассказывать свои истории.

Она это делала, полная доверия, ибо перестала сего человека в полосатом одеянии страшиться, к тому же он и палку свою отбросил.

Лишь то приводило ее в смятенное замешательство, что перед мужчиной она стояла нагою.

Заметив, как она по этой причине стыдится, он отдал ей свою полосатую рубаху.

Рубаха эта, хотя и была весьма короткой, замечательно подходила девушке, которая к тому же, надев ее, уже не так сильно, как ранее, должна была краснеть.

Тех историй, что рассказала воскрешенная дева, мы, однако, здесь приводить не будем, ибо уже с ними знакомы, ведь дева сия не кто иная, как Эльзевира, изгнанная князем Рудибанерой любовница.

Когда иезуиты по приказу князя замуровали ее в подвале мертвецком, ей удалось тайным подземным ходом бежать оттуда в один из женских монастырей, где у нее затаились и раны на руках от отрезанных пальцев. В тот монастырь заживал и отец Бруно, с которым мы также уже знакомы. Воспылав к девушке изменной страстью и будучи всегда надлежащим образом отвергнут, он отравил ее и предложил аббатисе, дабы она белое мертвое тело сохранила от

разложения до самого праздника святого Майонезы, на который всегда в том монастыре приходилось какое-нибудь чудо, а сам же отнес тело к Кубе, где, однако, как нам известно, мертвая ожила, и ныне мы с ней вновь видимся как с Эльзевирою.

Когда она свой рассказ, в котором ничего не утаила, закончила, бежавший безумец поцеловал ей галантно кончики пальцев и с поклоном произнес:

– Теперь, однако, любезная госпожа, ничего более не опасайтесь, ибо Вы находитесь под моей охраной. Сперва, однако, необходимо убрать отсюда мертвеца, дабы он нам более не мешал.

С этими словами он наклонился к мертвому Кубе и выбросил его сквозь слуховое окно на крыше вниз.

Будто тяжелый куль, падал Куба по кривой вниз, на землю, с пятого этажа.

Так он влетел в подвал, сплошь усеянный трупами.

Глава IX.

Негодяйство.

Старый князь дон Педро лежал после той страшной ночи тяжело болен.

Лекари до сих пор не могли определить, страдает ли князь катаром головы, или же болезнью Вайля, или даже не мучит ли его родильная горячка.

В любом случае, в его возрасте, если причиной какого-либо из этих недугов стал его испуг, значит, положение было серьезным.

Однако доподлинно известно, что причиною болезни его были исключительно иезуиты.

Сейчас мы увидим их за работой.

На великолепном ложе дремлет старый князь.

Пять мавританских рабынь мягко овевают его конечности и распыляют одеколон.

Иные рабыни стремятся порадовать его пением и игрой на лютне, другие пляшут дикий восточный чардаш, князь, однако, ничему этому не внимает, ибо спит.

Сон его, однако, должен быть ужасен.

Из охваченных сном рук князя выпала газета; ясно, что князь уснул лишь недавно.

На столе рядом с ложем стояла недопитая бутылка с огненным, будто кровь, испанским вином.

У князя в подвале бочек с этим вином было несколько вагонов.

Это вино рассылал он по целому свету и невиданного богатства тем достиг.

Теперь, однако, оное богатство вовсе никак ему помочь не могло, поскольку он умирал от испанского гриппа.

Шварцвальдские часы на стене отбивали полдень.

В городе на миг утихнул шум.

Испанские инквизиторы на минуту бросили пытки еретиков, и стоны несчастных мучеников сменились набожным “Аве Мария”.

И ужасный запах дыма и сажки аутодафе сменил более приятный аромат кухонь барселонских, в которых вот-вот будет готово национальное блюдо под названием “кнедлики на гишпанский манер”.

Всюду обедали.

И рабы с танцовщицами отправились на обед.

Остался в покое лишь старый больной князь.

Стояла страшная жара.

Жужжа, носились по воздуху шпанские мушки.

Одна из них села князю на нос.

Князь вследствие этого пробудился.

Перед ним стоял его личный исповедник, однако князь его более не узнавал, поскольку находился в жару.

Губы его звали Марию, а рука чертила в воздухе крест.

Князь, очевидно, благословлял не бывшую здесь и потерянную Марию, о которой в бреду своем представлял, что она стоит перед ним.

В голову исповеднику тут же пришел дьявольский план, который он сразу же и осуществил.

Он вложил в руку бредившему князю свинцовый карандаш и изменившимся голосом, фальцетом, зашептал:

– Дорогой отец!

Сей иезуит отлично знал, что князь в своем жару уверился в том, что пропавшая дочь его Мария сейчас стоит перед ним, и в соответствии с этим и действовал.

– Здесь ли ты, Мария? – спросил князь.

– О да, – отвечал иезуит.

Князь глубоко вздохнул на своем родном языке и зашептал:

– Подойди ко мне ближе, дочь моя, чтобы я возложил на прощание крестное знамение на чело твое. Я уже покидаю сей мир и должен тебе признаться, дочь моя, что главное мое богатство зарыто на острове Голлулу. Найди капитана Родригеса, он отвезет тебя туда, а ты забери эти сокровища. Будь счастлива, дитя мое, благословляю тебя и ухожу!

С этими словами князь поднял свою ослабевшую правую руку и трижды перекрестился.

Однако вместо лба отсутствовавшей Марии рука его, с карандашом, вложенным в нее иезуитами, совершила крестное знамение на завещании, которое негодяй держал перед князем раскрытым.

Для князя испанское письмо было китайской грамотой, и потому вместо подписи он скреплял свои бумаги тремя крестиками.

Так что подпись на завещании была действительной.

Негодяй-исповедник завещание, в котором князь Педро ди Рудибанера все свое имущество ордену иезуитскому даровал, носил постоянно с собою, ожидая лишь подходящей минуты, чтобы его как-нибудь подсунуть для подписи вышедшему из ума князю, поскольку подпись княжеская на завещании до сих пор отсутствовала.

Подписи фальшивых свидетелей иезуитам было найти уже куда легче.

Отец Игнатий, как этого исповедника и, что главное, испанского иезуита звали, не погнушался использовать бред умирающего для подписания и тем самым вступления в силу завещания в пользу ордена.

Знал он, что поступив так, добьется он от вождей ордена удовольствий, хорошего отношения, а самое главное – получит гору индульгенций; впрочем, планы его отнюдь этим не ограничивались.

Ему нужно было теперь от Родригеса узнать тайну о том, где же зарыт клад на острове Гонолулу, и впоследствии за ним отправиться.

Он нимало не сомневался в том, что сокровища будут богатейшими; как только он их привезет и вручит иезуитам, те сделают его генералом своего ордена.

Игнатий посмотрел на князя, который уже отходил.

Дух его в агонии все еще занят был пропавшей дочерью.

Вдруг князь икнул и дал дуба.

С хмылкой уносил отец Игнатий завещание.

Кашляющее полуночное чудовище.

– Эй, тпр-р-р!

С этими словами, с иностранным акцентом произнесенными, остановилась в один прекрасный вечер в деревне Н., лежащей недалеко от чешскоморавских границ, повозка, управляемая парой венгерских воровных.

На повозке сидели цыган с девушкой и красивая дама.

Эта дама вылезла из повозки и, богато заплатив цыгану и девушке, отправилась по дороге в замок.

В деревне той никто ее не знал; и цыган, который ее привез, объявил, что не знает о ней ничего, кроме того, что встретил ее усталую, бредущую по дороге пешком, и с радостью подвез, хотя и не ожидал столь щедрого вознаграждения.

Качая головами, смотрели деревенские жители в сторону замка, вслед за той дамой, после чего постепенно разошлись.

Женщина эта между тем, долго ли, коротко ли, дошла до замка, где в самом разгаре уже были роды.

Сама графиня и ее горничная как раз около часу назад обе произвели на свет двух мальчиков.

И в домике пастуха в это же время родился у жены овцепаса здоровый и стройный мальчик.

Женщина, пришедшая в замок, оказалась там слишком поздно и уже вовсе там была не нужна.

Однако, и не достав из своего чемоданчика даже обычного шприца, была она в замке богато вознаграждена.

На следующий день она отправилась в обратный путь.

Цыган опять встретил ее у деревни и с радостью сообщил ей, что девушка, с которой он вчера ехал, нынче ночью родила сына.

Сия повивальная баба очень этому удивилась, поскольку вчера, когда она ехала с этой девушкой в телеге, по ней ничего не было заметно; удивлена она, впрочем, была и тому, сколь много родов приключилось в одну и ту же ночь в одном владении.

Она рассказала цыгану и о том, где была, и кто родился в замке.

Затем простилась с ним и отправилась дальше в путь по дороге.

У цыгана в глазах заблестел дьявольский огонь; какое-то решение в нем созревало.

Было заметно, что он на что-то решился.

Башенные часы пробили полночь.

Все вокруг уже погрузилось в глубокий сон.

Лишь кормилица занималась новорожденным графским сыном.

Также и пастушка, и горничная не смыкали глаз над своими дитятами.

Кормилице показалось, что она слышит чьи-то шаги.

Вдруг рядом послышались ужасные звуки.

Они звучали как адский кашель.

Кашляющее чудовище все приближалось.

Кормилица в ужасе начала молиться.

Страшное чудовище появилось перед ней на пороге.

Из-за своего кашля оно внушало еще больший ужас. Это был чорт, державший на руках младенца.

Он подошел к самой кормилице и начал кашлять ей прямо в лицо.

Окаменевшая от ужаса и испуга, старуха не смогла выдавить из себя ни звука и лишилась чувств.

А чорт будто бы этого и ждал.

Он взял из колыбели младенца графини и положил вместо него того, которого принес с собой.

Затем взял графского сына и спустил его вниз из окна по веревке.

Прошло немного времени, и он этой веревкой вновь втащил ребенка наверх, однако это был уже не тот ребенок, которого он пред тем опускал вниз.

После чего чорт украдкой вышел из покоя и прокрался этажом ниже, туда, где была комнатка горничной.

Та уже весьма крепко спала, и даже чертовский кашель не мог ее пробудить.

Чорт и ее ребенка заменил чужим, которого принес с собою.

Утром служители нашли графскую кормилицу лежащей без движения.

Она была мертва.

Должно быть, от ужаса у нее разорвалось сердце.

Графский младенец выглядел, казалось, как-то почужеродному и был смуглее, чем раньше.

Горничная же вовсе ни о чем не имела понятия и даже не заметила, что ее ребенка подменили.

И жена овцепаса ни о чем не знала.

На корсарском корабле.

На морских волнах гордо покачивается судно.

Это “Альбатрос”, быстрееший в мире корабль.

Вчера только он выплыл из Нового Орлеана, а сегодня уже приближается к Венеции, везя тамошнему дождю партию черных рабов, дабы он заключил их в рабство под свинцовые венецианские крыши.

Также это судно везет большой груз вина.

Корабль сей принадлежит испанскому кардиналу из Толедо, по имени Торквато.

Имя капитана этого корабля – Родригес.

Он как раз стоит на капитанском мостике и рассматривает появившуюся на горизонте и все увеличивающуюся в размерах точку.

Если его не обманывает зрение, это пиратское судно.

Оно плывет на всех парах за “Альбатросом”.

Самое большее, через час оно его настигнет.

Царило полное безветрие.

“Альбатрос” не мог тронуться с места.

Пятьсот рабов напрасно дули в паруса, чтобы корабль хоть немного двинулся с места.

Тщетно Родригес ярился, а его солдаты избивали плетками рабов: паруса более не могли надуться, и корабль остался на месте.

Вражеский корабль все приближался.

Казалось, что пиратам в этот штиль помогает сам дьявол, потому они плывут так быстро.

Корсарский корабль уже так приблизился, что можно рассмотреть на его парусах знак морских разбойников: череп мертвеца и скрещенные кости.

Корабль был четырехмачтовым и приближался на всех парах.

Ветер, дувший с его стороны, доносил от корсарского корабля испарения рома и спирта, которыми были опоены пираты, дабы набраться смелости в предстоящей битве.

Родригес, наблюдая это, начал готовиться к обороне.

Поскольку на спасение от пиратов бегством из-за наставшего шторма не было ни малейшей надежды, не оставалось иной возможности, кроме как вступить с корсарами в сражение.

Потому начал Родригес подготовку к сему сражению.

Сперва он приказал разбудить двух иезуитов, которые на корабле из Гвинеи ехали к папе в Рим, и после бессонной ночи, проведенной в молитвах, еще спали, и попросил их, дабы они попытались молитвами охранить корабль и обратить пиратское судно в бегство.

Двое священников вылезли, хотя и без удовольствия, на палубу и начали столь усердно молиться, что оба от этого сильно вспотели.

Молитвы их, однако, ничуть не помогали, ибо корсары приблизились уже настолько, что были слышны их пьяные голоса.

Как видно, Бог к молитвам иезуитов остался глух.

Мы этому, впрочем, ничуть не удивляемся, поскольку, приглядевшись попристальнее, признаем в сих иезуитах мерзких негодяев, а именно отца Бруно, который на оном корабле бежал из Барселоны.

О том, зачем же ему столь срочно спастись бегством пришлось, читатель узнает в одной из последующих глав.

Вторым иезуитом был исповедник Игнатий, который от князя Рудибанеры столь коварно выманил подпись на завещании.

Он уже отдал оное завещание генералу ордена.

От него же получил он разрешение найти и забрать сокровища с острова Гонолулу.

Однако ничего он не знал о том, что на тот остров был послан еще один иезуит, имея заданием следить за отцом Игнатием.

В случае, если бы пожелал Игнатий с сокровищами скрыться, второй иезуит имел право его даже жизни лишить.

Вторым же иезуитом был не кто иной, как отец Бруно.

Он с большой радостью принял на себя роль тайного соглядатая, поскольку заранее решился Игнатия убить и сам завладеть сокровищами.

Так что, как мы видим, иезуиты в Барселоне позволили волкам сторожить овечье стадо.

Бруно только на “Альбатросе” повстречался с отцом Игнатием и рассказал ему, что едет на индийские острова обращать язычников в истинную веру.

Игнатий сказал ему то же самое и предложил Бруно, чтобы они путешествовали вместе, так что Бруно был доволен тем, что этот дурак с такой легкостью лезет в его капкан.

Ранее, однако, оба должны были остановиться в Риме, дабы получить к столь важным предприятиям благословение святого Отца.

Как только бы “Альбатрос” пристал в Венеции, хотел отец Игнатий, имевший полномочия от генерала ордена, приказать арестовать Родригеса и передать его

в руки инквизиции, дабы он после страшных пыток рассказал, где именно на острове Гонолулу зарыт клад.

Казалось, что без приключений доедут они до Венеции, как вдруг появились пираты.

С такими корсарами шутки были плохи, ибо они могли оказаться сарацинами, которые ни с кем не церемонились, дабы все живое вокруг поубивать или в рабство завлечь.

Корабль их был построен весьма крепко, ибо оные сарацины для постройки кораблей использовали, во-первых, дубовое дерево, и, во-вторых, рабов.

Капитан Родригес также прекрасно осознавал, какая опасность ему угрожала.

Так как молитвы иезуитов нисколько не помогли, он приказал вытащить на палубу огромный котел и велел повару приняться за изготовление матросского грога.

Грог сей варился примерно так, что к трем ведрам чистого спирта добавлялось две чайные ложечки рому, дабы напиток не оказался слишком крепким.

Глава XII.

Резня в доме терпимости.

Перенесемся на миг в столицу над рекой Сеною.

Город сей удивляет нас самими своими размерами и числом жителей.

Уже его постройки, такие как Лувр, Эйфелева башня и многочисленные заводы, из которых большое число современных картин вывозится во все страны мира, делают сей город весьма интересным.

Так что ничуть не удивительно, что в нем с незапамятных времен короли, дворянство и всяческие ученые и художники обитали.

Однако кроме людей богатых живет там и большое множество рабочего народу, а в особенности бедняков, которые в нищете прозябают.

Народ в городе вследствие этого испорчен и потому занят поиском лишь сомнительного свойства развлечений.

В боковых улицах он находит достаточно возможностей к тому, чтобы предаться безнравственным забавам.

На таких заброшенных rue или boulevard, как называют в Париже улицы, расположено множество всяческих притонов, пристанищ и борделей, где безнравственные женщины тело свое за грязную монету к продаже предлагают.

Добро пожаловать в один такой притон!

Перед входом раскачивается красный фонарь, и надпись гласит: “Салон у красного ворона”.

Внутри салона на пружинистых диванах раскачиваются или лежат, развалившись, несколько девушек.

Гостей там пока что нет, ибо до сих пор еще ранний вечер.

Сладострастники, посещающие сей дом порока, приходят сюда ближе к полуночи.

Развратные женщины, не имея пока, чем заняться, болтают между собою обо всем, в чем мадам им не препятствует и сама слушает.

Разговор идет о фиолетовых язвах, которые имеются у одной из девушек на спине.

Она сама жалуется, что на спине у нее появилась опрелость, что превращает ее сегодня в нетрудоспособную, против чего, однако, возражает мадам, что это никакая не опрелость, а самая обыкновенная французская болезнь.

Некая толстая блондинка заметила:

– Я сперва также испугалась, когда у меня по всему телу высыпали красные точки, и уже опасалась, не началась ли у меня скарлатина, пока, наконец, один доктор, который к нам захаживает, не объяснил, что это совершенно обыкновенный сифилис.

Разговор их был прерван появлением молодого человека, который вошел в сие проклятое место.

Проститутки, тут же поднявшись, весьма смело набросились на прилично одетого юношу.

В юноше этом не было ничего испорченного, и видно было, что в подобном скандальном помещении он находится в первый раз в жизни.

Напрасно развратницы старались разжечь в нем телесную похоть.

Молодой человек именовался Фрагонардом и работал у одного художника.

Он и сам уже немало прекрасных картин в одиночку создал и хотел как можно ранее начать работать сам на себя.

Как раз недавно улыбнулась ему удача так, что его одарил своей приятнью некий прелат, который и заказал у него большую картину.

Эта картина должна была изображать Деву Марию, так что юноша искал теперь девичье миловидное лицо в качестве модели.

Поскольку, однако, был он весьма стеснительным и не решался попросить какую-либо даму, чтобы она

помогла ему в достижении сей цели, ему приходилось искать прекрасное лицо для картины по публичным домам.

И вот кажется, что в этом притоне он находит свой идеал, ибо взгляд его остановился более, чем на других, на одной из здешних проституток.

Девушка эта была очень красива, и глаза ее были грустны.

Видно было, что в притон попала она или по ошибке, или каким-то насилием была сюда завлечена.

Фрагонард улыбнулся девушке, и она с радостью ответила на его приветствие.

После чего взяла своего несмелого ухажера за руку и повела его в свою комнатку.

Он был рад, что более не должен стыдиться в обществе этих девушек, и молча шел следом за ней.

Девицы, оставшиеся в салоне, не скрывали свою злость от того, что такой красавчик ими пренебрег и предпочел самую младшую из них, которая всего неделю с ними работала.

Вдруг открылись двери, и в них вошли двое новых посетителей.

Уже сам их внешний вид говорил о том, что это парижские *апаши*, или же бездельники.

Один из них обратился к мадам и сказал:

– Эй, любезная, продаете ли женское мясо из этих коробок в развес на фунты? Мы с приятелем бы купили хотя бы пятьдесят кило. Конечно, только высшего сорта, окороку.

Проститутки засмеялись, а мадам ответила:

– Такие молодые люди, как вы, до самой смерти не раздобудут столько денег, чтобы купить мой персонал хотя бы на одну-единственную ночь. Но, в конце

концов, господа хорошие, оставим долгие разговоры, если у вас есть достаточно денег, которые вы вперёд мне покажете, можете досыта развлекаться с моими дамами; а если нет, то пойдите, поищите, где строители оставили дырку для двери!

– Ты, баба, закрой свою дырку, и особо-то ее не разевай! Мы тебя не обворуем, будь спокойна, – сказал более мягко один из свирепых апашей, раскладывая по столу множество золотых двадцатифранковых монет.

– А теперь провались, старая ведьма, – заревел второй апаш на мадам, которая, улыбаясь, выглядела явно довольной увиденной сумой, – теперь, когда мы весь твой гарем купили с потрохами, эти шлюхи нам в прямом и переносном смысле принадлежат всем телом.

Произнеся эти слова, они начали убивать девушек.

Глава XIII.

Монастырское чудовище.

Мы высоко в горах, в земле швейцарской.

Перед нами стоит монастырь бернардинцев, или же сенбернаров.

Если бы этого монастыря тут не было, невозможно было бы попасть из Швейцарии в Италию из-за множества снега.

Имя монастырю дали собаки сенбернары, или же бернардинцы, коих тут множество и которые здесь замечательно дрессируются.

Каждый из этих псов был весьма большим и лохматым, с привязанной к шее бадьей со шнапсом.

За исключением зимнего времени, когда выпадал

снег и образовывались сугробы, эти псы совершенно ничего не делали и жили припеваючи.

Снег, однако, лежал там почти круглый год, и путники, которым приходилось идти мимо монастыря, проваливались в него по шею.

Потому и были в монастыре эти самые собаки, чтобы доставать сих несчастных из сугробов и эскортировать их в монастырь.

Когда такой бедняга-путешественник лежал без чувств в сугробе, шнапс, привязанный к шее сенбернара, его сразу же согривал, так что он тут же приходил в себя.

Когда и это не помогало, псы взваливали его на себя и относили на спине прямо в монастырь, к горячей печке, у которой обмороженные вскорости оживали.

Затем бернардинцы его подсушивали, и, угостив, провожали из монастыря в дальнейший путь.

Иногда таких бедолаг отогревалось у печи и по 15 человек в день; сообразно тому, насколько хорош был шнапс.

Некоторые выгащенные из сугробов путники ради доброго шнапсу и на другой день забирались в сугробы, дабы вновь могли попробовать сей замечательный напиток, висящий на собачьей шее.

То, что при этом множество таких оживших замерзло, в конце концов, до смерти, очевидно совершенно.

Наш рассказ как раз начинается в тот миг, когда у монастырской печи сидят восемь размораживающихся путников.

На улице стоит бодрый морозец, как в Московии.

На горах царит страшная сырость, такая, что хозяин бы собаку на улицу не выгнал, однако же бернардинцы выгоняют сенбернаров искать замерзших.

Темная ночь.

Путники весело беседуют между собою.

Благодаря шнапсу начинают они оттаивать.

Дух одного напитка согрел и их дух.

Кажется им, что по печальным коридорам старого монастыря бродят грустные духи монахов, давно умерших.

Уже стучат шаги их ног, обутых в деревянные башмаки, по кельям, низко-сводчатым, как склепы, уже вереница покойников стремится к полночным оргиям со скелетами.

Чу! Вот мерзко взвизгнули двери в мертвецкие комнаты, где до поры отдыхают покойники, ожидая, пока оттаеет земля, чтобы можно было вырыть могилу.

Уже бывало так, что мертвец долго лежал наверху и разбухал, так что вода и слизь из него просачивались сквозь потолок и текли вниз в трапезную, прямо в похлебку обедавшим.

О ужас: не приближаются ли страшные шаги из одной из этих мертвецких комнат к оттаявшим выпивающим путникам?

Мертвец уже тяжело дышит у дверей.

Очевидно, это не кто иной, как какой-то дух, восставший из ада.

Двери отворились, и в них вошел брат-монах, не-
сший тем путникам швейцарского сыру.

Глава XIV.

Арестованный фальшивомонетчик.

В один из первейших отелей берлинских приехал известный австрийский дворянин, граф Н.

При совместном обеде сидевший с ним рядом благородный господин обратил его внимание на то, что по фалде его фрака стекает соус, который разлил нерасторопный официант.

Граф Н. вежливо поблагодарил одного господина, чертыхнулся и обтер фалду.

Пожилый господин тем временем заказал фазана на тмине с соусом из сельдерея и литр шампанского.

При этом он курил самые дорогие сигары.

Видно было, что это какой-нибудь состоятельный фабрикант, у которого полон карман, если он может себе позволить такую роскошь.

Когда ему принесли фазана, сей старый господин, разозлившись, поднялся с места и принялся стыдить официанта за неосторожность, поскольку тот облил соусом и его.

И вправду, целый рукав его был облит.

Официант, как мог, извинялся, поскольку не знал за собой никакой вины.

Хозяин гостиницы, прибежавший к сему спору, также был в тяжких сомнениях, кому же в конце концов поверить.

Однако пятна на платье обоих посетителей доподлинно наличествовали, и у хозяина не было

причин обоим господам, из коих к тому же граф Н. был лично ему известен, не поверить.

Потому он немедленно рассчитал официанта.

Два господина между тем принялись говорить друг с другом о дурном уровне персонала, как и об убогости берлинской жизни вообще.

Старик, который представился графу Н. как маркиз ван дер Даребоом из Амстердама, заявил, что Берлин населяет необычайно глупый народ, который ничего ни в чем не смыслит.

В доказательство этого он приводил, что банкноту в 1000 марок, полученную им в банке, никто не хотел ему обменять на том основании, что она фальшива.

Граф и хозяин гостиницы, посмотрев на оную банкноту, признали ее подлинной и выразили готовность ее обменять.

Маркиз улыбнулся и промолвил:

– У меня в кармане таких банкнот по 1000 марок еще 99, поскольку я сегодня в банке обменял 100 тысяч марок. Мне, впрочем, ничуть не нужна эта мелочь, так что я еще сегодня уеду из вашей свинской страны, раз у вас тут только фальшивые банкноты.

Произнеся эти слова, маркиз зажег 1000-марковую купюру и прикурил от нее сигару.

Когда хозяин это увидел, то немедля выложил на стол 50 тысяч золотыми монетами и умолял маркиза, чтобы он свои банкноты не сжигал, а продал ему.

Маркиз молча согласился.

И граф накупил этих банкнот на 10 тысяч золотых дукатов. Однако, когда он на другой день ими расплачивался, то был арестован полицией как фальшивомонетчик.

Таинственная дыра.

Когда граф Райзенштайнский в качестве комиссара полиции со своим сыном, лесником Калиной, вслед за Рольфом добрался до таинственной дыры, расположенной низко над землей в скале, то обнаружил у нее объятых ужасом и бледного, как смерть, полицейского с окровавленным и сломанным штыком на кивере.

Этот жандарм постоянно яростно колол штыком в эту дыру, а Рольф выпускал в нее из своего пистолета один выстрел за другим.

Оба были весьма испуганы.

Взволнованно начали они рассказывать:

Внезапно перед их взором предстало странное животное, большое, как лев, с телом, как у дракона.

У него было шесть ног и козья голова, из которой постоянно исходил дым, а в зубах оно несло ребенка семитского типа.

И именно в этой дыре оно якобы спряталось.

Жандарм столь неосторожно колол его штыком, что в конце концов сломал последний.

Когда граф все это выслушал, то назвал весь рассказ глупостью и обманом чувств.

Хотя он и был ослабевший от потери крови, которая по-прежнему капала у него из раны на горле, все же не перестал быть от этого менее отважным и приказал тщательно осмотреть дыру.

Осмотр он возглавил самолично.

Дыра была величиной в человеческий рост и вела куда-то под землю.

Страшное чудовище, которое в ней укрылось, должно было быть сильно задето выстрелами из Рольфова пистолета и ударами жандармского штыка, о чем свидетельствовали многочисленные кровавые следы на земле.

Граф вынул из ножен саблю, и, преследуем по пятам остальными участниками экспедиции, храбро влез в дыру.

Все проявили большое безрассудство, отправившись в дыру в скале, не имея с собою никакого фонаря, ни даже спичек.

Так что они легко могли схлопотать в этой дыре от кого-нибудь по морде, не говоря уже, что могли получить и травму.

Вопреки тому, что граф постоянно объявлял о том, что все, кто ему встретятся, будут арестованы именем закона, ничто в ответ не двигалось и не отзывалось.

Всем пришлось пережить ужасные минуты, когда граф своею саблей начал наудачу колоть и рубить в той дыре во все углы.

Дыра должна была вести глубоко под землю, ибо было пройдено уже 18 шагов, а конца так и не было достигнуто.

Вдруг перед ними забрезжил свет.

Дыра постепенно расширялась.

Очевидно, это была какая-то пещера.

Все нетерпеливо рванулись вперед.

Расширение пространства принесло всем заметное облегчение, так что они могли вздохнуть свободно.

И вот они уже приближаются в подземелье к огромному залу, в который сверху проникает свет.

Это была дивно-прекрасная пещера.

На стенах висели сталактиты.

Все присутствующие были этой красотой растроганы, и у самого графа, который, как полицейский комиссар, был ко всем возможным впечатлениям привычен, выступили от восторга над этой красотой слезы, которые волнительно сливались воедино с капавшей до сих пор из его раны на горле кровью.

И со сталактитов постоянно капало.

Это, однако, не была вода, как обычно бывает в подобных пещерах, – со сталактитов капало в подготовленные емкости великолепнейшее пльзеньское пиво.

Только теперь участники похода заметили большой пресс, стоявший в углу.

Это был печатный пресс, и он служил для производства банковских билетов.

И действительно, банкнот вокруг этого пресса было разбросано не меньше, чем на пять миллиардов.

Все на первый же взгляд определили, что эти банкноты фальшивые, и что они очутились в притоне фальшивомонетчиков.

Граф начал изучать банкноты, каждая из которых была подделана необычайно удачно, будучи неотличимой от подлинной.

И лесник Калина заявил, что эти банкноты фальшивые, в особенности потому, что на них отсутствовал орел.

После чего граф и остальные согласились, что и фальшивомонетчиков им необходимо преследовать.

Ранее, однако, было необходимо осмотреть целую пещеру.

Банда неизвестных фальшивомонетчиков удобно устроилась в этой пещере.

Там имелась даже тахта и стол с остатками замечательного обеда.

Поскольку все проголодались, то присели к столу, дабы после всех перенесенных треволнений немного подкрепиться; пиво, стекающее со сталактитов, также придало им сил.

Граф, однако, не оставался долго за столом и, встав из-за него, принялся за осмотр всех уголков пещеры.

Когда он достаточно удалился от своих друзей, то обнаружил некую нишу, от которой далее отходил куда-то неясный боковой коридор.

Он смело отправился вперед в путь по этому ходу и, пройдя каких-нибудь 50 шагов, почувствовал, что справа ему слышится звук голосов.

Тогда он повернулся в том направлении и заметил, что из-за скалы выглядывает чья-то голова.

Это, вероятно, был кто-то из негодяев-фальшивомонетчиков, ожидавший там в засаде.

Единственное, что показалось графу странным, – то, что голова была слишком маленькой для человека и совсем не шевелилась.

Голова эта могла быть разве что детской.

– Сдавайся, несчастный! – загремел голос графа, который взмахнул для острастки саблей.

Однако граф не получил ответа.

Тогда он мужественно приблизился к голове и, подойдя к ней вплотную, признал в ней дверную ручку.

Благородный отшельник.

Было прекрасное утро.

Уже утихло уханье ночных сов, летучих мышей, сычей и ласок; дневные птицы принялись теперь за веселые свои песни.

Умолкли в старых развалинах злобный филин и сыч: теперь утреннюю молитву обращает к Создателю всякая лесная пернатая и четвероногая тварь.

Жадно открывают милые цветочки свои корзиночки и начинают кушать завтрак, божью росу.

И бодрый сельский люд, спеша на жатву, не забывает в честь Отца своего небесного пригубить поллитрочку-другую доброй ржаной настойки.

Лучшей из них была настоящая Простейовская, впрочем, и в Литомышли делали отнюдь недурную.

Эх, хорошо и споро идет работа у человека так подкрепившегося; она в руках его просто-таки мелькает!

В то время как шум царит на полях, в лесу по-прежнему тихо.

Если бы птицы иногда не затренькали или какая-нибудь змея не зашипела, был бы лес безжизненным.

Особенно у домика лесника Калины царит гробовая тишина.

Если бы в хлеву от голода не бляела коза и не хрюкал поросенок, можно бы было подумать, будто все там вымерло.

Лесник Калина, как нам известно, ушел со своим отцом, а дочь его лежит со своим любовником у лесного домика мертвой.

Тем больше мы удивляемся, когда вдруг видим, что застреленный Трясонь постепенно начинает приходить в себя.

Он до сих пор немного вне себя от того, что был застрелен, и потому не узнает, где находится.

Вдруг он, кажется, узнает лежащую на нем любимую и от сладострастия снова лишается чувств.

За всем этим наблюдает из кустов старик-отшельник, который неподалеку отсюда живет, питаясь кореньями.

Без колебаний кладет он Трясоня себе на спину и относит в свое отшельническое жилище, до которого ходу около получаса.

И надо же! – Мария тоже понемногу приходит в себя.

Протирает глаза, будто бы после тяжкого сна.

Вдруг она замечает приближающегося к ней мужика с ножом.

В страхе бежит она от убийцы.

Парень бежит за ней, как хищный тигр за своей добычей.

Мария спасается от него, как загнанный олень.

Это ужасная охота, по скалам и расщелинам, кустам и бурелому.

Преследователь уже ее настигает.

В невыразимом ужасе падает Мария наземь.

Преследователь наклоняется над ней, рука его производит молниеносное движение...

Мария уже готовится вручить Богу душу.

Незнакомец, однако, остается недвижим.

В страхе открыла Мария свои глаза.

Только сейчас она заметила, что то, что держит в руке склонившийся над нею убийца, – это не нож, а листок белой бумаги.

Бумага покрыта словами, написанными ее преследователем на бегу.

Мария прочла эти строки.

Вот каковы они были:

– Милая девушка! Прошу меня простить за то, что я позволяю себе беспокоить вас сими несколькими строками, а главное, прошу у Вас прощения за то, что я бежал за вами и, быть может, Вас испугал. Я в этих краях впервые, и в сем пустынном лесу не мог спросить ни у кого дорогу, кроме как у вас. Дело в том, что я ищу дорогу в деревню Р., где живет некая Гата, у которой есть сын, который, однако, не ее родной сын, поскольку родители его только сейчас нашлись и хотели о ребенке более и лучше позаботиться. Также здесь, в этом лесу, ищу я одного набожного отшельника, по имени отец Бернард, которому, как я слышал, об этом деле больше моего известно будет. Дорогая девушка, прошу Вас сугубо, чтобы Вы меня к оному отшельнику отвели, а я вас хочу за это щедро отблагодарить.

Простите, что просьбу свою я произвожу столь необычной формой, и что избираю для этого подобный письменный путь, я, однако же, в том не виноват, ибо я от рождения своего глухонемой.

Подписано: Ваилорд, королевский барселонский нотариус.

Когда Мария дочитала письмо, то глубоко выдохнула.

Она, хотя и до сих пор не опомнилась от испуга, однако уже поняла, что перед ней стоит вовсе не убийца.

Так что она ничего уже не должна была опасаться.

Напротив, он приносил радостные известия.

Этого человека ей должно было уважать.

Она велела ему следовать за ней.

Немой с радостью ее послушался.

Она вела его к отшельнику.

Отшельник жил за лесом в пещере.

Глава XVII.

Подготовка к бегству.

Пришла пора, чтобы мы посмотрели, что поделявают безумец и беспалая любовница на чердаке морга.

Когда беглец из сумасшедшего дома выбросил Кубу через чердачное окно, он обратился к Эльзевире и промолвил:

– Горе врагам нашим, ибо им умереть суждено! Ныне моими врагами стали и те, кто причиняет вред Вам; и этот несчастный должен был умереть, раз он так Вас искалечил. Только лишь удастся нам выбраться из этих мест, я сразу же начну совершать свою месть. Вы должны знать, любезная графиня, что пред

Вами стоит человек, которого человеческое бесправие отравило с вершин общества прямо в тесную камеру тюрьмы, а потом и сумасшедшего дома! Пусть, однако, дрожат они, негодяи, ибо час расплаты уже пробил, и победа вновь будет в моих руках. О своих похождениях я расскажу Вам позднее; на сегодня знайте, что перед вами стоит герцог и принц де Бульон, князь тамплиеров и трижды доктор всех наук. Кроме этого, я и гроссмейстер масонской ложи “Гарибальди” и тайный посланник султана Мурата. Так что Вы можете познать, что Ваши враги-иезуиты суть и мои недруги, и что мы вместе с Вами будем в одном строю бороться против них.

В то время как сей франкмасон произносил свою речь, Эльзевира слушала его с восторгом и обожанием.

Она с удовольствием рассматривала его мужественную и высокую фигуру и чувствовала, как восхищение этим мужчиной понемногу сменяется любовью к нему.

Конечно, он мог быть обычным сумасшедшим, который лишь в горячечном бреде за принца и герцога себя выдавал, однако его ненависть к иезуитам была ей симпатична, и, кроме того, этот человек мог ей во многом помочь.

Главное же, что она верила, что с его помощью выберется из этого ужасного здания.

Ведь возможно, в конце концов, и то, что он действительно тот, за кого себя выдает, а значит, представляет собой партию не из тех, которые стоит отвергать.

Кроме того: она уже от того времени, когда он ее воскрешал, чувствовала, что находится в положении, и совершенно уверена была, что станет матерью.

Она не сомневалась, что он, используя тогда ее обморок, в своей сладострастности ее соблазнил.

В любом случае, ей нужно было держаться за этого человека, в особенности теперь, когда у нее не было пальцев.

Потому она страстно соглашалась с ним, когда он начал развивать перед нею план побега.

Был он человеком весьма ученым, и некий план побега уже заранее приготовил.

Он знал о том, что через лечебницу на улицу бежать невозможно, ибо входы и выходы бдительно сторожатся.

Бежать можно было только по воздуху, а именно посредством воздушных шаров.

Дабы их заполнить, необходимо было несколько раз ночью спуститься в помещения морга и там выкрасить из трупов мочевые пузыри, в которые после просушки был бы впущен необходимый газ.

О том, что этот газ удастся получить из различных химикалий, в подобных заведениях всегда в большом количестве имеющихся, сей масон нисколько не беспокоился, поскольку был великолепным и опытным медиком.

Сперва, однако, ему необходимо было для себя и Эльзевиры раздобыть какую-нибудь пищу, поскольку оба они уже давно ничего во рту не имели.

Беглецам сопутствовало великое счастье в том, что в то время на чердак никто не пришел, поскольку там нечего было делать; иначе они были бы обнаружены.

После исчезновения Кубы в морге наняли нового привратника, у которого были иные заботы, помимо хождения на чердак.

О Кубе общее мнение полагало, что он утонул в бочке со спиртом; особо, однако, его не искали, поскольку в сей прозекторской неважно было, одним трупом больше или меньше.

Жена Кубы, после того, как ее муж в ту ночь, когда исчезла и девушка, принесенная отцом Бруно, не вернулся, вскоре переселилась из морга, опасаясь, что станет известно об ужасном копчении мертвецов, в котором она столь долгое время помогала своему супругу.

Она не сомневалась в том, что он был схвачен карающим правосудием.

Не медля, оповестила она об этом отца Бруно.

Сей прирожденный грешник, услышав такие известия, подобные тем, что слышал некогда Иов, понял, что запахло жареным.

Он боялся, что Куба, если действительно был арестован, выдаст всех.

Об Эльзевире он полагал, что она уже утоплена в спирте, поскольку жена Кубы умолчала о ее исчезновении.

Так что Бруно не мешкал и обеспечил молчаливость жены Кубы тем, что приказал ее отправить в один из женских монастырских приютов, наказав при этом, чтобы женщина сия была хорошо охраняема, ибо она повредилась рассудком.

Сам же он впоследствии отправился к генералу иезуитского ордена, о котором ему было известно, что это тертый калач, который мог бы нуждаться в его, Бруно, услугах, и рассказал ему обо всем.

Бруно как раз весьма пригодился генералу, поскольку подобный злодей часто был необходим иезуитам

для своих нечистых намерений, так что Бруно был ими принят в качестве шпиона за Игнатием, как нам уже известно.

Однако генерал вовсе не собирался просто так доверить столь важную миссию такому негодяю, каким был исповедник Бруно, и за ним опять-таки установил в тайности соглядатая.

Это новое лицо имело весьма бурное прошлое.

Речь шла о бывшем морском разбойнике.

Имя его было Дон Драбанто, а родом он был с Корсики.

Поскольку за свою жизнь он не одну дюжину людей жизни лишил, то был убежден, что дьявол отнесет его живым в пекло.

Для того, дабы избежать столь печального конца, вступил он в службу святой инквизиции.

За это он получал от иезуитов ежегодно 2 бутылочки свежей лурдской воды, которой он натирался, дабы сатана не имел к нему доступа.

Теперь же он получил задачу от иезуитов следить за обоими искателями клада на Гонолулу – отцом Игнатием и Бруно.

Потому он с ними, им незнакомый, отплыл на “Альбатросе” как обычный матрос.

Так что у этих иезуитов все было организовано очень даже недурно.

На необитаемом острове.

Мы оказываемся на великолепном тропическом острове, лежащем посреди бесконечного океана и со всех сторон окруженном водой.

Оная вода и экваториальное солнце способствуют тому, что там великолепно процветает растительность.

Остров этот до сих пор не открыт, и ни на какую карту еще не нанесен.

Населяют его только два человека, мужчина и женщина.

Зовут их Хлис и Дафния.

Это благородные метисы племени англосаксонского с потомками затонувших атлантов.

Цвет их кожи – сияюще-зеленый, причиной чего отчасти являются необозримые океанские воды, их окружающие, отчасти естественность.

По религиозной принадлежности они политеисты-реформисты и поклоняются идолам, которых сами лепят из сала.

В этих фигурах, слепленных ими, скрыто столь много художественного, что не один влюбленный в искусство европеец мог бы остановить на них радостный взгляд и пожелать привезти эти сокровища на свою родину.

Однако для нашего народа является огромным счастьем, что сей остров не больше, чем он есть на самом деле, и что его армия не воевала против нас в мировой войне: ибо мы, случись такое, не смогли бы посетить нашу Галерею Современного искусства по причине смрада, который источало бы это сало.

Сало это происходило от овец вида мартышка обыкновенная.

Овец этих паслись на том острове на деревьях целые стада.

Хлис и Дафния были, однако, вегетарианцы.

Питались они одними лишь устрицами и бананами.

Не имея никакого платья, они ходили голыми.

Своей наготы они ничуть не должны были стыдиться перед своими детьми, по той причине, что, во-первых, оба носили фиговые листки, во-вторых же, что до сих пор никаких детей не имели.

Более всего же они любили фрукты с дерева, изображение которого (не жалея отведенного под него места), мы здесь приводим для любезного читателя:

Плоды сего дерева были подобны тем у нас, из которых один широко известный учитель из Брно производит свои замечательные повсюду известные вина, белладонновые или одуванчиковые.

Впрочем, Дафния и Хлис, не имея никакого рецепта приготовления подобных вин, в отличие от упомянутого учителя, ели эти плоды просто так.

Вследствие этого мир должен был представляться им весьма обычным, ибо они всегда были трезвыми.

Так что никого на острове нельзя было назвать “пьяной обезьяной”.

И обитателям острова должно было быть на нем весьма скучно.

Многое бы они отдали за то, чтобы на этом острове был хоть какой-нибудь кинематограф или читальня.

Так что, милые патриоты, цените то, что вы в нашей прекрасной культурной стране обитаете, пусть даже вы живете где-нибудь в Уплавичной Лготе: когда-нибудь и к вам придет просвещение в образе читальни или кинематографа.

Ужасной для этой двоицы должна была быть жизнь на том необитаемом острове.

Было им там, конечно же, еще грустнее, чем нашим легионерам в Сибири.

В дурном настроении слонялись они каждое утро по берегу.

После обеда они чаще всего спали, ибо царила страшная жара.

В один прекрасный день они услышали из-за скалы какой-то шорох.

Шум этот производили шаги ног, обутых в грубую кожу.

Такого звука ни Хлис, ни Дафния ранее в жизни не слышали, так что оба остановились и стали прислушиваться, не исходит ли он из трубы товарища.

Вследствие их питательного режима сие вовсе не было бы необычным, особенно если учесть, что они не могли никаким ликером очистить свои желудки.

Однако причиной этих звуков было нечто совершенно иное, и они все более и более приближались.

В санатории доктора Ржимсы.

Покинем ненадолго необитаемый остров и перенесемся в более цивилизованные края.

Мы теперь в старинном городе со славным древним прошлым.

Ныне дождливый день, так что из красот города мало что видно.

Жители города, если им не надобно отправляться по делам, проводят время в уютных кабачках, где за кружкой доброго хмельного напитка вспоминают о своих славных храбрых предках и еще более славных выдающихся современниках.

Так что вовсе неудивительно, что благодаря такому восторгу и множеству грязи улицы этого города пустынные.

По дороге в сторону К. мчится экипаж.

В него запряжена пара стройных вороных, а сам экипаж закрыт.

На дверях оной повозки изображен городской герб следующего вида:

Из экипажа раздается громкий шум и крики “слава!”

Из домов, мимо которых едет сия повозка, выбегают любопытные обыватели, полагающие, что вновь проезжает какой-нибудь французский генерал.

Не прошло и получаса, как экипаж остановился у большого здания, окруженного лесной зеленью.

На фасаде главного здания блестела большими золотыми буквами надпись: *Mors vetera*.

Экипаж въехал во двор, и сразу же к нему подбежали двое крепких мужчин.

Они открыли дверцы экипажа и вынесли из него связанного по рукам и ногам пассажира, который все еще продолжал горланить.

Это был уже немолодой человек, поведение и внешность которого указывали в нем на бывшего работника умственного труда.

Судя по бутылочке с тминной, выглядывавшей из его кармана, сей господин опустился лишь от употребления алкоголя.

И те двое мужчин, которые его встретили, тут же отобрали у него бутылку, поскольку ничего подобного ни в коем случае не могло переступить порог этого дома.

Когда же после этого они один за другим отпили по немалой порции из этой бутылки, оба, в конце концов, заявили, что в жизни своей еще не пили такого омерзительного продукта.

Человек, связанный в узел, поддержал их, добавив, что в этой бутылке содержится вода из реки Иордан, которую он несет в дар господину доктору.

После этих слов служители взвалили его к себе на плечи и понесли в здание через вестибюль.

На стенах можно было прочесть различные девизы и предостережения, например такие:

**Кто алкоголь в себя льет,
у того весь мозг сгниет.**

**Разумный всегда мыслит о почках и печени,
в том, что пьет, ищет, не был ли спирт замечен.**

**Не вредят и бабы, о диво,
Так, как пльзеньское пиво.**

**Были там еще страшные картины, извлеченные из
жизней и внутренностей пьяниц.**

Это здание было лечебным учреждением.

**Потому-то в нем ужасно пахло медицинской дезин-
фекцией.**

**Двое служителей принесли связанного в приемный
покой, где был составлен протокол о его приемке.**

**Сей протокол составлялся в соответствии с доку-
ментами, которые доставили вместе с новоприбыв-
шим полицейские, и из документов этих следовало,
что человек был арестован на Пршикопах за то, что
провозглашал славу Австрии; в полицейском участ-
ке он, однако, утихомирился и признался, что сбежал
из санатория доктора Ржимсы, из-за чего на меди-
цинской карете был отвезен обратно в лечебное заве-
дение.**

**В приемном покое, хотя и не знали ничего о сбе-
жавшем из их заведения сумасшедшем, тем не ме-
нее записали его в книги как князя из Тифлиса, раз уж
этот страшно тарачивший глаза человек, связанный
узлом, выдавал себя именно за него.**

**После этого служители отнесли его в умывальную
и произвели над ним дезинфекцию, которая заключа-
лась в стрижке волос, причем и в области паха, а рав-
но в обливании пятью шайками воды.**

**После сей процедуры его одели в чистое больнич-
ное белье и привели к доктору Ржимсе.**

Доктор, бросив грозный взгляд на сего несчастного, сразу же задал ему несколько вопросов.

Эти вопросы касались места, времени и года, в котором сей помешанный появился на свет.

Тот, однако, не отвечал на эти вопросы, поскольку лгать ему не хотелось, а правды он не знал, будучи подкидышем.

– Вы ведь знаете, наверное, своих родителей! – заорал на него доктор Ржимса.

Безумец, однако, не ответил и грустно помотал головой.

Он мог, конечно, смело провозгласить своим отцом императора и короля Фердинанда, однако не хотел так посрамить правящую династию.

И на вопрос о том, какой он религиозной конфессии и каких придерживается политических взглядов, он не ответил.

Ему пришлось бы признаться, что с религиозной точки зрения он имеет склонность к неосинтоизму с традицией зоо- и дендролатрии, реформированной скептико-пантеистическим рационализмом.

Что же касается политических взглядов, то он склонялся, скорее, к системе интернационального монархизма, индивидуалистического, этического и аристократического, в рамках и на принципах анархистско-ницшеанских философических и евгенических.

Однако же подобные взгляды ему приходилось скрывать, иначе бы его из этого сумасшедшего дома не выпустили до скончания веков.

Д-р Ржимса, однако, без усталости продолжал задавать дальнейшие вопросы сему пациенту, желая знать, до какой степени помутился его рассудок.

Он не сомневался в том, что перед ним сумасшедший.

– Дружище, – обратился он к нему более приветливо, – ведь Вы даже не знаете, сколько существует Отцов Небесных?

– Наконец-то я счастлив тому, что могу Вам хотя бы на что-то ответить, пан доктор, – ответил сумасшедший, поскольку в подобных делах был немалоопытен, – выяснится, в конце концов, что все зависит от того, сколько кто хотел, чтобы их было: евреям хватало одного, у персиян было два, у христиан – три в одном, у папуасов – четыре и так далее, вплоть до Брусилиуса, который утверждал, что их 280 тысяч. Если, таким образом, подсчитать богов всех времен и народов, то получим число 370999 богов, не учитывая при этом, впрочем, гипотезы бога в человеке, поскольку тогда мы бы уже залезли в миллионы, и об этом даже нельзя помыслить, поскольку некоторые люди хуже...

– Хватит, хватит, – перебил его доктор Ржимса, – ответьте лучше на что-нибудь более конкретное. Куда, например, впадает Йизера?

Безумец с улыбкой ответил:

– Йизера впадает по большей части во Влтаву в Праге, куда наибольшая часть ее истоков в виде каранской воды попадает, и всячески использованная возвращается вновь посредством каналов во Влтаву.

Доктор в отчаянии обратился к нему по-латински:

– *Quotus quisque hoc credit?*

Сумасшедший, однако, ответил ему:

– *Quantum pecuniae das pro institutione? Quanti doces? Quam pulcrum est caelum!*

Теперь уже доктору было совершенно ясно, что перед ним стоит.

Недрогнувшей рукою написал он диагноз этому несчастному: “*mente captus*”¹.

Для пущей уверенности он задал ему еще вопрос о том, не страдает ли тот морской болезнью.

Безумец в ответ заявил, что подобная неприятность не преследовала его вот уже на протяжении трех столетий, в последний же раз морская болезнь мучила его в XVII веке, когда он, воплотившись в испанского авантюриста, плыл в Америку, а с этого времени ни в одной из своих жизней он даже ни разу не видал моря.

– Что же, вы, значит, верите в реинкарнацию, не правда ли? – спросил д-р Ржимса, обмениваясь тайными сигналами с двумя мощными служителями, стоящими в углу смотровой комнаты.

– Да, – отвечал сумасшедший, – я верую в реинкарнацию, как необходимую ликвидацию материализации человеческой индивидуализации, в совокупности с регуляцией алкоголизации, без исключения сенсации!

– Мы тебе покажем сенсацию, дружище, так, что будет сплошная анимация! – заревели служители, которым доктор приказал наброситься на умалишенного и надеть на него смирительную рубашку.

---

¹ Умалишенный (лат.)

Битва с пиратами.

Мы вновь на “Альбатросе”, где варится грог.

Родригес, отдав соответствующее приказание, созвал всех рабов и моряков без различия пола и возраста на палубу.

Все стали с великой жадностью пить сей великолепный нектар.

Некоторым салагам, впрочем, грог не слишком-то нравился, поскольку ничуть не был сладким.

Дело в том, что тогда сахар еще вовсе не был изобретен, поскольку впервые его начали варить во время войны 66-го года из костей убитых пруссаков.

Когда отец Игнатий это увидал, его объяла жалость к этим людям, и он вытащил из сутаны некую коробочку, которую погрузил в грог.

В коробочке этой были молитвы под названием: “Сладостное царствие небесное”.

И действительно, грог тут же показался всем более сладким, так что повару пришлось приняться за изготовление второй порции.

Вскоре сей спиртной напиток начал воспламенять каждого.

Воинственностью искрились глаза всех бывших на палубе.

Нетерпеливо ожидали они битвы с корсарами и того, когда наконец доварится вторая порция грога.

Внезапно с пиратского судна раздался выстрел.

Пятидесятифунтовое ядро ударило о палубу “Альбатроса” и опрокинуло 10 матросов в котел с грогом.

Повару же ядро оторвало обе руки и обе ноги и выбросило его с палубы в море.

К счастью, повар был отличным пловцом, так что ему удалось спастись.

Его спасение все приветствовали с большим восторгом, ибо вернулась надежда на то, что он и далее сможет варить свой замечательный грог.

Между тем пиратский корабль приблизился к “Альбатросу” уже на расстояние 200 футов.

Родригес в смятении бегал по палубе, призывая к бою.

Иезуиты тоже не теряли времени и подбадривали всех перед героической схваткой, давая морякам заранее аванс на индальгенции, меж тем как матросы лихорадочно правили точильными брусьями ножи и топоры.

В этот миг с корсарского корабля прилетело еще одно раскаленное ядро и перевернуло посудину со спиртом для варки грога, а вместе с нею и двоих матросов.

С этой минуты о дальнейшем распитии грога можно было позабыть.

Пираты на полном ходу налетели сбоку на “Альбатрос” и отрезали своим носом его корму.

Задняя часть корабля сразу же потонула.

В волнах сгинул и штурвал вместе с рулевым, который до самой смерти не переставал нахваливаться себя за то, что ухватил двойную порцию индальгенций, и, следовательно, отправится напрямиком на небо.

Ему, впрочем, было немного жаль, что он не дождался третьей порции грога, однако что же ему

оставалось делать, в особенности если иметь в виду, что ни капли спирта все равно уже не осталось.

Родригес приказал выстрелить по корсарам пуцелентом свинцовой дроби, однако это ничуть не помогло.

Корсары взяли “Альбатрос” на абордаж и при помощи досок перебежали на палубу.

Это были ужасного вида громилы, немые и давно уже не брившиеся.

В руках они сжимали огромные топоры, которыми, как бешеные, размахивали во все стороны.

Команда “Альбатроса” оказывала им героическое сопротивление, так что в один момент уже казалось, что она вот-вот победит.

Капитан Родригес, стоя на капитанском мостике, с превеликим интересом наблюдал за ходом борьбы.

Его глаз знатока не мог не заметить, что пираты ринулись в бой и сражаются с куда большим желанием.

Причина, вероятно, заключалась в том, что к бою они готовились при помощи некоего еще более зажигательного напитка.

И действительно, корсары наступали с гораздо большей храбростью, чем люди Родригеса.

Один такой обычный пират мог одним взмахом своего топора разрубить своего противника пополам на 2 равные половины, как змею, а у двух других одновременно отрубить руки и ноги.

Бьющиеся о корабли морские волны были все в крови от отрубленных конечностей; многочисленные хищные рыбы пожирали падавшие в воду члены, не мешкая, быстро и с аппетитом.

Рыбы были этому весьма рады, ибо непрерывно виляли хвостами.

Половина команды “Альбатроса” уже лежала, перебитая, на палубе.

И корсары, впрочем, понесли тяжелые потери; в особенности их тяготило то, что брызжащая с палубы “Альбатроса” кровь погасила на пиратском корабле огонь, на котором варился их грог.

Потому они были рассержены до крайней степени и столь бешено сражались.

Победа наконец склонилась на сторону пиратов.

Родригес поздно начал сожалеть о том, что не сварил для своей команды более крепкого грога, поскольку победу корсарам обеспечило лишь то, что их напиток не был разбавлен.

Уже три четверти команды “Альбатроса” лежали на палубе уничтоженными.

Лишь немногие матросы были в состоянии продолжать бой.

Отважный Родригес понял, что пришло его время.

Ему было необходимо как можно скорее исчезнуть с корабля, дабы не быть порубленным пиратами.

Потому он начал с осторожностью слезать с мачты.

Ему удалось уже спуститься к первой рее, как вдруг он увидел перед собой огромного негра с ножом в руке.

Родригес не потерял присутствия духа и, с необычайной смелостью схватив негра правой рукою за горло, плюнул ему в лицо.

Оживший покойник.

Пора обратиться к тому, что происходит с Кубой, что он нынче поддельывает.

В последний раз мы его покинули падавшим по кривой с чердака морга прямо в подвал с известью.

По пути он ухватил с собою убежавшего по одной из крыш человека.

Человеком этим был не кто иной, как Курт, неродной сын покойного князя дона Педро, который, отрезав Эльзевире пальцы, в ужасе бежал прочь из отцовского дома.

Спасшись, как нам известно, через окно, он убежал по крышам в сторону от дворца, до того момента, пока его не захватил с собою падавший Куба.

Оба рухнули в какой-то подвал.

В подвале этом было окно, открытое нараспашку, так что они влетели в него, как мухи.

Благодаря скорости полета с такой высоты они погрузились по самую шею в известь, которой там было почти на 2 метра.

В этой извести было зарыто примерно полдюжины трупов, которые в

большинстве своем были жертвами различных убийств.

Подвал сей находился под полуразрушенной корчмой, в которой давно уже никто не жил.

Люди с севера обходили стороной это место, говоря, что там в округе иногда объявляется чудовище.

Чудовище это было якобы из крови и плоти, а на груди его зияла постоянно сочившаяся рана.

В конце концов, и из-за ужасного трупного запаха никто не отваживался заходить в эту развалюху.

Мертвецов там когда-то с большим искусством производил из живых людей тамошний жадный хозяин корчмы, который впоследствии без лишнего шума покинул сие проклятое место.

Трупы были известью уже совершенно сожжены, и от них осталась лишь своего рода каша, из которой там и сям торчала какая-нибудь кость или ступня.

В целом же они являли собой в своей живописности великолепную картину для любого кающегося грешника.

У наших же новопритетевших сюда с крыши посетителей впечатления от этого ужасного места и мертвечины были совершенно различны: живой Курт от падения и ужаса потерял сознание, мертвый же Куба

ожил, поскольку на него испарения от мертвецов и извести подействовали благотворно, ибо он был по характеру своей профессии к ним привычен и, очнувшись, полагал, что попал вновь в родной морг и сшивается в нем какие-нибудь трупы.

Вскоре он, впрочем, вспомнил о человеке на чердаке, который ударил его дубинкой по голове, так что последняя от этого до сих пор страшно болела.

Куба был уверен, что этот человек был послан полицией, и что власти раскрыли его подпольное и преступное чердачное копчение.

Загадкой для него, впрочем, оставалось, как он попал сейчас в это помещение с трупами.

Он ужасно захохотал, когда представил, что, быть может, и отца Бруно уже арестовала полиция.

Хохот этот, нагонявший ужас, отражался от низкого потолка подвала и пробудил лежавшего в обмороке Курта.

Курт начал громко стонать, ибо вследствие своего падения с высоты вывихнул ногу.

Только теперь Куба его заметил и пустился с ним в разговор.

Лишь из его рассказа Куба узнал, что он, падая с высоты, утащил с собою вместе и Курта.

Сей незаконный сын князя Педро Рудибанеры не стал скрывать перед Кубой, где он был и почему убегал по крыше.

Он рассказал Кубе даже о том, что у него с собою имеются все документы, подтверждающие, что он действительно княжеский сын, не зная при этом, какой перед ним негодяй, которым Куба в действительности был.

Куба его внимательно выслушал и, не показывая виду, ответил, что эти речи, будучи бредом больного воображения, его нисколько не занимают, и пусть лучше собеседник оставит его в покое, ибо ему нехорошо.

Курт после этого более его не беспокоил и попытался сам добраться до окна, через которое единственно можно было выбраться из этого подвала.

Куба меж тем, симулируя болезнь, уселся одному из трупов на голову и глубоко задумался.

Он старательно размышлял обо всем, что только что услышал от Курта.

Теперь, когда его преступления раскрыты, ему необходимо было со всеми предосторожностями скрываться, а для этого необходимы деньги.

Здесь же ему сама фортуна протягивала руку, и сам дьявол ему подсказывал, что он должен при помощи насилия завладеть документами Курта.

Как только бы они оказались в его руках, он мог бы начать выдавать себя за княжеского сына и шантажом вымогать у князя деньги, или даже требовать удовлетворения своих сыновних прав.

Необходимо было ковать железо, покауда оно было горячо.

Курт стоял у окна, тщетно пытаясь в него вылезти, когда Куба неожиданно напрыгнул на него сзади и нанес ему удар в затылок.

Несчастный Курт рухнул, как сноп.

Куба вытащил у него из карманов все, что там было, а также и переоделся в его платье.

Затем, вырезав ему язык, выбрался через окно наружу.

В кафе “Германия”.

Суббота, день полочки.

По улицам большого города шествует множество народу, спешащего или к своим семьям, или к развлечениям, или в свои убежища в предместьях.

Но многие из этих людей, в особенности бедняки и разнообразные отщепенцы, не имея, где спать, должны удовлетворяться любым местом, где можно склонить голову.

Чаще всего это бывают места под мостом, ведущим над одним островом.

Поздний вечер, и по мосту от острова к набережной идет фигура некоего человека в маске.

Этот несчастный, конечно же, спешит под мост, чтобы под ним выспаться.

Осторожно последуем за ним, чтобы узнать, под какой из опор моста склонит он свою усталую голову.

Но чу! Сей поздний прохожий не замедляет хода у моста и спешит дальше.

Ему, оказывается, вовсе не нужен прибавляющий сил сон, поскольку сегодня он на службе, а вчера дома замечательно выспался.

Этот человек был страстным спиритистом и муниципальным советником столицы.

Имя его было Егер, и он еще не был женат.

Он был, однако, замечен в подозрительной деятельности, и было о нем известно, что в его руках сходятся все нити, ведущие от всевозможных графьев и

королей, с которыми он мастерски играл, как с марионетками.

Без сомнения, духи мертвецов помогали ему с судьбами столь благородных господ играть интриганские комедии.

Конечно же, он опять спешит на какую-нибудь тайную сходку.

И действительно, он повернул налево на набережную в какое-то гнездилище порока, в которых на бережных приморских городов никогда не бывает недостатка.

Это место с сомнительной репутацией именовалось Кафе “Германия” и посещалось главным образом моряками, часто посещавшими этот порт, или же бродячими музыкантами.

Иногда, впрочем, туда заходил и какой-нибудь опустившийся художник, дабы спустить ради падшей женщины последнее свое имущество.

В кафе этом было множество комнат, в которых велась грешная ночная жизнь.

Последняя, в левом углу расположенная комната, была сдана в аренду какому-то кружку любителей анекдотов.

Советник Егер бесстрашно поднялся по ступенькам и вошел в этот притон.

Ступеньки эти присутствовали там, с одной стороны, на случай прихода наводнения, с другой же, – дабы нежеланных гостей было легче выбрасывать из кафе вон.

Однако советник Егер на эти ступеньки особенного внимания не обращал, поскольку был к ним привычен, и спешил сквозь три комнаты налево.

Наконец он остановился в последней комнате, из которой прохода далее уже не было.

В этом ужасном пристанище было несколько столов и стульев, и даже часы, стрелки которых двигали мыши.

Этих крыс бегало там огромное множество, поскольку кафе стояло у реки; однако казалось, что они вовсе никому не мешают.

Советник Егер, сняв свой плащ, отдал его официанту на сохранение, поскольку этот притон буквально кишел ворами.

После чего он подсел к одному из столиков и заказал “белую парадную”.

Официант принес ему заказ с большой осторожностью, стремясь к тому, чтобы с этим напитком не случилось никакого несчастья, поскольку в этой жидкости было столько спирту, что она нередко взрывалась.

Помещение было до сих пор пустынно, поскольку всяческие отбросы человеческого общества собирались здесь в более поздние часы, столпы же его обходили подобные места за сто миль стороной.

Тем не менее, общество, собиравшееся в третьей комнате, прихода которого советник ожидал и к которому сам принадлежал, должно было быть весьма подозрительным.

Анекдоты, которые члены этой компании рассказывали каждую субботу, были, безусловно, лишь маской, скрывавшей под собою какие-нибудь изменнические козни.

Как раз сегодня советник Егер ожидает прихода в этот притон одного генерала.

Конечно же, речь будет идти о каком-нибудь заговоре, перевороте в стране и установлении нового правительства.

Так что ровным счетом ничего не значит, что этот генерал был интендантом и сейчас уже в отставке: сей факт, как и то, что он приходит в данное общество в военной форме, делает все здесь происходящее, напротив, намного более подозрительным.

Уже девять часов, однако никто до сих пор не появился.

Советник уже нетерпелив и начинает опасаться, не поарестовывала ли полиция остальных членов этого анекдотического кружка.

Однако наконец раздаются шаги, и в комнату вползает семейная пара.

Оба супруга в возрасте расцвета, для которого выглядят внешне весьма неплохо.

Их радостные лица пышут здоровьем.

И все же кажется, что опытный знаток человеческих лиц может отметить, что оба страдают от какого-то вида меланхолии, обычного в те времена для всех домовладельцев.

Эти супруги именуются Ганзличковы и живут за рекой на улице Конкредди.

Что привело их в сие злчное место, читатель узнает из последующих глав.

Ганзличек владел лавкой с Pain-Expeler¹ом¹ и ядами, которыми, конечно же, снабжал заговорщиков.

---

1 Болеутоляющее средство (англ.)

Вдруг таинственно распахнулась алая портьера, и к заговорщикам присоединилось новое лицо.

Это был еще крепкий шестидесятилетний мужчина с лисьей улыбкой, которую он прятал в усы.

Все присутствующие, стремительно поднявшись с мест, наперебой начали его горячо приветствовать.

Было видно, что он со всеми знаком.

И мы узнаём в нем доктора из описанного выше санатория и университета.

Д-р Ржимса, поскольку это был он и не кто иной, дружески подал каждому руку и сел.

Присутствующие начали соревноваться в том, дабы на него дохнуть с целью убедить, что до сих пор никто из них не пил алкоголя.

Доктор остался доволен результатами осмотра.

У него, очевидно, было что-то общее с этими заговорщиками, раз он пришел в их компанию.

И действительно: сей доктор также был карбонарием, поскольку предписывал своим пациентам употреблять активированный уголь, или графит, иначе карбон.

Изучающим взором оглядел доктор всю собравшуюся компанию и украдкой глубоко вздохнул.

Он убедился, что здесь снова собрались многочисленные личности, по отношению к которым медицина уже бессильна.

В большинстве своем это были тяжелые случаи.

Эти несчастные даже не могли содержаться в какой-нибудь обычной лечебнице для душевнобольных, поскольку существовало опасение, что своими безумными речами о духах умерших они

повергнут питомцев в еще более глубокое сумасшествие.

Это были по большей части женщины без духа критики, хотя за каждой из них, как они сами утверждали, стоял какой-нибудь из духов, пишущий или говорящий, в которых доктор Ржимса тщетно старался поселить дух разума.

Некоторые из собравшихся здесь не ленились встречаться с духами ежедневно.

Оные духи от этого постоянного к ним обращения уже совершенно изнемогли и отвечали все глупее.

Это было вовсе не удивительно, поскольку подобный дух был по большей части в пути, ибо когда он спокойно отвечал на вопросы на Жижкове, его в тот же момент вызывали в сеансе в Кладно, а как только он там начинал что-нибудь вещать, как тут же приходилось отправляться в Моравскую Оставу.

Особенно много страданий приходилось на долю выдающихся людей, которых в один и тот же момент могли вызывать, например, в 6 разных местах, так что неудивительно, что эти духи, желая хоть на минуту отдохнуть, посылали вместо себя на такие сеансы духи прислуги, которым выдавалась концессия.

Впрочем, из-за этого и их ответы были соответствующими, и вообще существует подозрение, что выступавшие на сеансах духи при жизни не были даже порядочной прислугой, судя по их хулиганскому поведению на сеансах.

Так что было очевидно, что и духи гибнут на том свете виною алкоголизма.

Набожное пожелание.

Примерно в дне пути от Йимрамова раскинулась в одной из долин старославная красавица – уездный город Л.

Это город необычайно высокой культуры и курорт, с больницей, где успешно лечатся зубные болезни, в чем автор сих строк имел возможность лично убедиться.

К несчастью, тамошний курорт посещается лишь местными жителями, да и минеральную воду там никто не пьет.

Намного лучший напиток разливает там на Склипке отец Полард, а также в венгерском винном погребе, бывает, сойдутся разные любители.

Кроме оных двух достопримечательностей, замка, храмов, статуи некоего музыканта и двух дюжин мемориальных досок, нет в этом городе более ничего заслуживающего внимания.

Если же мы хотим видеть нечто истинно прекрасное, мы должны отправиться в предместье и посетить Портмонеум.

Этот Портмонеум представляет собой нечто вроде пражского дома Фауста, соединенного с Рудольфинумом.

Живет в нем граф Портмон с замечательным песиком Чиперой.

Это редкая порода борзой, столь тонкая, что разве что не пролезает в замочную скважину.

Граф до сих пор не женат, поскольку жениться ему запретили власти в целях защиты общественной безопасности и морали.

Дело в том, что в доме, где живет граф, в каждом углу и на каждой стене нарисовано какое-нибудь чудовище, привидение или дьявол, так что уже множество людей из-за этого лишилось рассудка.

Умир а ю щ и й отец завещал сему графу большую сумму денег с условием, что тот должен на них постро-

ить домашнюю часовню, непременно с капелланом. Сын, однако, понял так, что отец завещал нанять домашнюю капеллу, и потому купил на все наследство аккордеон, на котором играл весьма красивые вальсы и траурные марши.

Покойный отец, не имея сил на том свете слушать эту музыку, однажды явился своему сыну и приказал ему, если тот не желает, чтобы его отец добровольно отправился в ад, где удастся не слышать более сию мерзкую музыку, оставить навсегда игру на этом инструменте и превратить дом в одну большую часовню.

Явление отца оказало на графа такое впечатление, что он, не мешкая, поспешил выполнить сие набожное пожелание.

Пойманный оборотень.

Когда граф, осознав свою ошибку, понял, что то, что он принял за детскую голову, на самом деле всего лишь ручка потайной двери, он удивленно завертел головой над этим обманом зрения, не переставая при этом вертеть и ручкой, в надежде, что дверь перед ним отворится.

Мы вовсе не будем удивляться сей галлюцинации, особенно если учтем, что он до сих пор ходил с непременной раной на шее, и что из нее у него вытекло столько крови, что вследствие этого он очень ослабел и потому столь легко поддавался видениям.

Как комиссар полиции, он был весьма строг и требователен к себе, и в первую очередь был служителем закона, а уж затем человеком.

Поскольку же он до сих пор находился при исполнении служебных обязанностей, преследуя преступника, то не имел права даже подумать о том, чтобы перевязать свою рану, даже если бы истек кровью.

В конце концов, теперь ему уже не дорога была жизнь, после того как удалось найти потерянного сына.

На этом свете его удерживал ныне только один долг – необходимость арестовать убийц своей внучки и ее любовника, настичь бежавшего Бенду, а теперь еще и фальшивомонетчиков.

Он, однако, не знал о том, что Мария и Трясонь уже более не принадлежат к числу мертвых.

Наконец, ему удалось повернуть дверную ручку, и двери с грохотом отворились.

Его залили волны солнечных лучей.

Двери вели из пещеры наружу в поле.

Это был запасной выход, проделанный фальшивомонетчиками.

Граф начал осматриваться вокруг, чтобы после пребывания во тьме немного привыкнуть к свету.

Вдруг он почувствовал на своем лбу что-то холодное, а что-то теплое полилось ему в брюки.

Окаменев от ужаса, он начал оглядываться вокруг себя, пытаясь обнаружить причину этих явлений.

С удивлением он осознал, что к его виску приложено холодное дуло револьвера, и ощутил, что из его раны по телу стекает кровь.

Не было сомнений, что кровь, которая сперва от ужаса застыла в его теле, в этом солнечном жаре оттаяла и ныне беспрепятственно вытекала из раны наружу.

Ныне, впрочем, поздно было думать о перевязке раны, особенно после того, как граф обнаружил, что у него связаны все четыре ноги и руки.

Он увидел, что оказался посреди бушующей толпы.

Толпа эта состояла из деревенских жителей и тому подобного сброда.

Во главе ее находился некий худощавый иезуит, который, очевидно, и руководил этой ротой.

Всего людей вокруг было никак не меньше 50.

Они громко улюлюкали и кричали, радуясь тому, что наконец-то им удалось поймать оборотня, который по ночам ходит высасывать кровь из местного скота.

Здешний народ был совершенно оболванен иезуитами.

Раскрытая тайна.

Когда прекрасная девушка в парижском борделе привела невинного Фрагонарда в свою комнатку, сей тонко чувствующий и целомудренный юноша бросился к ее ногам и начал признаваться ей в любви.

Девушке это отнюдь не было неприятно, поскольку она привыкла слышать от пьяных гостей одни только грязные слова.

Юноша ей нравился, и видно было, что к своим словам он относится весьма серьезно.

Когда же он еще ей подтвердил, что, если ему удастся заказанная картина, то он возьмет девушку в супруги и сделает счастливой женою, если она, конечно, не будет против этого как-либо возражать, она уже более не сдерживалась и обхватила Фрагонарда вокруг шеи.

Слезы, крупные, как горошины, падали на давно не мытый пол публичного дома.

И Фрагонард громко всхлипывал.

Лишь благодаря такому громкому плачу могло произойти то, что они не услышали крика проституток, которых внизу убивали апаши.

Оба наплакались вдоволь и, усевшись друг возле друга на мягкую постель, начали улыбаться.

– Дорогой мой, скажи мне, как мне тебя следует называть и как ты зовешься? – спросила проститутка у Фрагонарда.

После того, как он сказал ей свое имя, она ему призналась, что родом иностранка и происходит из района Нусле, в департаменте Праге.

Фрагонард был горд тем, что его любимая родом из далеких краев, и поцеловал ее белоснежное лицо.

Девушка эта воистину должна была быть родом из чужих краев и стран, поскольку об этом свидетельствовала ее сильно загорелая, смуглая кожа.

– Могу ли я ближе подсесть к тебе, миленький? – защebetала нежным голосом Клара (таково было имя девушки), усаживаясь своему любимому на колени.

С радостью согласился Фрагонард, по-прежнему не сводя с нее взгляда.

Он был вне себя от любовной лихорадки и потому не знал, чему ему надобно более удивляться, ее белоснежно чистой душе или такому же белью.

Он был весь разгорячен видом этого ангелочка и должен был силою сдерживать свою страсть.

Как честный человек, он не имел права поддаться своей похоти, дабы сия благородная дева не подумала, что и он какой-нибудь сластолюбец.

Равно и как художник, который готовился к созданию столь важного произведения, каким было написание портрета Мадонны, он не имел права свой идеал обесчестить какой-нибудь греховной мыслью или даже деянием.

И холодный голос разума говорил ему поостеречься этой девушки по определенным причинам, дабы после своей телесной связи с нею ничем не заболеть, особенно потому, что он заметил, что у нее красные глаза, из которых постоянно что-то течет.

Он легко мог заразиться от этой девушки какими-нибудь выделениями, или, в лучшем случае, у него могли на всем теле повыскакивать шишки.

С подобными болезнями он был хорошо знаком, поскольку однажды с такого несчастного, страдавшего французскою болезнью, писал для одной часовни портрет святого Иова с язвами на теле.

Так что ему необходимо было собрать всю моральную силу, дабы не поддаться этому искушению.

И ему это действительно удалось, после того как он побрызгал себе за воротник из холодного сифона.

Девушка не могла не заметить, что в нем происходит отчаянная душевная борьба.

С невинной и целомудренной улыбкой на лице она наклонилась к Фрагонарду и промолвила:

– О, как ты мучаешься в неловких опасениях, миленький! Зачем же ты сам себя без причины столь угнетаешь, ведь я все могла бы тебе рассказать! Не правда ли, ты удивлен тому, что я еще девственница?! Я тебя вновь, дорогой мой Фрагонард, уверяю, что я до сих пор свою невинность не потеряла даже в этом притоне, и могу благодарить только свое истечение из глаз за то, что пока еще никакой мужчина не отважился со мною проделать ничего дурного. Ты, миленький, конечно же, думал, что у меня какой-нибудь хронический триппер, раз у меня постоянно глаза на мокром месте, но ты в действительности весьма заблуждаешься. Я свои глаза каждый день натирала луком и старыми чулками, лишь для того, чтобы они стали влажными, и потому-то ни один гость не хотел идти со мной в номер, думая, что я разна. Лишь таким образом единственно могла я сохранить свою честь, поскольку я всегда верила, что

меня все же какой-нибудь благородный господин вызовет из этого борделя, куда я попала столь щекотливым образом.

Услыхав эти слова, благородный Фрагонард почувствовал себя пристыженным, поскольку он сию невинную проститутку столь необоснованно подозревал.

Он должен был ей в качестве возмещения показать, что словам ее полностью верит и что несправедливо ее ранее подозревал.

Исправиться и убедить ее в этом он мог единственно страстной связью с нею и горячей любовью.

Казалось, что и Кларка уже этого ожидает, чтобы он, опоенный любовью, скорее ее повалил на мягкую постель.

Однако его ранее безудержное желание более не возвращалось, так же как и похоть его весьма охладела с того момента, как он облил себя сифоном.

Так что он должен был довольствоваться тем, что покрыл ее шею и спину бесчисленными поцелуями.

Чтобы ей, однако, доставить хоть какую-нибудь радость, он начал читать ей вслух “Магдалену” Махара¹.

Кларка с радостью его слушала, поскольку сей поэт был ее соотечественником.

---

1 Стихотворение чешского поэта Йозефа Сватоплука Махара.

Мохнатый Адам.

Теперь нам вновь пришло время вернуться в амстердамскую корчму “У гноящегося матроса”.

Как мы помним, человек в маске, которого тамошняя опустившаяся публика называла Мастером, посвящает Бенеша в качестве нового члена своей разбойничьей банды.

Известно нам и то, что это происходит при массовом потреблении хмельных напитков.

Мы узнаем в человеке в маске фальшивомонетчика, который тогда в берлинском ресторане у австрийского графа и хозяина гостиницы мошеннически выудил множество денег.

Он как раз рассказывает своим сообщникам о том, как удалось ему тогда завязать разговор с графом при помощи соуса, который он незаметно накапал ему из бутылочки на пиджак.

Его подручные громко прославляли его за этот смелый поступок.

И хозяин корчмы мохнатый Адам, или же просто Филиштирберт, поздравляет Мастера с этим успехом.

Все остальные гости уже разошлись из корчмы, а потому ее хозяин может с оставшимися, не отвлекаясь, разговаривать.

Давно уже пробила полночь.

Бенеш начал рассказывать о том, как ему удалось попасть на свободу бегством с тулонских галер через болота.

Все его с интересом слушают, поскольку для каждого из присутствующих, очевидно, важно как можно больше опыта почерпнуть из этого рассказа и описания, ибо каждому из этих негодяев грозили галеры.

Только корчмарь Филиштирберт сидел совершенно спокойный.

Ему галер опасаться не стоило, поскольку его дожидался не кто иной, как палач с плахой наготове.

Дело в том, что Филиштирберт имел на совести ужасное множество человеческих жизней.

Именно он в той полуразрушенной корчме, в подвале которой с мертвецами в извести Курт с Кубой прилетели, несколько лет назад содержал постоянный двор, в котором убивал путешественников, а трупы их складывал в извести.

Когда же полиция начала преследовать его по пятам, он переселился в Амстердам, где открыл свое нынешнее заведение.

Вскоре его новая корчма стала центром и прибежищем самых отъявленных негодяев.

Филиштирберт вместе с ними принимал участие в самых дерзких преступлениях.

Мы как раз видим всю банду собравшуюся вместе.

Глава XXVII.

Найденное завещание.

Мы снова в Барселоне. Наше внимание привлекает необычайно повышенная оживленность этого города.

Страшный шум и еще более – гигантские волны огня и дыма заставляют нас подумать, что мы где-нибудь дома, в Моравской Острове.

Однако вскоре узнаем мы в этом дыме чад, гарь и вонь подгорающего человеческого мяса.

Страшные стоны сжигаемых и набожное пение монахов убеждают нас в том, что мы находимся в непосредственной близости инквизиции.

Бесы в аду ругаются на чем свет стоит, все вспотев от постоянной работы по доставке душ еретиков к ним в пекло.

В оной Барселоне в последнее время с утра до самого вечера непрестанно заживо поджариваются на кострах толпы еретиков.

Сюда бы попасть Ольге Фастровой¹, дабы она радостно вздохнула: “Ах Господи ты Боже мой, как же умирительно прекрасен мир!”

¹ Чешская писательница и журналистка (1876-1965), автор сентиментальных произведений для массового читателя.

Костры инквизиции никогда не должны гаснуть, и потому в них неустанно добавляют смолистые дрова и новых еретиков.

Иной еретик еще не прожарился как следует, а уже должен уступать место другому, а сам отправляется напрямик в реку, вместе с пеплом.

Иезуиты своими безостановочными аутодафе уже спалили целые леса, однако еретиков никак не становится меньше.

Однако им до этого нет ни малейшего дела, ведь они получили огромную собственность в наследство от князя дона Педро.

Обманом добытое завещание с тремя крестиками признано подлинным, так что им все недвижимое имущество, оставшееся от князя, было присуждено.

Суд выдал им заграничную сберегательную книжку.

Так что было очевидно, что все огромное имущество князя, кроме пары заваливавшихся пиастров, содержалось в одной сберегательной кассе.

Хранилось там около двух миллионов песет, как было обозначено в сберегательной книжке, которая отмечена была печатью кассы:

Сберкасса св. Вацлава в Праге – St. Wenzels – Vorschusskassa
in Prag

Иезуиты могли вздохнуть спокойно.

Теперь они могли безмятежно спать, поскольку столь тяжелым и преступным путем приобретенное ими княжеское наследство никто уже не сможет у них отнять.

Сберегательная касса должна была быть, наверное, совершенно безопасна, раз содержалась в руках духовного лица и столь великий патрон ее охранял.

С такими деньгами иезуиты опять могли претендовать на мировое господство.

Теперь они могли с новой силой разжигать огонь святой инквизиции, поскольку имели достаточно денег на покупку мазута, керосина и серы для разжигания костров с безбожными еретиками.

Твердое решение.

Граф Портмон не мог более мешкать с исполнением желания своего явившегося ему отца.

Он, хотя и был очень богат, поскольку целыми днями ничего не делал, только подсчитывал и пересчитывал доходы, однако должен был продать свою лучшую аллею, которая в память об этом и ныне зовется Портмонкою.

Себе же он оставил один лишь Ванёусов холмик, чтобы ему было где выгуливать собаку.

Когда же ему удалось раздобыть сии бешеные деньги на превращение своего дома в часовню, пришли не менее тяжкие заботы – нужно было решить, кому поручить эту работу.

В Л. жили и солидные кустари, которые бы с радостью и охотно обеспечили графу сию перестройку, такие как, например, мастер Отвержел, который еще рано утром прибегал к нему с трафаретами, однако же граф в своей скромности не желал, чтобы в народе распространились известия о его часовне.

Так что он отправился за советом к знакомым иезуитам.

У иезуитов в этом городке был конвент.

Руководителем их был прелат по имени отец Янус.

У этого отца была прекрасная сестра.

Девушка эта была в действительности весьма красивой.

Иезуиты расспросили его, что к чему, и, услышав, что все должно быть сделано к умножению чести и

славы божией, пообещали ему и поручились найти честного мастера из цеха святого Луки.

Тем самым иезуиты взвалили на свои плечи серьезную заботу, ибо нельзя было найти какого-нибудь халтурщика, а кроме того, найденный должен был быть человеком весьма набожным.

У них, конечно, был один такой художник, по фамилии Жлоутек, у которого глаза уже были совершенно перекрученные, поскольку он все время поднимал их к небесам, и о котором было известно, что он молится по полчаса перед едой (хотя делал он это только для того, чтобы у него остыл суп), однако он не был тем мастером, которого желали иезуиты.

Им необходимо было послать к графу Портмону такого художника, который нарисовал бы в его часовне такие ужасы, что граф от частого их наблюдения рано или поздно сошел бы с ума и под влиянием этих картин, думая о муках адовых, все свое имущество завещал бы иезуитам.

Так что их выбор пал на одного такого художника, бывшего специалистом по части чертей и ада.

Картины, которые писал сей живописец, были ужасны.

Его шабаши, страшные суды и адские огни были написаны со столь страстным чувством, что у зрителей от страха перед этим вечным огнем выскакивали на коже волдыри.

Так что это был художник, удовлетворявший всем пожеланиям иезуитов, и то, что он был безбожником, их нимало не заботило.

В цыганском таборе.

Прохладная ночь.

Легкий ветерок приятно веет.

Сладостно подрагивают на этом ветру звезды, так, что даже мигают иногда от блаженства.

И языки костра, разведенного на краю леса, пляшут в дуновениях ветра.

У костра сидят цыгане и запекают собаку на сале.

Ветер уносит приятный запах жареного мяса чуть вдаль, под кроны деревьев, где в цыганской повозке сидит королева тех цыган.

Конечно же, это благоухание, издаваемое запекаемой и как раз разделываемой собакой, сильно раздражит ее нюх, хотя сама она в трапезе не участвует.

Причина этого состоит, во-первых, в том, что эта королева – старуха, не моложе чем 105-летняя, не имеющая уже зубов, чтобы справиться с жестким собачьим мясом, во-вторых же по той причине, что прямо сейчас она принимает у себя важного гостя, и поэтому не может покинуть своего местоположения.

Пред нею на коленях стоит загорелый цыган, а рядом с ним расположился бледнолицый иноплеменник.

Оба рассказывают ей какой-то секрет.

Королева с вниманием их слушает.

Мы их рассказа здесь полностью представлять и повторять не будем, а расскажем читателю более кратко, в чем тут дело.

Дело в том, что королева цыган какое-то время назад прочла по звездам, что у одной цыганки из того

самого племени, в котором она была королевою, родится мальчик, который, по достижении зрелого возраста, окончит свою жизнь на эшафоте, будучи повешенным.

В тот же самый час однако должны были родиться в одном замке трое детей, из которых ребенок овцепаса генералом, горничной – богатеем, а графини – кардиналом должны были стать впоследствии.

В пророчестве, однако, далее говорилось, что судьбу детей можно изменить, если подменить их одного на другого.

Тогда цыган должен будет умереть не в петле, а смертью храбрых на поле боя, генерал не падет в бою, а умрет дома в постели, богач вместо постели окончит дни свои у алтаря, а кардинал не у алтаря, а с веревкой на шее.

Как помнит любезный читатель из одной из предшествующих глав, действительно, все эти дети родились на свет в одном пограничном чешском городе, равно как произошла и замена тех новорожденных, которую произвел отец цыганского ребенка, переодетый чертом.

Он принес по приказанию цыганской королевы в табор ребенка горничной, а будущего кардинала в замке подменил.

Как мы видим, на судьбу поставили весьма хитроумный и расчетливый капкан.

Мы видим как раз этого цыгана, который докладывает королеве об удачно проведенной подмене.

Королева довольна достигнутым результатом.

Теперь она может умереть спокойно, когда у нее есть уверенность, что ребенок цыганской крови погибнет не висельником, а крупным военным начальником.

Однако же, дабы судьбу переменить, нужно было поменять местами и трех других детей, как, собственно, и случилось. Над этим, однако, королева особо не задумывалась.

С благосклонством посмотрела она на цыгана, стоявшего перед ней на коленях, который столь ловко произвел в замке подмену.

При этом ее взгляд соскользнул на по-городскому одетого мужчину, стоявшего рядом с цыганом.

– Приветствую тебя, дорогой Ян, – зашамкала она беззубая королева-бабка, – что вновь после долгого перерыва приводит тебя к нам? Не соскучился ли ты по нежному собачьему жаркому, или, как сам Перун, приходишь к нашему племени выбрать себе невесту?

– Ни то, ни другое, – отвечивал чужак, в котором к своему великому удивлению узнаем мы муниципального советника Егера, – однако принес я нечто гораздо более важное!

С этими словами он многозначительно стрельнул глазами в сторону коленопреклоненного цыгана.

Цыганская королева перехватила этот взгляд и послала цыгана прочь.

Цыган был рад тому, что уже не должен более стоять на коленях перед этой бабкой, и, довольный, ушел.

Он поспешил к товарищам к тому самому костру, чтобы подкрепиться кусочком печеной собачатины.

К тому времени советник Егер и цыганская королева уже вели оживленный разговор.

Было заметно, что они уже давно знакомы.

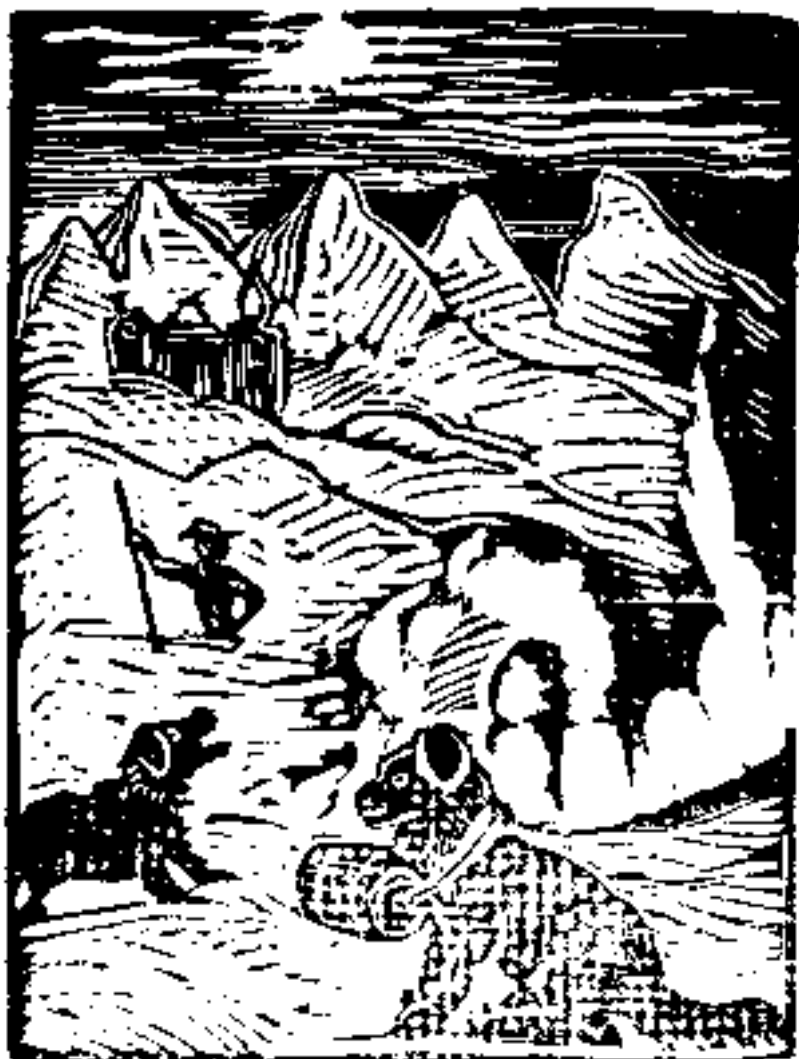
Советник стоял рядом с королевой, влюбленно обнимая ее обветшавшее тело.

Королеве это было приятно, поскольку в ней начала разогреваться старая цыганская кровь от того, что ее сжимал в объятиях подобный юноша.

Она внимательно слушала его слова.

– Помнишь ли ты, дорогая Эсмеральда, тот блаженный миг сорок лет назад, когда ты сжимала меня, крепкого юношу, сладостно в объятиях своих? – спрашивал у королевы советник.

– Как могу я этого не помнить, миленький, – отвечала ему старуха, – у нас тогда была брачная ночь, а до того, – ах, какие яства! – в знак празднования этого, большой банкет в цыганских традициях. Как будто прямо вчера ела я тот замечательный суп из кротовьих желудков, с жареными вороньими шкварками! А каков был еж, запеченный в глине! А ты тогда съел целого гуся и шестьдесят свежих колбасок из кошачьего мяса, а я, боясь, как бы ты до утра не проголодался, наварила из гусиной муки 50 больших кнедликов, собачьим салом намазанных, в каждом по 5 колючек и 6 шипов, и ты их все съел. Любишь ли ты их и сейчас так же сильно, как тогда, дорогой мой Ян?

В магнетическом сне.

В лечебнице доктора Ржимсы на сумасшедшего надели смирительную рубашку, и служители понесли его по лестницам куда-то наверх.

Лечебница была весьма обширной и состояла из нескольких зданий.

В каждом из них проводились разные виды лечения.

В первом здании содержались разные личности, у которых всевозможным образом резало и кололо в сосудах, так что они лечились здесь покоем и в еще большей степени частым употреблением оздоровительного напитка, который стоял в каждой комнате и на лестницах постоянно свежий и подготовленный для каждого к употреблению.

В другом здании, где наблюдались уже более тяжелые случаи, в основном из числа тех людей, которых погубила совершенно чума алкоголизма, и лечение было более сложным, и оный оздоровительный напиток был много сильнее.

Мы здесь для подобного рода людей, которые пока еще не содержатся взаперти в таких зданиях, хотя, быть может, их состояние этого уже настоятельно требует, приносим для острастки изображение сосудов с оными оздоровительными жидкостями.

В иных зданиях содержались те несчастные, в отношении которых любая медицинская помощь была уже бесполезной.

Были там такие безумцы, которые своими действиями ставили под серьезную угрозу свое окружение или же развращали его морально.

Кроме примерно двух дюжин кубистов и одного девяностолетнего старика, который все порывался издавать свое наимодернейшее ревью, там было интернировано порядка сотни религиозных фанатиков.

Характернейшей чертой их болезни была мания правдоискательства.

Они до сих пор были уверены в том, что на этом свете существует какая-то правда или добро.

Эта Правда была якобы в боге, который где-то да должен был существовать.

Или он стоял рядом с ними в пространстве, или же они носили его в себе.

В любом случае, они должны были им завладеть, или хотя бы просто до него дотронуться, дабы познать сию правду.

Некоторые из них были твердо убеждены в том, что им удастся извлечь этого бога из самих себя, если они сосредоточат все свое внимание на большом пальце ноги.

Все они от этого сосредоточения на больших пальцах на ногах совершенно одеревенели и постоянно твердили какие-то буквы, каждая из которых соответствовала каждому из пальцев.

Таким образом, ожидали они в оном мистическом состоянии, что рано или поздно явится перед ними с рапортом бог.

К несчастью, произносимые ими буквы не имели друг с другом никакой связи, и только лишь один махатма из этого общества повторял связанное магическое заклинание:

Лето на улице или зима, Кофе пейте от Разима!

Как мы видим, эти несчастные были достойны жалости.

Служители д-ра Ржимсы принесли сумасшедшего в смирительной рубашке в одну из камер, соответствующим образом оборудованных матрацами и, заперев ее, ушли.

Спустя какой-нибудь час в камере объявился сам доктор Ржимса и начал оногo безумца погружать в магнетический сон.

Это было единственное средство для того, чтобы узнать от сумасшедшего его самые потаенные мысли.

Когда усыпленный в соответствии со всеми правилами гипноза впал в магнетический сон, доктор задал ему несколько вопросов, на которые сей усыпленный безумец весьма четко ответил.

Из ответов следовало, что этот сумасшедший был послан масонским обществом из кафе “Германия” к д-ру Ржимсе с сообщением о том, чтобы доктор непременно пришел на субботнее собрание.

Поскольку это послание должно было остаться в тайне, а за д-ром Ржимсой пристально следили иезуиты, так что каждый посыльный к нему находился под наблюдением, тем масонам ничего не оставалось, кроме как усыпить одного из членов своего общества и приказать ему под гипнозом, чтобы он сошел с ума и таким не вызывающим подозрений способом попал в санаторий Ржимсы и там вновь был доктором разгипнотизирован, дабы тот получил сообщение от масонов.

Комната пыток святой инквизиции.

Связанного графа Райзенштайна везли деревенские жители как схваченного оборотня на телеге в Барселону.

От потери крови он совершенно лишился чувств и лежал на телеге недвижим, как полено.

То, что он оказался без чувств, было с его стороны для сих крестьян отягчающим обстоятельством и новым для них доказательством того, что они поймали настоящего оборотня, поскольку настоящие оборотни днем тоже должны спать.

Когда телега доехала до Барселоны, толпа сопровождавших ее зевак сильно разрослась.

Вскоре по городу пронесся слух, что вельможным господам удалась охота на оборотня, и что они уже везут это чудовище связанным.

Некоторые люди даже верили, что на телеге в путах лежит сам дьявол, и радовались такой победе святой церкви и ловкости ордена иезуитов, который наконец-то избавил Господа бога от его вечного противника.

Народ не сомневался, что вскоре опять будет праздничное аутодафе, если только для этой адской шельмы, которая попривыкла к огню, не придумают иной муки.

Иезуиты, пользуясь этим восторгом, начали уже среди народа собирать деньги на обустройство оногo аутодафе.

Толпа все расширялась, поскольку каждый хотел видеть самого чорта.

Ни о чем ином не говорили, кроме как о изловленном сатане.

Все спрашивали, что там у них, на телеге.

В это время возникла и поговорка: “У них там чорт лысый”.

Зевак становилось все больше и больше.

В конце концов, в дело должна была вмешаться полиция.

Жандармы сурово рубили саблями по толпе, из которой слышались крики, призывавшие казнить чорта судом Линча.

Вдруг начали раздаваться отдельные возгласы и выражения ужаса, которых становилось все больше и больше.

Над городом медленно поднималось страшное и безобразное чудовище.

У этого чудовища было четыре ноги и один хвост.

Его тело было сложено из сплошных пузырей.

Не иначе, над Барселоною возносился сам Антихрист.

Народ в ужасе прятался в свои дома или на месте цепенел от страха.

Наконец удалось завести оборотня в темницу святой инквизиции, где его тут же заперли в комнату пыток и приставили зоркую стражу.

В то же время из дома барселонского городского головы вытащили разбрызгиватель и стали брызгать в облака освященной водой, борясь с оным Антихристом.

Страшный призрак спокойно летел по небу дальше.

Лишь иногда было заметно, что сие мерзкое летающее явление болтает в воздухе ногами.

Некоторые иезуиты, которые залезли в обсерваторию и оттуда наблюдали за дьявольским чудищем, утверждали с определенностью, что у Антихриста две человеческие головы, четыре ноги и один неподвижный хвост.

Недовольство от этого явления в Барселоне было всеобщим, и большинство полагало, что оный Антихрист в воздухе как-то связан или имеет какое-то отношение к пойманному оборотню.

Мы, однако, дабы далее не возбуждать интерес читателя, откроем ему тайну, что чудовище, летающее в воздухе, есть ничто иное, как бежавший из сумасшедшего дома масон и с ним прекрасная Эльзевира.

Они спасаются по воздуху с чердака морга.

Они плывут по небу, несомые шарами, изготовленными тем масоном в морге из высушенных мочевых пузырей, которые он вырезал из тамошних трупов и наполнил необходимым газом.

Впрочем, ранее чем масон изготовил сей газ и насушил достаточное число мочевых пузырей, утекло много времени.

Все это время Эльзевира с масоном скрывались на чердаке морга.

К их великому счастью все это время никто не посещал чердака.

Так что двое потерпевших крушение жили на чердаке, подобно двум Робинсонам.

Дни они проводили во сне или в любовных утехах, по ночам же масон совершал приготовления к побегу.

В психономическом обществе.

Вернемся теперь в кафе “Германия”. Интересно, чем занято тамошнее общество?

Помимо до сих пор присутствовавших, советника Егера, супругов Ганзличковых и доктора Ржимсы, там по-прежнему никого нет.

Официанты без усталости приносят на стол холодную воду, которую советник очень быстро выпивает, дабы развесть выпитый им ранее алкоголь.

Поступает он так частично по причине, дабы содержащийся в нем спирт не вспыхнул от зажженной папиросы, если он соберется курить, но, главным образом, для того, чтобы доктор не догадался о том, что он по-прежнему употребляет спиртное.

Доктор, очевидно, оказывает на все это общество самое устрашающее влияние.

Мы этому совершенно не удивляемся, поскольку нам уже известно о том, какой огромной силой обладает этот гипнотизер и как он может погрузить в сон любого встречного.

Наибольшее влияние, однако, он должен был иметь на советника Егера, поскольку тот постоянно спал.

И все это общество было в некоем подобии магнетического сна, усыпленное доктором Ржимсой.

Д-р Ржимса был председателем сих усыпленных им субъектов.

Он основал это общество ради того, дабы в нем изучались законы, которые определяют душевную жизнь человека.

Остальные члены общества однако, когда не находились в трансе или под влиянием докторова взгляда и, следовательно, в магнетическом сне, не удовлетворились этими исследованиями и расширили предмет своего изучения на душевную жизнь духов на том свете.

Как нам уже известно, духи от этого изучения и постоянного обращения к ним некоторых членов весьма немало пострадали, поскольку должны были жить в постоянной готовности отправиться на сеанс.

Советника Егера они, однако, глубоко уважали, ибо он, хотя и проводил сеансы, никогда не обращался к несчастным духам с лишними вопросами, а чаще спал.

За подобное хорошее отношение во время сеансов к Егеру являлись исключительно добрые духи, а иногда в их ходе вещал посредством медиума и сам Дух Святой.

Духи также снабжали его различными предостережениями, например о том, чтобы он не ходил по мосту, не посещал оперы и т.п.; или же приносили ему вести о том, что умрет кто-либо из родственников.

И действительно, сигналы из загробного мира были необычайно правдивыми и все предупреждения в течение нескольких лет исполнились: в Америке рухнул железнодорожный мост, а в Париже сгорела Гранд-Опера.

И оный стук в мебели замечательно предсказывал смерть среди родственников: всегда умирал где-нибудь в деревне пусть чужой и совершенно

незнакомый советнику Егеру человек, однако, поскольку советник Егер сам был родом из деревни, то, в соответствии с лозунгом “Деревня – одна семья”, все эти покойники могли считаться членами его семьи.

Главной сферой деятельности господина советника в психономическом обществе, однако, были дома с привидениями, ибо все подобные нагоняющие страх объекты у него были в подробности зарегистрированы.

Он, очевидно, имел над населявшими их духами какую-то особую власть, поскольку ужасы в таких домах прекращались сразу же, как только советник переступал их порог.

Совершенно определенным было то, что в таких домах ему всегда лучше всего спалось.

Потому общество отправляло именно его на исследования всех такого рода домов.

Как раз сегодня мы вновь наблюдаем все это общество над чтением письма из Барселоны, в котором тамошний университет просит местное психономическое общество, дабы оно отправило в Барселону опытного заклинателя, поскольку там был пойман оборотень, а в воздухе замечен сатана.

Далее университет сообщал, что оборотня схватили иезуиты и хотят при его помощи проводить религиозную пропаганду, хотя все это явление относится к сфере деятельности психологической науки и что они писали уже и господину Фламариону, который ответил, что он не столь приспособлен к оному исследованию, как психономическое общество.

После кровавой победы.

На “Альбатросе” постепенно заканчивается сражение.

Корсарам уже почти некого убивать.

Большая часть команды “Альбатроса” героически попрыгала в море.

Эти отважные моряки достаточно уже навоевались за свой жиденький грог.

Родригес, которому удалось—таки превозмочь черноткожего неприятеля, поспешил в трюм, где хранились бочонки с порохом.

Он не собирался живым отдавать свой прекрасный корабль в руки пиратов.

Смело поджег он бикфордов шнур от одного из бочонков, после чего мужественно прыгнул в море.

Между тем бикфордов шнур догорел до самого конца, однако порох по-прежнему не взрывался.

Самое большее, он слабо свистел или шипел.

Порох в бочонках был весь промокший от крови, которая при массовых убийствах на палубе просачивалась сквозь пол в каюты и склады.

Вместо намокшего пороха в трюме начали взрываться другие бочонки.

В них содержалось тяжелое кровавое вино с виноградников князя Рудибанеры.

В этом вине было столько спирта, что, когда он загорелся, весь корабль запылал как пакля.

Хотя была ночь, этот пожар позволял все видеть, будто днем.

В одном из кают на горящем “Альбатросе” спит сном праведника тайный соглядатай за отцами Бруно и Игнатием, бывший морской разбойник дон Драбанто.

Он проспал все плавание “Альбатроса”, хорошо зная, что оба иезуита, за которыми ему поручили следить, находятся на корабле в безопасности.

Проспал даже и массовые убийства на корабле, и только лишь дым пожара горящего судна его пробудил.

И его каюта уже постепенно наполнилась языками пламени.

Он, однако, как бывший пиратский капитан, остался совершенно спокойным и медленно вылез из постели.

Спокойно зажег он керосиновую лампу, чтобы разглядеть то, что он на себя надевает, натер все тело лурдской водою, чтобы дьявол не имел к нему доступа, зажег трубку и, медленно покинув свою каюту, направился на палубу.

Вокруг него все уже было охвачено дымом и яростным огнем, и мачты, почти совершенно обуглившись, рушились с высоты вниз.

На “Альбатросе” давно уже не было людей.

Пиратский корабль медленно начал отплывать от этой развалины.

Вдруг среди сполохов огня явился дон Драбанто, коему огонь не причинял никакого вреда, ибо он был мокрый от лурдской воды, и в спокойствии перешел с “Альбатроса” на пиратское судно.

Удивленные пираты в ужасе смотрели на то, как на их корабль лезет огненное чудовище.

Некоторые в испуге отбежали прочь, и лишь несколько отважных корсаров преградило ему путь.

Дон Драбанто с величайшим хладнокровием отве-сил каждому из этих корсаров по паре пощечин.

Вдруг на него набросился с топором в руках капи-тан корсаров.

Это был страшно сильный малый ростом без мало-го два с половиной метра.

Дон Драбанто, не теряя хладнокровности рассудка, спокойно вынул из кармана перочинный нож и перерезал канат, натянутый над головой.

Вследствие этого на капитана пиратов, находившегося уже в трех шагах от дона Драбанто, обрушилась тяжелая рея.

Пират зашатался, что использовал дон Драбанто и элегантно выбросил его через палубу.

Пираты были в восторге от подобного беспримерного мужества и отваги.

Потому они тут же начали прославлять его как своего нового капитана.

Дон Драбанто принял свое избрание так, будто бы оно само собой разумелось.

Твердым взором он оглядел корсаров и приказал им выстроиться в шеренгу на палубе.

Когда они выстроились, новый капитан заорал на них страшным голосом:

– Молитесь, несчастные!

Пираты послушно пали на колени и принялись молиться.

Дон Драбанто знал, что тем самым окажется на хорошем счету у иезуитов Бруно и Игнатия, которых он увидал на корсарском корабле в качестве пленников.

Они перелезли на пиратское судно с горящего “Альбатроса”, и пираты не обратили на них внимания, поскольку они постоянно бормотали какие-то молитвы.

Часть вторая.

Глава XXXIV.

В подпольной редакции.

В одной из главных улиц в предместье большой Праги, в подвальных глубинах небоскреба, в бедно оставленной отдельной квартире живет загадочный человек, один из тех лишних людей, в которых большие города никогда не испытывают нужды.

Этот человек уже немолод, и, судя по его негладкому лицу и белым волосам, за спиной у него тяжелое прошлое.

Особый вид его черепа с выступающими костями производит впечатление, что перед нами фанатик.

Его постоянно присутствующая на лице заговорщицкая улыбка дает понять, что нам предстоит много хлопот с замаскированным тайным иезуитом в его лице.

Человек этот именуется Йозеф Пасека. Он бывший производитель деревянных штампов.

В прошлой жизни его занятием были переводы разнообразных сенсационных романов для карлинского издателя Бензингера.

Об этих своих занятиях в прошлой инкарнации он никак не может забыть и в своей нынешней жизни Пасеки-гравера по дереву, и проявляет никак не утихающий интерес к дурной литературе, простонародному чтиву.

Множество таких романов теснится на его полке объемом в три метра, – от “Карсека и Штилтнера” до последнего романа о Ганикове.

Уже из этого необычайного интереса к подобной макулатуре ясно следует, что мы имеем тут дело с человеком ненормальным.

И действительно, старый Пасека в соответствии с английской поговоркой: “moral insanity”, оставил свою мораль в одном из санитарных учреждений.

В первую очередь, это совершенный безбожник, во-вторых же изменник родины, который бы с большим удовольствием опять привел немцев в Чехию, как некогда святой Винтирж.

Политических убеждений у него нет никаких, поскольку он все более занимается собаками и кошками.

Он убежден, что для народа будет лучше всего, если восстановят барщину, а на трон вернется государь император.

О коммунистах он думает, что это все странные типы, а национальные демократы – исключительно буржуи, которые поголовно владеют автомобилями или собираются их приобрести, чтобы чадить ими прямо перед носом у Пасеки и подвергать опасности его собаку.

Его взгляды на остальные партии еще менее лестны.

Так что вовсе не стоит удивляться тому, что никто из разумных людей не стремился составить Пасеке компанию.

Пасека сей был вдовцом, и ходили о нем слухи, что он свел свою жену в могилу.

Клише, которые он производил, не приносили ему большой прибыли, и кроме того он должен был

сугубо притворяться перед священниками, которым их поставлял.

Слишком поздно он осознал, что вместо прославления церкви лучше было бы ему взяться за патриотические сюжеты, подобно его покойному дяде.

Однажды оный Пасека познакомился с увядающей девицей Коцоурковой и положил глаз на ее имущество.

У этой дамы тоже была гравировочная мастерская, так что она имела некий интерес к Пасеке.

Даже удивительно, какой успех имел этот негодяй Пасека у женщин, вопреки своему запущенному внешнему виду.

При помощи сей девы открыл Пасека свое большое издательство.

Вскоре это предприятие начало производить самые различные виды опиума для чешского народа.

Пасека впоследствии откололся от иезуитов и издавал свои книги под охранной маской “библиофилий”, которую предоставили ему масоны из Брно.

Эти безбожники создали даже некое братство святопасецкое для распространения сей подозрительной печатной продукции, каждая составляющая которой призывала на себя кары и вечное проклятие.

Как раз сегодня мы видим нашего дорогого Пасеку стоящим у наборного стола и что-то набирающего своим неуклюжим, полным германизмов стилем.

Это, судя по всему, рекламный проспект нового мракобесного романа; звучит он так:

ПРОСПЕКТ.

Подписанному под сим издательству удалось заделать гигантскую пробоину в чешской литературе и заполнить существенный пробел в литературе нашей изданием уплотненного, так сказать, в сжатом виде, сенсационного

Кровавого романа,

Под названием:

Пыточная
душегубов, или Притон
негодяев в графском
алькове,
и прочая, и прочая, и прочая.

Под этим названием скрывается произведение мощного исторического значения, которое, безусловно, будет иметь огромное влияние на мысли читающей публики, поскольку в нем открываются самые таинственные намерения и действия обоих главных движителей нашей современной жизни, противников, достойных друг друга,

ИЕЗУИТОВ И МАСОНОВ.

В этом романе, свободном от любой тягомотины, диалогов, психологического анализа душ и иных надоедливых свойств современных романов, читатель найдет описания с наиподробнейшим знанием фактов, как и с высоким полетом поэтическим, красками самыми интересными и живыми, полную картину жизни в мире оккультистов, абстинентов и безбожников, так что замрет от изумления над тем, как в книге, относительно малой с точки зрения объема содержащихся страниц, удалось поместить столько событий, рассказов и описаний всяческих личностей, графьев и князей, преступников и пиратов, докторов и священников, художников и проституток, убийц и жертв, короче говоря: смесь наипестрейшую, в которую попал и оный ныне властвующий

ДЕМОН ЗЛА

которого во всем его безрадостном величии с раскрытием всех его деяний и набегов удалось необыкновенно удачно в этой книге автору разобрать и описать. Если вы хотите узнать о многих вещах, о которых не имеете ни малейшего

ПОНЯТИЯ,
как например:
сколько существует господов богов,
почему должна была завершиться инквизиция,
как возник платяной шкаф,
черная магия в Праге,
куда на самом деле впадает Йизера,
раскрытые тайны сумасшедших
домов, сеансов и
моргов, последний иезуит и
последний оборотень в Чехии, и т.д. и т.п.

То здесь перед вами книга

набранная в единственных гранках, произведение, которое может привести к тому, что много слез прольется, и что созреют многие замыслы, поскольку само по себе оно есть великая картина всей современной эпохи, со всеми ее страданиями и радостями и то счастливыми, то вновь тщетными сражениями.

Время не имеет значения

в этой весьма увлекательной книге,
являющейся по сути

Эссенцией и избранным

из более чем сотни
интересных и просветительских народных

романов, называемых кровавыми.

Здесь как раз доказывается верность

Теории Эйнштейна,

так что мы можем без препятствий одновременно наблюдать за бесчинствами испанской инквизиции и Армии спасения, битвами с корсарами и у Садовой, тайные углы заморские и притоны местные и в Барсене. Чтение этой книги никого не может утомить, поскольку восхищенный читатель уносится чтением от одной, интересной, главы к еще более интереснейшей, попадает из пыточных в публичные дома, из княжеских салонов на необитаемые острова, из монастырей и пещер в убежища абстинентов и спиритистов.

Все произведение займет 19 печатных листов по 16 страницам на толстой ручной бумаге.

Множество копий старых и новых оригинальных гравюр на дереве.

Большой шрифт, легко читаемый и пожилыми людьми. Никаких распространителей! Никаких премий! Заявки принимает исключительно издатель онго весьма увлекательного романа:

Йозеф Пасека,

высшим императорским и королевским наместничеством концессиованный производитель гравюр на дереве во Вршовицах, Тыршова улица, дом 9, (подвальный этаж, квартира номер 4, – осторожно, злая собака!)

Эти проспекты старый Пасека вкладывал в конверты и рассылал по всему миру.

Хотя от этой рассылки прошло уже множество времени, покамест он не получал никаких заказов в ответ на свое предложение.

Не было сомнений, что у нашего народа нет никаких денег и, вернее всего, появятся они у него не скоро.

Очевидно, виновата была экономическая стагнация, на которую ссылались все вокруг.

Ушли навсегда благословенные времена, когда обменивались деньги, и кто угодно был готов купить что угодно, лишь бы избавиться от старых бумажек.

Теперь, когда Пасека получил столь мало заказов на свой новый роман, эти воспоминания были мучительны.

Быть может, и высокая цена этого романа была виновата в том, что никто его не хотел.

(Понятно, что имеется в виду цена подписная, а не какая-нибудь другая, дабы не возникла путаница).

Старый Пасека в злости плюнул и набил новую трубку.

Он действительно не мог продавать свой новый роман дешевле, поскольку одно только дерево для клише стоило едва ли не столько, сколько составляла подписная цена романа.

Совершенно определенно, что большие издательские дома могли бы продавать подобный роман дешевле, особенно если бы заплатили автору много или вовсе ничего; старый Пасека, однако, не мог ограбить

сам себя, как и не мог надуть с расчетом типографию, как иногда бывает у малых издателей, поскольку он сам был в одном лице автором, типографом и издателем своего романа.

Эти невеселые мысли прервал стук в дверь.

Пасека, однако, особого внимания на этот стук не обращал и спокойно набирал текст дальше.

Он полагал, что стук этот производят или духи, или же избавляющийся при помощи двери от блох пес Тарзан. К обоим этим видам стука старый Пасека давно уже привык.

Однако же: к стуку в дверь присоединился и ясный звук дверного звонка, в который кто-то позвонил.

Пасеку это все-таки оторвало от дела, и он неспешно направился к двери.

Звонивший не мог быть никем иным, кроме как опять каким-нибудь посланцем из министерства образования и просвещения, который принес Пасеке новое пособие в размере 1000 крон на продолжение графических работ.

В последний, как и в первый, раз подобное произошло с Пасекой 4 года назад, и, как нам известно, тогда он был настолько рад и взволнован неожиданным пособием, о котором он и не просил, что после этого в течение полугода должен был лечением приводить свои нервы в порядок.

Когда же он, выздоровев, вернулся домой, то в качестве благодарного дарополучателя поспешил исполнить условие, выдвинутое щедрым министерством, – по прошествии некоторого времени предоставить отчет о расходовании оногo пособия.

Пасека ответил им, что за полученную тысячу крон купил себе новый комплект белья, дабы надлежащим образом представлять сословие графиков за рубежом, и два килограмма писчей бумаги, при помощи которой можно было бы далее распространять чешскую культуру.

И действительно, мы можем заметить, что Пасека как бумагу, так и белье, купленные тогда, использует по сей день.

Ответ его, однако, показался господам из министерства безумным, и они поручили обследовать состояние его душевного здоровья.

Вследствие сего обследования Пасека был отвезен в психиатрическую лечебницу в Богницах, где оставался бы до сих пор, если бы не был на хорошем счету в клерикальных кругах, поскольку именно по ходатайству этих кругов он был отпущен домой.

Дело в том, что он изготавливал для них гравюры по дереву по столь низкой цене, что ни один из конкурентов не мог с ним соперничать.

Потому однажды у золотого Колоса в Спаленой улице в присутствии нескольких свидетелей будущей архиепископ приласкал его собаку.

Впрочем, это благословение никак не помогло собаке, ибо ее впоследствии кто-то украл и съел.

Пасека никак не винил в этом архиепископа, что, в конце концов, было для него счастьем.

Ведь только благодаря этому он до сих пор находится на свободе и может и далее издавать свои мракобесные тексты.

Так что неудивительно, что он во взволнованных чувствах спешит отворить, опасаясь, что вновь принесли какое-нибудь пособие из министерства.

От подобного интереса к его персоне со стороны официальных кругов и общественности он стал совершенно нервным, и у него развивается мания преследования.

Потому, вследствие этой мании, он приобрел для своей охраны огромную толстую собаку.

Пса этого он только одевает, поскольку накормить его было бы выше его сил.

Собака на каждого страшно набрасывается, и является весьма опасной, поскольку линяет.

Как раз сейчас мы видим, как она после звонка в дверь яростно набрасывается на последнюю.

Да охранит Господь своей милостью чиновника из министерства, который приносит очередное пособие на продолжение графических работ!

И Пасека очевидно взволнован и трясущейся рукой выводит в воздухе крестное знамение, застегивая при этом брюки.

После того, как он набивает одну из своих многочисленных трубок табаком и закуривает, Пасека спешит отворить.

Звонок звенит все более яростно.

Пасека как можно проворнее убирает еще с глаз долой бутылку с одуванчиковым вином, которое он возит из Брно, чтобы исследовать степень устойчивости своих гостей к яду, и наконец спешит отворить.

Его собака бежит впереди него.

Сокровища в монастырском сыре.

Любезный читатель не забыл о группе размерзающих путников в бернардинском монастыре в земле швейцарской.

Как нам известно, размерзающие сидели вокруг камина, от тепла которого, равно как и от замечательного монастырского шнапса, они постепенно оттаивали.

Так что неудивительно, что под действием одного напитка они поддались обманчивому впечатлению, будто к ним приближается какое-то монастырское привидение, в то время как это был всего лишь брат-монах, несший паломникам сыр.

Этот монах был уже очень стар, и все же с радостью предвкушал будущее событие.

В ближайшие дни он должен был быть заменен другим братом и отправиться на родину, в Италийскую землю.

Между тем, путники с горячим аппетитом питаются швейцарским сыром.

Сыр сей приходится путникам исключительно по душе, поскольку служит к их выпивке великолепной закуской.

Впрочем, в сыре этом непременно должны быть большие дырки, поскольку иначе он вялый, и съевших его мучает изжога. Как раз такой сыр и держали в этом монастыре.

Судя по звучному чавканью, которое разносилось по монастырю в этот полуночный час, сыр пришелся путникам по вкусу.

К этим звукам, подобным шуршанию тараканов, примешивалось снаружи какое-то чавканье в оттаявшем снегу.

Одновременно послышался и мощный луженый голос сенбернара.

Это в монастыре с давних пор было сигналом и знаком того, что приносят нового замерзшего путника.

Все монахи поспешили навстречу собаке к воротам монастыря.

Собачий лай, конечно же, мог иметь причиной дьявольский обман, если учесть, что семь замурованных монастырских дев как раз пробудилось в полночь, однако на сей раз это действительно кого-то несли собаки, так что монахи должны были, хотели они этого или нет, выбраться из своих теплых постелей.

Между тем оттаивавшие у камина были весьма заинтересованы тем, кому на сей раз захотелось сего замечательного шнапса, висевшего на собачьей шее.

Они откровенно опасались того, чтобы с приходом новичка порции шнапса и сыра не стали вдруг меньшими.

Наконец, они дождались одного заблудившегося в снегу и увязшего в сугробе путника.

Двери оттаивательной комнаты открылись, и почтенные сенбернары внесли в нее замерзшего, которому, однако, было уже вполне хорошо, с того момента, как он почувствовал запах шнапса.

У сенбернаров, однако, от множества снега на губах выступила пена, а хвосты примерзли к телу.

Один из сенбернаров (монах) выгнал всех сенбернаров-собак вон и подсел к новому путнику, который пришел в себя уже до той степени, что мог сидеть у очага.

Он рассказывает сенбернарам, что идет из Италии, где преподавал богословие, и что ныне возвращается к себе на родину, под Ждярские горы.

Так что это был священник, и даже аббе, по имени Шныт, и родом он был из Л. у Йимравова.

Сенбернары его слушали внимательно, в особенности тот, кто носил размерзающим сыр.

Он и начал спрашивать аббата о настоятеле иезуитского конвента в Л., отце Янусе, с которым он был хорошо знаком с малых лет.

Аббат Шныт тут же заявил, что Янус есть его наилучший друг, с которым он выпил в Склипке не один боценок пива.

Сенбернар от сих слов впал в огромную радость и попросил аббата, не мог бы тот передать отцу Янусу посылку.

– С большим удовольствием, – отвечал пошвейцарски аббат, и глаза его запылали адским огнем.

Бернардинец тут же добавил, что в посылке будет исключительно монастырский сыр, который он хочет отправить в память о монастыре.

Глаза аббата погрузнели, поскольку он не любил сыра и надеялся, что понесет с собой по крайней мере бочонок со спиртным.

Когда по прошествии нескольких дней аббат Шныт надлежащим образом отдохнул, то простился тепло со всеми сенбернарами и отправился дальше в путь к себе на родину.

На плече его висел мешок с головкой швейцарского сыра для отца Януса.

Он, однако же, и в мыслях не имел отвезти этот сыр Янусу, поскольку сей отец, будучи иезуитом, принадлежал к числу его врагов.

Дело в том, что аббат уже более вовсе не был священником и ныне служил франкмасонам.

Вероятно, причиной того, что сей способный муж перешел в стан безбожников, стала его несчастная любовь к сестре Януса.

Он как раз возвращается из Италии и несет масонам в Л. тайные послания от тамошних карбонариев.

Сыр препятствует ему в ходьбе, так что ему нужно как можно быстрее его съесть.

Начав резать сырную головку, масон почувствовал, что в нее запрятано что-то твердое.

Жертвы кораблекрушения.

Когда мужественный Родригес зажег на “Альбатросе” бочонки с порохом и выпрыгнул с корабля, то почувствовал под собой воду.

Вскоре он убедился, что прыгнул в море.

Море страшно пенилось и волновалось, напоминая своим видом, будучи после морского сражения совершенно кровавым, смесь вина с гранатовым соком.

Родригес, как опытный капитан, вскоре понял, что только при помощи плавания сможет удержаться на поверхности воды.

Потому он старательно пустился вплавь.

Однако он не знал, куда ему направиться.

В конце концов, было и все равно, куда плыть, поскольку всюду на его пути встречались десятки трупов, плававшие вокруг подобно оглушенной рыбе, сквозь которые ему приходилось продирааться.

Это была трогательная картина, и капитан взволнованно стирал со своего чела одну слезу за другой, смотря на сих удалых бойцов, которые ныне плавали перед ним как холодные трупы.

Однако он более не мог предаваться волнующим мыслям о них, дабы слишком не истекал слезами и, утирая слезы, не утратил темпа плавания и вовсе от этого не утонул.

При помощи мощных гребков руками ему удалось удалиться от корсарского корабля и от остова “Альбатроса”, который уже загорелся.

Ужасным заревом освещал пожар его плавание.

Родригес уже отплыл приблизительно на 2 мили от горящего и гибнущего “Альбатроса”, когда вдруг ощутил, как что-то ухватило его за каблук ботинка и потянуло вниз, в глубину.

Это была акула.

Родригес злобно выругался и уже готовился отдать Богу душу.

Чудовище тянуло его все глубже и глубже под воду.

Родригес начал бешено бить ногами во все стороны, пока, наконец, ему не удалось выбить акуле глаз.

Вследствие этого акула отпустила его каблук и, пристыженная, уплыла прочь.

Пора, однако, было спасаться, поскольку Родригес уже находился в сотне саженей под поверхностью моря.

С большим трудом плыл он вверх.

Вдруг толчок снизу буквально выбросил его на поверхность.

Причиной толчка было волнение воды, ставшее следствием взрыва на “Альбатросе”, когда вспыхнул порох, высушенный от действия огня.

Капитану сопутствовало величайшее счастье, за которое он должен был всячески благодарить акулу – в миг взрыва он находился под водой, и если б не это, его точно убил бы какой-нибудь из разлетевшихся обломков корабля.

Родригес был с этим совершенно согласен и был оной акуле благодарен, поскольку под грубой матросской тельняшкой у него билось благородное сердце.

Его весьма печалило, что он выбил акуле глаз.

В первом приливе чувств он пожелал было, чтобы акула снова вернулась к нему, дабы он в знак

благодарности за оказанные услуги мог дружески позвать ей плавник.

Однако, утешившись половицей: “Неблагодарность правит миром”, он мужественно поплыл дальше.

Через некоторое время он увидел, что на волнах качается какой-то круглый предмет.

Это была гигантская бочка, наполненная солониной и вяленным мясом.

Родригес узнал эту бочку, поскольку до того видел, как ее в Барселоне грузили на “Альбатрос”.

При взрыве на “Альбатросе” бочка была сброшена в море и ничуть не пострадала.

Родригес довольно улыбнулся.

Теперь он не должен был опасаться голода.

Итак, он залез на бочку и отправился навстречу своим дальнейшим судьбам.

*

*   *

Посмотрим теперь, что происходит на корсарском корабле.

Когда дону Драбанто показалось, что пираты намолили достаточно, он решил, что нужно приготовить и что-нибудь, что бы их порадовало.

Он хорошо знал, что слово божие уже избавило их от опьянения, и теперь они вновь не прочь выпить.

Дону Драбанто необходимо было как-нибудь порадовать пиратов и тем укрепить свою репутацию у них, глубже вписавшись в их сердце и память, за то, что они столь единодушно избрали его своим капитаном.

Так что он в первую очередь приказал сварить самый крепкий грог, который был бы крепче любого грога, который когда-либо на свете варился.

Дон Драбанто располагал рецептом этого грога, который ему достался от одного учителя, живущего в Брно на Выглицке.

Главными составными частями сего грога были спирт, нафталин и азотная кислота.

Конечно же, в Брно подобного напитка никогда не пили, и пить его могли лишь привычные ко всему матросы с пиратских кораблей, хотя и им после употребления его приходилось отфыркиваться.

Дон Драбанто получил этот рецепт от одного библиофила в знак благодарности за то, что некогда пощадил его и не отнял у него ни жизни, ни одной из книг Вахала.

Совершенно ясно, что этот напиток был столь неприлично крепким, что все, кто его пили, в будущей своей инкарнации непременно должны были стать самыми фанатичными абстинентами.

Пиратам он так понравился, что необходимо было сварить три порции оногo грога, настолько он был хорош.

Дон Драбанто и два иезуита из предосторожности, однако, укрылись в трюме и не вылезали оттуда до тех пор, пока все пираты, побежденные наконец этим адским напитком, не остались лежать вповалку на палубе.

Только после этого Драбанто вылез на палубу и в полном согласии с иезуитами направил корабль к Голуцу.

Бегство из сумасшедшего дома.

Узнав от спящего безумца тайное послание масонов из кафе “Германия”, д-р Ржимса в несколько ходов пробудил его от магнетического сна.

Про себя поблагодарил он психономическое общество за осторожность, проявившуюся в том, что оно усыпило своего посланника и только после этого продиктовало ему текст послания, поскольку таким образом оно уберегло себя от предательства.

Разгипнотизированный вестник меж тем совершенно пришел в себя, и, вежливо поприветствовав доктора, проявил большую радость от того, что ему удалось беспрепятственно попасть в сумасшедший дом и свидеться с доктором.

Доктор Ржимса с чувством пожал ему руку и в нескольких словах передал посланнику содержание одного тайного послания, дабы и он в субботу явился в “Германию” на собрание масонов.

После чего он взял острый нож и с быстротой молнии воткнул его в один из матрасов на стене.

После чего он начал распарывать сей матрас, пока не вырезал из него несколько длинных полосок.

Из этих полосок доктор начал сплести длинную веревочную лестницу, причем посланник ему в этом помогал, насколько, конечно, ему позволяла смиренная рубашка, которую доктор из предосторожности с его тела пока не снял.

Когда веревочная лестница была готова, доктор начал тонким напильником перепиливать оконную решетку.

Через какие-нибудь два часа напряженной работы им обоим удалось ее перепилить.

В этой работе им помогала колодезная вода, которой оба освежались.

Уже близилась полночь, когда оба сквозь окно, лишенное решетки, пролезли по веревочной лестнице в обширный сад.

Доктор с посланником масонов прошел до самого конца сада, где он снял со своего спутника смирительную рубашку.

После чего оба масона разлучились друг с другом, и оный человек, избавленный от маски безумца, ловко перелез через забор и вскоре исчез в полях.

Д-р Ржимса постоял там еще с четверть часа, а удостоверившись, что ниоткуда не слышно никаких посторонних звуков, тихо перешел на противоположный конец огромного сада, окружавшего лечебницу.

Встав у забора, он выбросил за него смирительную рубашку и выдернул из него несколько досок.

После чего, вытащив из кармана револьвер, произвел из него несколько выстрелов боевыми патронами.

Вскоре начали сбегаться служители лечебницы, которым доктор сообщил, что сей сумасшедший, князь Тифлисский, бежал из санатория.

Служители пустились за ним в погоню в направлении, противоположном тому, в каком он бежал, и, само собой разумеется, тщетно.

Масон давно уже был в безопасности.

Загадочное письмо.

Между тем, пока психонимическое общество сидело сообща и читало письмо из Барселоны, опять явились новые его члены.

Ими были две дамы.

Первая именовалась госпожа Тламихова, имя второй была мадемуазель Зматена.

Хотя обе были на выданье, они вовсе не помышляли о подобных светских пустяках, поскольку в оное общество их приводила исключительно жажда познания.

Они в полной мере и удовлетворяли ее при помощи присутствовавших, в особенности от лица, которое сейчас как раз присоединяется к обществу.

Это новое лицо есть не кто иной, как тайный посланник масонов, беглец из санатория доктора Ржимсы.

Сегодня он задержался со своим приходом, хотя обычно появлялся в “Германии” первым. Причиной опоздания было, что он нынче предавался на расположенном неподалеку острове двойному художественному переживанию, слушая фанфары из “Проданной” и поедая при звуках сей музыки колбаски Коулы.

Человек этот уже самым внешним видом крайне подозрителен, тем более своими несвязными речами, которые направлены против любого общественного порядка.

Эта личность всем известна исключительно под именем: Мастер.

Мы также в дальнейшем будем называть его именно так.

Как мы должны рассудить по приветствиям, которыми его встретили карбонарии, он давно уже знаком с этими бунтовщиками.

И действительно, Мастера знали во всех подобных тайных обществах как фальшивую монету.

И он за долгие годы прошел множеством таких тайных собраний и кружков, однако ни в одном из них надолго не задержался.

Кажется, будто сей Мастер тайно служит иезуитам и раскрывает им тайны, подслушанные в масонских ложах.

Чтобы хоть немного защититься перед таким изменником, столпы масонства основали для себя новое общество, в которое могли вступить только члены с повязками на глазах.

Вследствие того, что Мастеру для взгляда на мир не требовались шоры, он не имел доступа в оное очищенное общество и распространял в своем гневе слухи о том, что новое общество было основано только для того, чтобы доктор Сынек мог осуществлять в нем на материализовавшихся призраках пломбирование зубов.

Как мы видим, Мастер был весьма злопамятен.

Однако нам следует обратиться к наблюдению за собравшимся обществом.

На повестке дня, как нам уже известно, письмо из барселонского университета.

К несчастью, никто из них не знает испанского, даже мадемуазель Зматена, хотя она всего неделю как встала на ноги от испанки.

Аптекарь Ганзличек, в руки которого с самого начала попало письмо, думал, что это заказ на две бочки средства Pain-Expeleg от испанских иезуитов, для обработки ран покаявшихся и недопекшихся еретиков.

Госпожа Тламихова полагала, что это письмо от духа, которого в варфоломеевскую ночь молитвами освободили от мучений, за что он ныне в знак благодарности хочет открыть место, где хранится какой-нибудь клад.

Мадемуазель Зматена, хотя и не говорила вслух ничего, надеялась, что в письме содержится вопрос какого-нибудь славного барселонского тореадора о том, не предоставит ли ему одна из дам психонимического общества честь знакомства с нею.

Советник Егер был убежден, что в письме содержится настоятельное предупреждение от испанских спиритистов о том, что здешнему обществу угрожает роспуск со стороны властей.

Один лишь Мастер долго не выражал своего мнения по этому вопросу, и только после, внимательно рассмотрев письмо, рассудил, что оно содержит самый новый и наизабавнейший из анекдотов, которые кто-либо когда-либо слышал.

В доказательство этого он тут же принялся за перевод письма, хотя помимо своего родного языка сей лицемер не знал никакого иного.

Хотя об этом и было известно всем присутствующим, они все же слушали одного проходимца внимательно, поскольку могло случиться так, что его устами к ним обращался какой-нибудь злой или добрый дух.

То, что Мастер начал переводить с испанского, оказалось тем самым анекдотом, который как-то начал рассказывать Авель Каину, вследствие чего и был последним убит.

Анекдот был столь глуп, что сам бог должен был бы перевернуться в гробу, если б мог его услышать.

Все присутствующие начали перебрасываться похожими, такими же глупыми, насколько это было возможно, анекдотами.

Д-р Ржимса между тем пытался разгадать смысл загадочного испанского письма.

В таких развлечениях прошли целые часы, а общество все никак не могло дождаться мига, когда наконец уйдет доктор Ржимса, той благословенной минуты, когда, наконец, можно будет заказать выпить что-нибудь покрепче, чем вода.

Наконец доктору удалось перевести письмо из Барселоны, и он прочел его собравшимся вслух.

С содержанием его мы уже знакомы.

Общество явно взволнованно этим содержанием.

Советник Егер столь выведен из себя этим сообщением, что даже забыл о сне.

В своей рассеянности он выковыривает из печенья, стоящего на столе, миндальные и лесные орехи и вместо них вставляет пуговицы, спешно срезанные с брюк.

Видя это, госпожа Тламихова достает из сумочки разнообразные пакетики и обертки с печеньем и пирожными, которыми угощает всех присутствующих.

Дело в том, что эта дама исключительно набожна и раздает всем сладости в честь воспоминания о свадьбе в Кане Галилейской.

Мастер, однако, этому не верит и говорит, что печенье, вероятно, заколдовано.

Он стал весьма осторожен с момента, когда госпожа Тламихова однажды почистила ему пенсне наждаком, так что он, возвращаясь поутру домой, увидел ведьм, слетающих на шабаш.

Совершенно очевидно, что между ними происходит какой-то магический поединок, что, впрочем, в этом обществе совершенно неудивительно.

Между тем остальные его члены уже горячо обсуждают оборотня.

Пан Ганзличек рассуждал о том, возможно ли отравить подобную бестию, и было ли бы для этого достаточно пяти граммов фосфору.

Его супругу скупают опасения относительно того, что подобным оборотням может более, чем обычная, прийти по вкусу кровь диабетиков, поскольку она слаще.

Мастер успокаивает ее словами, что в данном случае речь идет о совершенно отличном виде чудовищ,

о чем он подробнее написал в своей последней книге, посвященной их повадкам.

Доктор Ржимса рассказывает, что однажды он был в кинематографе на “Фэйрбэнксе” и, хотя картина снималась лишь в дне езды на поезде от Барселоны, в ней и намеками не говорилось об оборотнях.

Мадемуазель Зматена добавляет, что кардинал из “Трех мушкетеров”, которых она недавно смотрела в кино “Альмара”, был похож как раз на оборотня.

После чего начался спор относительно того, обладает ли оборотень разумом, на основании классификации Ямвлиха.

Это был весьма ученый разговор.

Советник Егер проспал его весь, никем не беспокоимый.

Лишь однажды он вмешался в сей разговор и нарушил его своим громким храпом.

Никто из собравшихся этому не удивился.

Проспал он и голосование о том, должно ли психономическое общество направить в Барселону своего делегата.

Было решено отправить туда двоих отважных и разумных членов.

Ими не мог быть не кто иной, кроме как советник Егер и с ним Мастер.

Кончено же, это было нешуточное дело – отправиться в страну иезуитов и инквизиции.

Извергнутая морем.

Посмотрим теперь, что происходит на необитаемом острове.

Хлис и Дафния с ужасом прислушиваются к приближающимся шагам.

На углу скалы их взору предстала черная фигура.

Перед ними возвышалось ужасное чудовище, как им обоим казалось.

Однако это был всего лишь испанский иезуит.

Мы узнаем в нем отца Игнатия.

О том, как он сюда попал, расскажем в свое время.

Игнатий был натренирован в обращении язычников и общении с дикарями, так что ему вскоре удалось успокоить испуганных Хлиса и Дафнию.

Он выпатил из-под плаща бутылку и налил каждому из них в рот немного рома.

Таким было первое крещение островитян.

Эти несчастные до сих пор ничего не слышали об абстиненции, и потому ром пришелся им по вкусу.

Движимые благодарностью, они принесли Игнатию все, что припасли на завтрак.

Иезуит, как следует насытившись, лег и уснул.

Хотя он был по-прежнему мокрый, но быстро высыхал, поскольку на острове была подходящая погода, вследствие того что на нем близко подходили к земной поверхности вулканические газы.

Дафния и Хлис сидели над спящим иезуитом и сгоняли с него мух, не переставая при этом бросать взгляды на бутылку с божественным напитком.

Вдруг они издали возглас изумления, поскольку увидели, что в морских волнах перед ними барахтается человек.

Они начали радостно визжать, поскольку были уве-

рены, что к ним плывет кто-то с новой порцией рома.

Визг пробудил отца Игнатия, и тот открыл глаза.

Он увидел, что по морю плывет какая-то женщина.

Отец спокойно ждал, когда она доберется до берега.

Когда это наконец произошло, то он медленно с улыбкой на челе пошел ей навстречу.

Женщина была столь ослабевшей, что едва смогла вылезти на берег.

Когда ей наконец удалось вскарабкаться на необитаемый остров, отец Игнатий галантно подал ей руку.

Она набожно поцеловала ему персты, как духовному лицу, и сразу же лишилась сознания.

Извергнутая морем несчастная должна была от долгого плавания и пребывания в волнах весьма ослабеть, и отцу пришлось долго ее возвращать в жизни.

Когда женщина немного опомнилась, отец Игнатий дал ей несколько глотков рома.

Сразу же после того, как женщина выпила, ей стало лучше.

Она открыла глаза и сказала по-испански:

– Ради милосердия божия, позвольте мне вкусить еще хоть чуточку, ибо я умираю!

Произнеся эти слова, женщина, как показалось, начала лишаться чувств.

Отец Игнатий подхватил ее и с жалостью в сердце передал ей свою массивную бутылку, в которой был ром.

Женщина нетерпеливо приложила бутылку к губам и начала жадно пить.

Было видно, что она привыкла к подобным напиткам, в особенности к рому.

Длинными глотками она выпила все содержимое бутылки до последней капли.

Иезуит тщетно пытался вырвать бутылку у нее из рук; она не оторвала ее от губ ранее, чем полностью не осушила.

Только после этого с победной улыбкой она отбросила бутылку и вытерла губы.

И Игнатию, как и жителям острова, пришлось утешиться, поскольку весь ром был выпит.

Было очевидно, что выброшенная морем женщина была какой-то морально опустившейся особой, раз смогла таким образом залить свое горло столь крепким напитком.

Мы этому также ничуть не будем удивляться, а впрочем, и не можем, поскольку неожиданно узнаем, что эта извергнутая морем баба есть никто иная, как жена Кубы.

Дело в том, что она бежала из монастыря, в который была помещена отцом Бруно как помешавшаяся, дабы не могла признаться в преступлениях, совершенных в морге.

Бежав в один из портов, она познакомилась там с одним моряком, вместе с которым в качестве его любовницы и отправилась в плавание в Китай.

Корабль, на котором они плыли, потерпел крушение, и одна лишь жена Кубы спаслась при помощи плавания и попала на необитаемый остров.

С Игнатием они до сих не были знакомы.

Жена Кубы произвела на одного иезуита приятное впечатление, поскольку он был необычайно развратен.

И сама Кубова, которая начала возбуждаться от выпитого рома, стреляет глазами в сторону длинного иезуита.

Так что отец Игнатий перестал гневаться на нее за выпитый ею ром и, подойдя к одной женщине ближе, представился ей, хотя и с соблюдением всех приличий, однако солгав, испанским грандом доном Фернандо.

Фальшивая Мария.

Когда отец Игнатий представился ложной жене Кубы, он поцеловал ей руку и вдруг, исполнен изумления, издал громкий крик.

Он увидел на ее руке драгоценный перстень с монограммой, который откуда-то уже был ему знаком.

Вскоре он вспомнил, что видел этот перстень на руке покойного князя Рудибанеры.

Как же перстень попал к этой бабе, и кем она может быть?

Он, конечно, слышал о том, что у князя когда-то была дочь, которая давно уже пропала, но эту дочь никто из иезуитов не знал. Неужели это она, пропавшая наследница князя?

В душе сего иезуита начали роиться грандиозные планы.

Отец Игнатий, конечно, был тем, кто самолично предложил князю на подпись фальшивое завещание, при помощи которого иезуиты стали наследниками его огромного состояния, однако сам же он мог бы все обратить в свою пользу, если бы перед ним сейчас действительно оказалась потерянная княжеская дочь.

Он мог на ней жениться и впоследствии выступить со справедливыми притязаниями на княжеское наследство, которым обманом завладели иезуиты.

Отец Игнатий был убежден, что его иезуитского хитроумия хватит на то, чтобы очистить себя от вины, которая падала на него из-за подделки им завещания.

По сути, на план со свадьбой он мог рассчитывать лишь в том случае, если бы его собственные планы с добычей клада, зарытого на острове Гонолулу, не принесли бы успеха.

В любом случае, ему нужно было как-нибудь обеспечить хорошее к себе отношение со стороны этой бабищи.

Он, однако, не знал, что жена Кубы не является никакой дочерью князя и что перстень она получила только по воле случая.

Дело в том, что перстень князь дон Педро подарил своей любовнице Эльзевире, которая и носила его на одном из пальцев рук.

Он был надет на ее палец и в момент, когда неродной сын князя и ее бывший любовник отрезал ей в порыве ревности все десять пальцев.

Ее пальцы, как нам уже известно, с грохотом разлетелись по всем углам княжеского покоя.

Несчастливая Эльзевира, сразу же после этого замурованная в мертвецком подвале, не могла и помыслить о том, чтобы собрать свои пальцы, разбросанные по комнате.

Так что княжеские слуги вынесли ее пальцы при уборке вместе с иным сором на помойку, и они остались там лежать вместе с тем самым драгоценным перстнем.

К помойке иногда приходили барселонские бедняки, чтобы поискать в ней дешевую и жирную пищу на пропитание.

И из монастыря, в который была заключена отцом Бруно Кубова жена, приходили туда две благочестивые

сестры, чтобы насобирать продуктовых отходов для питавшихся в монастыре послушниц, чтобы монастырь смог на них побольше сэкономить.

Из этого собранного на свалке мусора в монастыре варили удивительно замечательные супы и соусы, в особенности когда в них оставляли повариться какой-нибудь чтимый предмет культа.

Послушницы монастыря были вполне удовлетворены подобной кухней, поскольку тем большую имели убежденность в том, что после таких телесных мук они совершенно определенно в будущем присядут к столу отца небесного и вот за ним-то, на пиру вечности, насытятся и приведут в порядок свой испорченный желудок.

Кубова, однако, не была такой набожной, как другие, и бежала из монастыря в первую очередь из-за ужасной пищи.

Перстень же, который был у нее на руке и из-за которого отец Игнатий ошибочно принял ее за пропавшую княжескую дочь, она случайно нашла в одном из монастырских супов, в котором варились пальцы княжеской любовницы.

Ей даже во сне не могло привидеться, какое счастье ждало ее из-за этого перстня.

Потому на вопрос ложного дона Фернандо она ответила, что перстень является ее семейной реликвией; однако о семье своей никаких подробностей иезуиту она не сообщила.

Именно это и удерживало отца Игнатия в убеждении, что перед ним действительно настоящая Мария.

В комнате пыток и в темнице.

Тяжело захлопнулись железные двери за графом Райзенштайном.

Сей несчастный комиссар полиции, невинная жертва своей добросовестной службы и горячности своего новообретенного сына, очутился в самой бдительно охраняемой темнице инквизиции.

С грохотом рухнуло обессиленное тело мнимого оборотня на груды гнилой соломы.

Мерзкие дождевые черви, жабы и змеи принялись жадно слизывать кровь, до сих пор капавшую из его раны на горле.

Многочисленные крысы, бегавшие по темнице, жестоко впились зубами во все его тело.

Вследствие всего этого граф, находившийся без сознания, очнулся.

Долго приходил он в себя, прежде чем осознал, где находится.

Ничто так не мучило старого служаку, как то, что он понял, что находится в тюрьме.

Он, который стольким преступникам по заслугам их помог попасть за решетку, ныне, как какой-нибудь пошлый жулик, очутился за нею сам!

Слезы брызнули у него из глаз.

Как же он мог поддаться этим мужикам!

Он даже не вполне представлял себе, за что его посадили в тюрьму.

В том, что он не оборотень, граф был уверен.

Однако в скором времени он должен был получить объяснения всему.

В дверном замке загрохотал ключ.

Тяжелые железные двери отворились, и во мрак темницы проник свет бесчисленных факелов.

В ужасную тюрьму пришла вооруженная стража, дабы отвести несчастного графа в комнату пыток.

Он, однако, был настолько ослабевшим, что в пыточную его пришлось нести на руках.

Стражники, как могли, пытались уберечься от того, чтобы вступить с принимаемым ими за оборотня в какой-нибудь тесный контакт, и, перекинув через его тело лист парусины, намоченный в освященной воде, отнесли его в нем.

Из этого листа его освободили только в комнате пыток.

Она находилась в 14 сажнях под земной поверхностью.

В ней уже сидели Великий инквизитор и иезуиты.

Их черепа отсвечивали ужасным светом.

В их изможденных лицах победоносным светом сияли глаза, исполненные ненависти и жестокости.

Взгляд Великого инквизитора прямо вонзался в глаза схваченного оборотня.

Уже по этому взгляду граф понял, что из подвалов инквизиции ему не выбраться, и что, несмотря на всю его полицейскую смекалку, дело дрянь.

Безжалостная ростовщица.

Как только Пасека открыл двери своей квартиры, его собака яростно устремилась навстречу визитеру и радостно обхватила его за шею.

Визитер был женского полу.

Пасека издал глубокий вздох облегчения, поскольку с его души упал тяжелый камень – пришел вовсе не чиновник или курьер от властных учреждений.

Гостья, весьма невнятно поздоровавшись, подобно лавине ворвалась в квартиру Пасеки.

В руке она держала какой-то отпечатанный лист бумаги, которым усиленно махала перед собой.

Казалось, что этой корректурой она хочет забить Пасеку с его собакой до смерти – настолько она была разгневана.

Горькие упреки срывались с ее уст.

Разозленная, она бухнулась в одно из сломанных кресел, и тучи пыли окутали ее девственную фигуру.

В облаках дыма из трубки Пасеки, как и в одной пыли, она смотрелась великолепно, будто грохочущая олимпийская богиня.

Пес Тарзан, ошеломленный ее красотой, расположился у ее ног.

Мужественно выслушивал старый Пасека проклятия, издаваемые ее милыми губками.

Сия дама была партнершей издательства Пасеки, и звали ее Анна Коцоуркова.

Это была девушка множества достоинств, симпатичная как своим внешним видом, так и отличной стряпней.

Негодяй Пасека держался ее главным образом потому, что она замечательно готовила для него и для Тарзана, так что собака никогда не жаловалась.

Кроме того, Пасека брал у нее в долг деньги для своего издательства.

Так происходило уже несколько лет.

Госпожа Коцоуркова терпеливо ожидала, как Пасека отреагирует на ее слова.

Этот Пасека, в общем, никогда не был ей особо симпатичным, поскольку плохо отделял в наборе строки друг от друга.

Так что она предложила ему, что сама будет производить корректуру его текстов, дабы он не делал в них столько ошибок.

Пасека был ей за сотрудничество весьма благодарен и с удовольствием принимал ее исправления, которые, однако, не использовал при печати своих книг и все их печатал такими, как он были до корректуры, с ошибками.

Он оправдывал это тем, что ради несчастных шести подписчиков его издательства нет никакого смысла даже вносить исправления в набор.

Девушка Коцоуркова приходит в совершенное отчаяние от подобной легкомысленности.

Как раз сегодня мы видим ее в подобном состоянии, отчаявшуюся над одним, особенно удачным, печатным листом.

Это четырнадцатый лист, со страницей двести двадцать четвертой, где в восьмой строке снизу можно найти одно из таких ужасных делений на строки.

Подобных ошибок, уму непостижимых, Пасека допускал множество на каждой странице.

Удивительно, что до сих пор еще находились люди, которые подписывались на издаваемый Пасекой литературный сор, причем дорого за него отдавая.

Судя по всему, это должны были быть морально опустившиеся люди, такие как сам Пасека, для которых их родной язык ничего не значил.

И действительно, заказчики Пасеки происходили из самых пестрых слоев общества.

Самым давним его поклонником был некий аптекарь, который много лет назад из юношеского неблагоразумия начал покупать издания Пасеки и ныне уже не мог бросить эту дурную привычку, опасаясь общественного мнения.

Другим его заказчиком был один адвокат, для которого книги Пасеки были источником познаний о порочности рода человеческого, которые впоследствии помогали ему выступать в роли защитника разных проходимцев и негодяев.

Иными были уже знакомый нам учитель с Выглицки в Брно, который посылал Пасеке столь замечательные вина собственного производства, что также не мог сказать о нем ничего дурного.

Из числа других подписчиков на продукцию Пасеки необходимо еще упомянуть об одном хормейстере, который, без сомнения, создавал под влиянием одного чтения музыку для богослужений в сочельник, и одном директоре банка, который покупал книги из спекулятивных соображений, ибо они издавались на хорошей бумаге.

Наконец, был еще один чиновник пенсионного управления, который собирал все вещи, которых когда-либо касалась рука Пасеки.

Зачем он это делал, он объяснить не мог.

Он, хотя вовсе ничего не понимал в искусстве, был весьма опытен в роли знатока современной коммунистической и церковной живописи.

В его обширной картинной галерее, которая в нынешней момент сложена у него на чердаке, присутствует далеко не единственная прекрасная картина Пасеки.

Пасека продавал ему эти картины за ежемесячный гонорар в размере двух крон, причем к одной картине всегда в нагрузку прилагал еще две.

Наконец, серию книг, выпущенных Пасекой, мы могли бы еще найти у девицы Коцоурковой.

К ее чести следует сказать, что она никогда бы не покупала у Пасеки книг, если бы Пасека не приносил ей их в качестве платежей в счет своего долга.

Как нам уже известно, она работает корректором его текстов безрезультатно, поскольку старого упрянца не переубедишь.

При этом однако она сильно влюблена в Пасеку и верит в то, что Пасека и Фрагонард из его романа – одно и то же лицо, и спрашивает, чем роман закончится.

– Есть еще одна возможность, милая девушка, – отвечал ей Пасека после долгого раздумья, – заполучить Вам полностью целомудренного Фрагонарда без того, чтобы Вы опасались в будущем, что он уедет от Вас к Кларке и уже более не вернется...”

– Боже милостивый, – всхлинула испуганная девица Коцоуркова, – неужели же Вы, Пасека, позволите столь симпатичной девушке и редкому характеру в

одной из следующих глав покинуть сей увлекательный роман по причине насильственной смерти?

– Вовсе нет, – торжественно провозгласил Пасека, – эта благородная душа и дальше будет жить, мужественно преодолевая искушения похоти! И пусть даже я позволил, чтобы ее девственное тело пострадало от огня инквизиции, или определил ему разложиться в извести в подвале из главы ХХI, ее мужественный дух будет жить и в грядущем, и останется навеки в мыслях всех читателей того беспримерного романа, наряду с добросовестным комиссаром с перерезанным горлом и любителем искусства, графом Портмоном...

– Извините, что перебиваю Вас, Мастер, – прервала его речь Коцоуркова, – что Вы, однако, намереваетесь делать с предпоследним листом, на котором Вы напечатали по ошибке гравюру с изображением Портмона, глядящего на свой новый замок, дважды?

Пасека жутко расхохотался, после чего ответил:

– На этом примере Вы лично убедитесь, как сам ад помогает мне в моих невзгодах и как каждая неудача, в конце концов, оборачивается в мою пользу. Я действительно позабыл про эту гравюру при наборе и по ошибке напечатал ее во второй раз, однако ничего дурного от этого не произошло. Совершенно наоборот. Первое изображение я оставляю таким, какое оно есть, а ко второму пририсую акварелью языки пламени, вырывающиеся из замка. В одной из следующих глав я позабочусь о том, чтобы замок этого самого Портмона был сожжен, иезуитами или же

масонами; пока я еще не решил, кем из них. А то, что граф стоит и на первом, и на втором изображении на одном и том же месте и выглядит совершенно одинаково, ничего не значит, кроме того, что это свидетельствует о степени его самообладания и хладнокровия (в надлежащей главе эти его качества будут специально отмечены в отдельной фразе), а в Литомышле этому только обрадуются. Да и в Брно тоже, знаете ведь, что там каждой гравюры ожидают, как черт грешную душу. А из-за этой моей рассеянности у них будет на одну гравюру больше. Прах побери, они опять будут ругаться, что у них не сходится где-то нумерация страниц. Правописание, ошибки, к дьяволу, это их добьет окончательно! А если вспомнить, что в “Блафофиле” это объявили научно-литературным исследованием, а теперь получают такое чтиво, так можно помереть со смеху!

– Вы, впрочем, никогда не получали заказов больше, чем на 5 экземпляров, потому что всюду Вас знают, кто Вы такой есть, и что Вы всех только дурачите, – заметила девица Коцоуркова.

– Да пусть они все поцелуют меня в одно место, ничтожества, – отвечал Пасека, – вам-то хорошо известно, что мне на народ на...ть, послушайте-ка лучше, Коцоур, если Вы сегодня готовите, мы бы с Тарзаном пришли к Вам на обед.

Этот Пасека думал только о том, как бы набить брюхо.

И девицу Коцоуркову весьма расстроило то, что она услышала, как Пасека опять начал говорить о еде, а не о любви.

Более всего ее печалило, когда этот негодяй начал в ее присутствии вслух мечтать об оленьей грудке со шпиком, не обращая никакого внимания на ее собственную, или, например, о ножках – вернее, холодце из телячьих ножек.

Кроме того, Пасека был неблагодарен до срамоты, поскольку собирался жениться на некоей денежной вдове.

Потому девица Коцоуркова должна была наступать на него прямо в лоб, чтобы знать, не начнет ли он после этого выражаться все же чуть любезнее.

Так что она спросила у Пасеки, каких объемов, по его расчетам, достигнет наконец его “Кровавый роман”.

Пасека молча бережно выровнял все набранные и напечатанные им главы и торжественно заявил после долгого молчания, что, если добиваться цели создать грандиозное произведение, для его завершения необходимо еще 3700 страниц, дабы судьбы всех лиц, в нем выступающих, могли быть описаны правдиво и с надлежащими подробностями.

– Для этого еще необходимо добыть каких-нибудь две тысячи листов бумаги, не правда ли? – произнесла девица Коцоуркова, влюбленно глядя на Пасеку, и добавила: – Мне очень интересно, где Вы найдете на эту бумагу деньги, поскольку я вам уже не дам ни гроша ломаного, имейте это в виду!

Произнеся эти слова, она холодно поднялась и ушла.

Жалобно завыл вслед уходящей девице пес Тарзан.

Он так надеялся, что она девичья возьмет его с собой на обед, и при сих сладостных мыслях у него с морды уже заранее капали слюны, из которых на полу образовывались маленькие озера.

И Пасека был заметно взволнован, смотря в сторону дверей, вытаращив глаза.

В этих дверях только что исчезла его единственная надежда как-нибудь растянуть свой роман на тысячу глав, поскольку сейчас у него оставалось бумаги только на два печатных листа.

Он стоял, подобно Геркулесу на перепутье, размышляя, кого ему проглотить – девицу ли Коцуркову и с нею капитал на роман тяжестью в двадцать фунтов, или же свою вдовческую свободу с произведением весьма сокращенным, поскольку он не имел никакой надежды на то, что на недостающую бумагу ему кто-нибудь мог бы одолжить денег.

Пасека, однако, очень скоро принял решение в этой безрадостной ситуации.

Он решил завершить роман как можно более кратко на той бумаге, которая у него оставалась.

Не так, в конце концов, важно, покинут ли какие-нибудь герои его интереснейшего романа сей мир раньше или позже, как и то, не покинут ли они читателя, с которыми тот на страницах романа уже больше не встретится.

Однако он не мог уже более колебаться и должен был начать развязку своих переплетенных и запутанных глав, если хотел хоть как-то завершить работу над своей абракадаброй.

Две главы в одной.

Мы покинули старого Калину, Рольфа и с ними жандарма в пещере фальшивомонетчиков.

Вдоволь наевшись и напившись вкуснейшего пива, капавшего со сталактитов, они расположили свои усталые тела на лавках и тут же уснули.

Когда впоследствии они, отдохнув и во сне набравшись сил, принялись за поиски графа Райзенштайна, тот давно уже был схвачен и брошен в темницу инквизиции.

Не в силах его отыскать, они отправились в обратный путь в Барселону.

Все были убеждены в том, что граф где-то истек кровью из своей раны и залез в кусты, чтобы там спокойно отдать богу душу.

Они хотели послать людей из Барселоны на поиски тела комиссара полиции, чтобы можно было его с почестями похоронить.

Придя в Барселону, они стали свидетелями массового возбуждения, охватившего город из-за того, что был пойман оборотень, а в воздухе замечен сатана.

Они тут же рассудили, что этот оборотень и есть то самое чудовище, которое им явилось у входа в пещеру фальшивомонетчиков.

Даже во сне, впрочем, не могли они себе представить, что пойманным оборотнем стал сам граф Райзенштайнский.

В особенности жандарм, который любил графа как своего образцового начальника и почитал как

отца, не сомневался в том, что пойманный оборотень и есть чудище, которое они преследовали и которое где-нибудь загрызло несчастного комиссара полиции.

Вскоре после этого все разошлись, поскольку Рольф и жандарм спешили каждый за своими служебными обязанностями, а лесник Калина воспользовался железной дорогой для путешествия обратно к себе на родину.

Он спешил в родные края, дабы там достойно похоронить покойную Марию, а с ней и ее любимого.

Уже когда он оказался в поезде, его внимание привлек разговор, который попутчики вели о каком-то ужасном замке.

Калина, слушая этот разговор, к своему великому изумлению осознал, что речь идет о его родном крае, замке Райзенштайнском.

Из дальнейших рассказов попутчиков он понял, что в том замке его родной дядя вельможный господин Райзенштайнский недавно умер, не оставив наследников, что замок сей ныне необитаем и что умерший граф в нем является в полуночные часы и нагоняет страх.

Калину это известие удивило и весьма обрадовало, поскольку в результате смерти своего дядюшки, если был мертв и комиссар полиции, он становился единственным наследником всего состояния Райзенштайнов.

Однако ранее, чем он вступит в права наследства, необходимо убедиться, какова доля правды в рассказах о привидении, якобы бесчинствующем в замке.

Потому он спросил у попутчиков, где находится замок, и, услышав, что ближайшая дорога к нему ведет от следующей станции, решил, что на ней сойдет с поезда и отправится посмотреть на замок.

Общество в вагоне отговаривало его от такого небезопасного предприятия, утверждая, что с духами шутить не стоит.

Против этого мнения возражали два господина, судя по их внешнему виду иностранцы, которые бесстрашно провозгласили, что отправятся поглядеть на замок вместе со своим попутчиком.

Венгерский винный погреб.

Перенесемся опять в старославную красавицу, город Л.

Все там давно уже уснуло сном праведников, поскольку пробила полночь.

Недовольно глядит старый музыкант в княжеский сад и хмуро переминается с ноги на ногу на каменном постаменте, который ему, очевидно, совершенно не по душе.

Более всего его терзает сознание того, что на этом несчастном куске камня ему придется стоять очень долго, раз водрузили его здесь совсем лишь недавно.

Только лишь вид звездного неба несколько его подбадривает и примиряет с судьбой, поскольку помогает понять, что и время жизни памятников, даже самых старых, – дерьмо по сравнению с вечностью.

Стоящий неподалеку от скульптуры юноша с львиной гривой также внимательно смотрит на звезды.

Однако не кажется, чтобы он предавался тем же размышлениям, что и статуя, поскольку он достает из кармана циркуль и меряет им звезды, рассыпанные по небу.

После чего вскорости что-то записывает на куске картона.

Этот юноша – профессор и член Академии художеств по имени Гранул.

Он однако ничего не рисовал в форме гранул, дабы не покрыть стыдом свое имя.

Уже долгое время он усердно работает, поскольку готовится к выставке своих картин.

Только что мы видели, как он опять набросал на картоне детальный эскиз к какой-то большой картине, дабы сия картина была надлежащим образом продумана и проработана.

Выставку своих работ Гранул хотел устроить или в пражском Рудольфинуме, или же в Л. в Портмонеуме, если последний к этому времени будет еще открыт.

Ему необходимо было иметь уверенность в последнем, а для того, чтобы ее получить, ему необходимо было еще сегодня зайти к вольным каменщикам.

Комната, где собирались масоны, была в представительском доме, неподалеку от жилища палача.

Собрав свои инструменты для рисования, Гранул направился кратчайшим путем к Ланам.

Приятный ветерок, дувший с Тошовского сыроваренного завода, трепал ему волосы.

Он уже перешел через пустынную площадь, на конце которой тщетно ожидали жандармы в надежде, что им удастся-таки наложить на кого-нибудь штраф за нарушение порядка.

Все уже давно спали, и ночные сторожа, и граф Портмон, который каждую ночь инспектировал местную почту на предмет наличия воров.

Гранул уже дошел до Лан, где в одном из домов до сих пор мерцал тусклый печальный свет.

Этот дом был весьма подозрительным, и Гранул засомневался, стоит ли ему идти в подобный притон.

Однако вскоре он преодолел свою нерешительность, поскольку имел при себе заряженный десятью патронами револьвер Кольта, из которого ему уже не

раз приходилось стрелять во время своих любовных авантур в Б.

И его поэтический дух изнутри подбадривал его, ибо ему представлялось, что он слышит, как в том винном погребке играют зажигательный чардаш.

Так что он с масонским паролем “Mauctaservus” бесстрашно вошел в притон.

Музыки там, впрочем, никакой не было, и никакие зажигательные цыганки не плясали, выпив зажигательного вина, зажигательный чардаш, однако же там сидели двое городских советников и медленно пили пиво пакомерджицкого производства.

С интервалом в пять минут то один, то другой начинал клевать носом, но вновь пробуждался, как только чувствовал, что собутыльник собирается его втихую покинуть и приударить за хозяйкой.

Эта борьба за женщину продолжалась иногда и по две недели подряд, днем и ночью, пока наконец один из ее участников, будучи превозможен столь длительным бдением, не падал без сил на землю.

Эти аморальные, так называемые “изматывающие” дуэли, принесли в сей винный погреб как раз масоны.

Сейчас мы видим, как они заседают здесь все вместе, поскольку у них происходит важная встреча.

Цель этой встречи – обсудить вопрос о том, как охранить благородного Портмона от иезуитов.

Дело в том, что иезуитам удалось добиться, чтобы графский дворец украсил оный адский мастер из Вршовиц, а вовсе не уроженец здешних мест, профессор Гранул, хотя его рисунки были бы не только дешевле, но и решительно здоровее.

Председательствует на сем собрании аббат Шныт, о котором читатель помнит, что тот должен был принести из сенбернарского монастыря головку сыра отцу Янусу, однако этого не сделал и сыр разрезал.

Как нам известно, в сыр было упрятано что-то твердое.

Это была картина в металлической раме.

Сию картину написал знаменитый Фрагонард в XX столетии, изображала же она жизнь в Заградье в эпоху плиоцена.

Среди различных мастодонтов и ихтиозавров на ней присутствовал и предок человека, выставляющий на спине у одного из плезиозавров коллекцию экслибрисов.

Эту картину заказали в Риме иезуиты, желая на основании одного нарисованного сюжета показать графу Портмону родоначальника его фамильного древа.

Дабы он совершенно попался в их сети, они хотели помочь ему, как прямому потомку старейшего собирателя экслибрисов в Л., в деле получения королевской короны.

Только счастливой находкой сей картины аббатом Шнытом козни иезуитов были разоблачены, так что власть, возвратившаяся было в руки народа, осталась в них и далее.

Все присутствующие масоны горячо обсуждают сии события и пьют при этом за здоровье экс-аббата.

Тот провозгласил:

– Теперь, дорогие братья по масонству, зависит только от нас, вырвем ли мы нашего благородного

друга Портмона из рук наших злейших и наипаснейших врагов, иезуитов. Вы убедились в том, какого успеха достигли их капканы, и как адскими картинами во дворце у графа Портмона роют ему иезуиты безвременную могилу. Мы видим, как сей благородный граф из рода Портмонов проводит все свое время среди этих негодяев на стенах, и как он уже позабыл обо всем на свете и не приходит даже на Склипек. Мы, конечно, уже предприняли многое, чтобы предупредить это несчастье, которое грозит душевному состоянию графа, мы даже попытались подкупить Мастера из Вршовиц, чтобы он нарисовал для графа более веселые картины, однако не достигли успеха, потому что и он – замаскированный иезуит. Так что нам ничего не остается, кроме как и далее храбро бороться с этими негодьями и впоследствии одержать над ними верх. И мы тоже, чтобы ввести в заблуждение своих врагов, должны скрывать, что мы вольные каменщики, так что предлагаю, чтобы мы в дальнейшем использовали герб пекарей, которые тоже пекут только по ночам!

Исповедь проститутки.

Когда Фрагонард дочитал Кларке до конца “Магдалену” Махара, на ней не оставалось ни одного сухого места, так что Фрагонарду пришлось вытирать всю книгу.

Всеми силами сдерживая рыдания, Кларка спросила Фрагонарда, не хотел бы он произнести перед нею маленькую клятву.

Когда он согласился, она сказала:

– Поклянись, что и ты освободишь меня из борделя!

Фрагонард, не раздумывая, охотно поклялся.

– Отлично, – промолвила Кларка, – теперь я могу тебе во всем признаться и исповедоваться в грехах моей молодости. Не знаю, кто мои родители, и, по правде говоря, особенно их и не пытаюсь разыскать. Я была воспитана у одного деда и бабушки, которые жили строго по морали. Двери нашего дома были открыты только для добродетели. Потому дедушка впоследствии стал функционером в каком-то потребительском кооперативе и секретарем в одной из партий, хотя не умел даже писать и работал на стройке черно-рабочим. Однажды в этой своей организации он нашел какого-то халтурщика, чтобы тот заштукатурил стену одного сада и наверху прилепил битое стекло, чтобы через стену не лазили ребята. Дедушка был очень добросовестным человеком и сразу же сказал, что необходимо не просто использовать обычное стекло, а поместить на эту стену по крайней мере аметисты или другие полудрагоценные камни. – “Забеги к

пану Рехнеру, – сказал он мне, – и купи на два шестигривенных побольше алмазов, так чтобы наполнили тебе фартук! Только скажи ему, пусть дает такие, которые побольше, скажи, что они пойдут на стену!” – и я отправилась. Пан Рехнер приветливо мне улыбнулся, когда увидел перед собой чисто, хотя и бедно одетую девушку, и с верхом наполнил мой фартук. Придя домой, я высыпала всю эту кучу, дедушка на нее посмотрел и говорит: “Ну вот, так я и думал, что этот ювелир захочет испытать нашу честность, и действительно, он к полудрагоценным камням, будто бы по ошибке, подкинул бриллиант, самый настоящий, с кулак величиной. Мамаша, девочки, приготовьте мешки, пойдём сейчас и отвезем ему обратно этот чужой бриллиант!” – после чего взял у соседа повозку с двумя лошадьми, положил бриллиант к себе в карман, и мы отправились отвозить чужой бриллиант. Пан Рехнер, который, желая испытать нашу честность, нарочно подбросил этот бриллиант в полудрагоценные камни, уже ждал нас в дверях своей лавки, поскольку ничуть не сомневался в том, что мы люди честные и бриллиант ему вернем. В вознаграждение за нашу честность он наполнил наши мешки, как и телегу, которую дедушка, заранее предвидя богатую плату в награду за честность, взял с собою, драгоценностями и золотыми часами...

– Кажется мне, лапочка, – прервал ее рассказ Фрагонард, – что ты все же пытаешься своей историей немного обмануть меня, правда?

– Будь спокоен, дорогой Фрагонард, – радостно произнесла проститутка, – вскоре из дальнейшего рассказа ты узнаешь, много ли правды рассказала

девушка с мистической склонностью к целомудрию! Не сомневайся, прошу тебя, пока что, в правдивости моих слов! Клянусь тебе, что до завтрашнего дня многое из моего рассказа уляжется у тебя в голове, и что-нибудь станет тебе понятным больше, чем сегодня.

Когда Фрагонард после этого пообещал ей, что более не будет ее перебивать, она рассказывала дальше:

– Дела у нас после этой щедрой награды шли хорошо до тех пор, пока дедушка не вспомнил, что я уже достаточно большая, и мне нужно отправляться куда-нибудь служить. Дедушка хорошо знал, какие опасности на свете подстерегают и грозят невинности юных и неопытных девушек, и потому со всей предосторожностью выбирал мой будущий род занятий. Он выбрал такой, при котором с моей добродетелью ничего дурного не могло произойти, в соответствии с пословицей: темней всего под канделябром. Потому он направил меня учиться ночной официанткой в одну пивную, работавшую по ночам, будучи убежденным, что там моя честь никак не пострадает.

Эта пивная на самом деле была публичным домом, и ее посещали всякие похотливцы и похабники.

Одним из завсегдатаев был некий землемер.

Это был уже мужчина в годах, с очень холодным телом, с потными руками; и с головой у него не все было в порядке.

Он постоянно рассказывал нам, что табак нюхать лучше всего из бутылочки, а диапазон американской вонючки, иначе скунса, достигает шестидесяти метров.

Он нам советовал, чтобы мы прежде всего удерживали в чистоте свои животы, как завещали нам еще

древние славяне, которые пасли скот у Забеглиц, и говорил, что и Гекла в Исландии – старославянского происхождения.

Он часто убеждал меня стать его женой, говоря, что он не будет требовать от меня верности, если я хотя бы иногда буду согревать его холодное и влажное тело.

Позже этот человек женился на женщине-мяснике и на каждое крещение гадает на расплавленном свинце.

Еще к нам приходил некий Мебелрайер и рассказывал, что мы должны вернуться туда, откуда пришли, и что материнское лоно всегда остается для нас открытым и долгожданным.

Этот кровосмеситель истово возмущался

нашими круглыми чертами лица, говоря, что муки распятия и твердость аскетической жизни, смерть мучеников и строгую язвительность нашей общей матери нельзя изобразить точнее, чем это возможно в манере кубизма.

Этот человек был постоянно грустен, поскольку его речи никто не слушал, обращая свое внимание более на рассказы одного доктора, который уже множество лет жил в интимной связи с суккубом.

Врачи к нам вообще приходили довольно часто и во множестве, в доказательство того, что докторский диплом – плохая защита от развратности.

Помимо широко известного эксгибициониста доктора Мышанека, который публично надевал костюм Адама, как только видел какого-нибудь издателя, к нам ходил и д-р Чуменда, прославившийся своей склонностью к некрофилии.

Только эти двое при каждой возможности стремились меня соблазнить, и любое прикосновение к моему телу доставляло им неслыханное наслаждение.

Думаю, что только они, и еще один старый хрыч, по имени Кромфундл, единственные из всех, хотели возлечь со мной.

Клянусь тебе, о Фрагонард, что я не отдалась никому из них и совершенно на них не обращала внимания, из-за их разнообразных светских похотливых желаний, а кроме того, никто из них не был столь симпатичен, как ты, дорогой мой дурачок, который так серьезно ко мне относишься.

Ты мне можешь доверять совершенно, поскольку я сверх меры чувственная девушка и вовсе не шлюха, не

какая-нибудь проститутка, вроде нашей Софии, которой никто не нравился, и всех своих мужиков она только сравнивала и критиковала, не находя ни в ком ничего хорошего и в конце концов говоря: что ни мужик, то сволочь.

Благодари Бога, дорогой Фрагонард, что ты не встречался здесь у нас с какой-нибудь другой проституткой, например со Спириткой; она бы тебя обернула вокруг стола, а сама бы сплясала над ним ча-ча-ча или вогнала бы тебя в писчую судорогу, или ты унаследовал бы от нее свойство не закрывать рта и в самом тихом обществе.

Впрочем, тут есть и другие, гораздо худшие и развратнейшие проститутки, с которыми мне приходилось общаться в месте своей работы и с которыми, молю об этом небеса, дорогой Фрагонард, тебе никогда не следовало бы знакомиться и тем более встречаться.

Никто из них не стоит и ломаного гроша, все равно кто – Фаринка, Мефодка или дурнопрославленная старуха Романка: как только ты прикоснешься к этой старой карге, лишишься остатков разума.

Их тактика все время одинакова: сперва они принудят тебя пить только ту настойку, которую сами тебе нальют, позже им уже станет все равно, что ты будешь пить, если только ты у них останешься, и они будут думать про себя: “Sauf’st, stirb’st, sauf”st net, stirb’st auch”¹.

---

1 Если ты пьешь, то умрешь, если не пьешь - все равно умрешь (нем.)

**Глава XXXXVI.
Сокровища на Гонолулу.**

Вернемся опять на необитаемый остров.

Иногда нам кажется, будто с этого острова слышится грохот или стрельба.

Грозой это быть не может, поскольку ясно светит месяц.

При его свете отец Игнатий признается Кубовой в любви.

Причиной грохота являются, с одной стороны, извержения вулканов, с другой, – падение бананов на землю.

Дафния и Хлис весьма рассердились на вылезшую из моря женщину, поскольку она не только не

принесла с собой какой-нибудь зажигательный напиток, но и сама воспользовалась остатками, бывшими в бутылке иезуита.

Потому они на нее уже не обращали внимания.

Между тем отец Игнатий прилагал все возможные усилия и пользовался всем своим красноречием, чтобы добиться от мнимой княжеской дочери благорасположения и любви.

Ему это замечательно удавалось, поскольку лже-Марию сей иезуит понравился, и она не возражала против того, чтобы поразвлекаться с таким молодцом.

Ей, однако, нужно было ловко играть перед доном Фернандо комедию, чтобы он и дальше верил, будто она действительно княжеская дочь.

Потому она весьма измучилась оттого, что не хотела сразу же ему отдаться, но при этом уже сугубо его желала и предвкушала.

– Поверьте, сударь, – говорила она, обращаясь к иезуиту, – что я с радостью подарила бы вам свою невинность, если бы только не опасалась, что меня, приличную девушку, здесь не используют, а потом не оставят наедине с позором. Говорю вам, не желаю я киснуть на этом дурацком острове и не начну с вами никаких отношений, пока не раздобудете хоть какую-нибудь дурацкую посудину, которая увезет нас из этой тмутаракани. Вы же понимаете, что я из приличной семьи и привыкла к жизни иного класса...

Произнося эти слова, она влюбленно стреляла глазами и не спускала их с одного лже-дворянина, который в присутствии лже-княжеской дочери находился от счастья на десятом небе.

К величайшему изумлению Кубовой он заявил, что сейчас уплывет отсюда и в ближайшем же порту готов будет взять ее в жены, как только она этого пожелает.

В подтверждение своих слов он тут же взял жену Кубы за руку и повел ее мимо скал к одному морскому заливу.

Там, бросив якорь на песчаном берегу, качались на морских волнах два огромных дубовых платяных шкафа.

– Вот наш корабль, – объявил отец Игнатий.

Кубова открыла в изумлении рот.

Она думала, что дон Фернандо просто шутит, однако он вполне серьезно пустился в объяснения.

Из его изложения Кубова поняла, почему один из платяных шкафов до сих пор зовется альмарой, а для обозначения другого употребляется слово шифоньер.

Эти названия родом из незапамятных времен, когда на каждом судне был какой-нибудь сундук или ящик, куда моряки складывали свою одежду.

Такой ящик, в случае если он проплыл по многим морям и ни в одном из них не потерпел вместе с кораблем крушение, получал название: Schiff-honneur (корабельная слава), в память о том, что он проплыл по всем морям (alle Mare) и все их повидал.

И на пиратском корабле имелись два таких ящика в виде шкафов – Schiff-honneur и Alle-Mare.

В этих шкафах содержался удивительный механизм, при помощи которого они могли передвигаться по морю в каком угодно направлении, куда захотят.

Этот механизм изобрел один обыкновенный матрос, который в благодарность за это четыре инкарнации спустя появился на свет знаменитым Эдисоном, в то время как в прошлой жизни благодаря своему изобретению угодил на костер.

Пираты украли эти шкафы с какого-то испанского корабля, однако не знали о том, что они управляемые, поскольку не могли понять, что это за колечки у них внутри.

Отец Игнатий, напротив, сразу же узнал эти альмары, как только попал на корсарское судно, поскольку ранее лично присутствовал на аутодафе одного изобретателя.

При помощи этих шкафов он и смог сначала уплыть с пиратского корабля и попасть теперь на сей необытаемый остров.

На своем пути по морю он встретил блуждающую бочку, в которой, как нам известно, в окружении засоленного мяса сидел капитан Родригес.

Вследствие сей соленой диеты и недостатка воды, Родригес уже готовился отдать богу душу.

В своем горячечном бреду он спел от начала до конца песнь о сокровищах, зарытых на острове Гонолулу, так что иезуит легко разузнал, где и на каком именно месте следует искать клад.

По пути он продумал целый план добычи клада, поскольку, судя по бреду капитана Родригеса, добыть сей клад было непросто.

С этой целью отец Игнатий еще на море без колебаний снял с Родригеса тяжелые, подбитые гвоздями ботинки со шпорами.

Он обул в эти ботинки по одной ноге каждого из островитян и посадил их в один из шкафов.

После чего сам залез с Кубовой во второй и, повернув ручки обеих шкафов, привел обе альмары в движение.

Шкафы плыли необычайно тихо и быстро вперед, почти как моторные лодки, так что спустя пять дней приятного плавания пристали на Гонолулу.

Там подтвердилась совершенная правдивость фантазий Родригеса, и вскоре было найдено место, где хранились сокровища.

На этом месте отец Игнатий остановился и прочно вбил в землю кол.

К этому колу он длинной веревкой привязал Хлиса и Дафнию, обутых в высокие корсарские ботинки.

После чего он принес из альмары бочонок со спиртом и большую спринцовку для клистира, при помощи которой он некогда крестил убежденных язычников.

Потом он отвел островитян, руки у которых были связаны, к концу веревки, длина которой составляла девять метров, и, положив им на спины кусочки вымоченной в спирте морской губки, поджег их.

Дафния и Хлис начали выть от боли, так сильно жег их огонь, и пустились бежать, не разбирая дороги.

Иезуит между тем подошел ко вбитому в землю колу и, набрав из бочонка спирт при помощи своей спринцовки для клистира, начал брызгать из нее на островитян.

Вследствие этого Дафния и Хлис разгорались все больше и больше, как только на них спирт попадал, и потому убежали как можно дальше, как только позволяла веревка.

Поскольку иезуит брызгал на них постоянно, то они бегали по кругу как бешеные, вырывая при этом глубокую борозду в земле своими коваными ботинками, обитыми острыми гвоздями.

В этом и состояла идея иезуита – чтобы эти несчастные вырыли ему ров, насколько возможно глубокий.

Потому-то он крестил их огнем.

Когда, наконец, бочонок опустел, отец Игнатий отметил, что ров уже достаточно глубок, и поспешил отвязать островитян и совершить над ними обряд последнего причастия.

Они и вправду находились вследствие полученных ожогов при последнем издыхании.

В то время как Игнатий обратился к духовной помощи островитянам, Кубова носила в опустевшей бочке из-под спирта воду и заполняла ей образовавшийся ров.

Когда ров наполнился водой, отец Игнатий помолился над ним, дабы сия вода стала святой.

После чего зажег кадило, вернулся к умирающим островитянам и начал намазывать их святым елеем.

Этот елей помогал им легче переносить боль, и потому они совершенно доверились иезуиту.

Он велел им, как только он поднимет вверх обе руки, во весь голос выкрикнуть два слова, от которых их боль должна была якобы совершенно отступить.

Он нашептал эти два слова им на ухо, и они начали шепотом повторять их друг другу.

После чего иезуит, отойдя от них, вышел и из круга, образованного ровом с освященной водой, и направился к недалекому холму, на котором Кубова уже читала “Богородице, Дево, радуйся”.

Отец Игнатий залез на этот холм и поднял обе руки.

Островитяне тут же начали выкрикивать два слова, однако результата, желаемого отцом Игнатием, не достигли, так что иезуит подбежал к ним еще раз.

Он предложил стонущим от боли несчастным принять святое причастие, если они хотят избавиться от ожогов.

Стонущие островитяне в надежде, что боль их покинет, с покорностью подчинялись всему, что проделывал с ними иезуит.

Он, ранее их не исповедавав, подал им Тело Господне, нарочно замышляя, чтобы они, так причастившись, совершили кощунство.

Вскоре мы увидим, чего хотел достичь своим святотатством сей безбожный слугитель Господа.

Он был способен, ради успеха своего плана по добыче клада, произвести над островитянами и таинство рукоположения в священники, если бы в этом была необходимость.

После того, как таинство окончилось, отец Игнатий, снова проникновенно убедив островитян, чтобы они, как только он поднимет обе руки, кричали те два слова как можно более громко и прочувствованно, отошел на близлежащий холм к молящейся Кубовой.

Островитяне внимательно следили за каждым его движением.

Вот он наконец рывком поднял руки.

Дафния и Хлис, что в них было сил, возопили:

– *Gutfrdumr, porkodijam!*

Результат этого заклинания был ужасен.

Было сразу видно, что с господом богом шутить не стоит.

Следует заметить: островитяне после кощунственного принятия святого причастия оказались

совершившими смертный грех, так что гнев божий не заставил себя долго ждать.

Раздался страшный грохот, у земли что-то сверкнуло, и Хлис с Дафнией навсегда исчезли в пекле.

Сразу же после того, как они произнесли ругательное заклинание, возле них объявился дьявол и утащил их сквозь землю в огонь вечный.

Никуда более с ними дьявол отправиться не мог, поскольку на земле его окружал ров со святой водой, а в воздухе был развеян дым кадила.

Так что ему пришлось провалиться с ними сквозь землю, оставив на ее поверхности огромную дыру.

О дыре на этом самом месте как раз и мечтал отец Игнатий, поскольку она вела точно к зарытым доном Педро Рудибанерой сокровищам.

Не имея с собой никаких взрывчатых веществ, отец Игнатий для устранения скалы, под которой был зарыт клад, должен был использовать пробивную силу адского духа, что ему без больших препятствий и удалось осуществить посредством своего хитроумно составленного плана.

Ему самому при появлении дьявола не могло стать ничего дурного, поскольку он читал “Богородице, Дево, радуйся”.

Как только вонь серы после посещения дьявола чуть рассеялась, Игнатий с Кубовой, перепрыгнув через ров со святой водой, направились прямо к яме, проделанной сатаной.

Воинственная суффражистка.

Как только д-р Ржимса перевел и прочел письмо из Барселоны, а члены психономического общества проголосовали за делегатов, которые должны были поехать на исследование оборотня, он сразу же ушел из кафе “Германия”.

Ему, впрочем, уже нечего было там делать, поскольку общество начало рассказывать самые бородатые анекдоты, запивая ужасным вином под названием Гробес.

Это французское вино, как свидетельствовало его название, действительно делалось из гробов и имело чудовищный вкус.

Присутствующие яростным пьянством пытались вернуть себе те чувства, которых им явно не доставало в присутствии доктора Ржимсы.

Вскоре после его ухода в притоне “Германия” начались самые натуральные оргии.

Духи членов психономического общества от употребления спирта, содержавшегося в оном вине, настолько материализовались, что могли тут же в транс производить кнедлики с начинкой из слив – как новейший вид спиритического искусства.

Очевидно, что присутствующие пошли по скользкому и неверному пути, предпочтя спиртные испарения и протоплазму медиумов огненному кусту виноградских мистиков.

Когда эти оргии с духами достигли своего апогея, в помещение вошла воплощенная богиня мщениия; ее очи жаждали воды.

Эта женщина, очевидно, была агенткой из армии спасения напивающихся до чертиков животных – из союза абстинентов.

Ее фигура была воинственной и бесстрашной, с великолепно развитой мускулатурой, при помощи которой она была способна вышвыривать пьяниц из самых людных пивных и заводить там великолепный новый порядок с обязательным распитием лимонада.

Потому и имя ее было: Элишка Великолепная, и она стала секретарем доктора Ржимсы.

Придя в укывище алкоголиков, она, будто ястреб, зорким взором высматривала свою жертву, и, подобно львице, мощной лапой выхватывала ее.

Вот уже не менее двадцати лет она терпеливо охотилась на Мастера психономического общества, до сих пор не будучи в состоянии застичь его надлежащим образом пьяного.

Будто дух, вкралась она нынче в кафе “Германия” и положила ближайшему к ней посетителю руку на плечо.

Этим посетителем был советник Егер, который был совершенно убежден, что руку на плечо ему положил его всеведущий дух.

Потому он не тронулся с места, чтобы никак его не спугнуть.

Великолепная Элишка, видя, что перед гостями стоят доказательства алкоголизма, одним движением руки опрокинула все на пол, так что спиртные напитки разлились по нему и покрыли его по щиколотки.

Все присутствующие психономы были столь испуганы вторжением сей бабы-абстинентки, что из них нельзя было сейчас добыть и капли крови – так они побледнели.

В первый момент они думали, что какой-нибудь материализовавшийся в ходе сеанса дух освободился и явился громить “Германию”, или же что всех их вдруг охватил приступ белой горячки.

Из ошибочного заблуждения они немедленно были выведены пламенной речью яростной суфразистки-абстинентки, проникшей им прямо в души.

Речь эта была наполнена убедительными и устрашающими образами, так что все присутствующие инстинктивно почувствовали, что находятся в каморках лечебниц для умалишенных, в операционных залах и на столах моргов.

Было очевидно, что устами сей апостолши отрезвления вещал сам, если не дух святой, то хотя бы доктор Ржимса.

– Вам не достаточно того, о несчастные, – завершала свою речь Великолепная Элишка, – что, тревожа души умерших, вы упорствуете в нелепых заблуждениях духа, и даже окружаете храм собственной души безумием – при недостатке духов астральных духом спиртного. – Исправьтесь, пока есть время! Насилие – это не программа, и все же вы должны насилием превозмочь того духа, что вас устрашает, *similis simile*¹, боритесь с легендой легендою, так победите! Да здравствует сухой закон, и долой пьянство, о духоотравители!

---

¹ Подобное подобным (лат.)

Произнеся эти слова и положив на стол несколько номеров Армии Спасения, она вышла гордым шагом из сей отравленной спиритусом комнаты, предоставив членов психонимического общества, потрясенных ее речью, их дальнейшим интересным судьбам, о которых, однако, из этого романа мы уже более не услышим.

По пятам за ней выбежал из “Германии” безумный Мастер и, упав пред ней на колени, начал объясняться в любви.

С брезгливостью отвернулась от него Элишка, полагая, что он не в себе.

Мастер вытащил из кармана портрет самого себя, каким он был в одной из реинкарнаций в XVII веке, и при помощи своей магической способности заставил Элишку вспомнить о любовной связи, в которой они тогда друг с другом состояли.

Вследствие этого воспоминания взволнованная абстинентка с радостью помогла Мастеру добраться до Вршовиц.

Узник замка Бездез.

– Чорта лысого, опять они глазеют из окна, ага, молодой человек?

С этими словами тощий рыжий парень подошел к интеллигентному юноше, который, ничего не делая, смотрел в окно.

– Они пялятся, как бы отсюда рвануть когти, ага, – продолжал рыжий, сообразно его внешности бывший, очевидно, тюремщиком, обращаться к задумавшемуся юноше, в котором мы к глубочайшему своему изумлению узнаем графа Портмона из Л.

Сей благородный граф был брошен иезуитами в тюрьму в этом замке, поскольку тронулся рассудком.

Рассудок его, должно быть помешался от горя, доставленного пожаром его замка, изображенного вршовицким мастером.

Замок его подпалили масоны, дабы он не тронулся рассудком от ужасных картин оного адского мастера.

В возмещение ущерба от пожара замка масоны выстроили графу великолепнейший новый замок, во всех стилях мировой архитектуры с преобладанием зодчества жижковско-халдейского, соединенного с Янаком и Гочаром.

Внутри этого замечательного здания были развешаны по стенам роскошные пейзажи кисти профессора Гранула.

К каждому из них была для зрителей, не могущих оторвать взора от замечательной картины,

приложена дюжина трубочек, дабы они, желая наблюдать надлежащий пленэрный эффект, не напрягли себя сжатием ладоней.

Эти трубочки подарил графу Портмону сам городской голова Л.

Также и обстановка в графском замке была замечательно роскошная и удобная, не такая угловатая, как прежняя, работы вршовицкого мастера, в которой граф или его Чипера порой не могли найти себе дорогу.

И в графском салоне, так, как мы его видим на картинке, находились десятичные весы, на которых граф каждый день взвешивал своего песика.

Богатая библиотека хранила в драгоценных переплетах исключительно поучительные и просветительские труды, такие как буквари Обратила, каталоги немецких книготорговцев или собрания сочинений Радла и Ф.В.Крейчи.

Граф Портмон, однако, предпочитал книгам немецких коммунистов поэзию Поспишила и Долежала, публикуемую в католической вечерней газете.

Как мы видим на странице 179-й нашего увлекательного и интереснейшего романа, граф критическим взором осматривает свой новый замок.

Судя по его нахмуренному виду, кажется, что он не вполне удовлетворен его видом извне, поскольку ему представляется, что на стенах слишком много пустых мест, которые не мешало бы разукрасить кистью мастера из Вршовиц.

Вследствие этих наблюдений граф ходил совершенно подавленный и однажды поджег свой новый великолепный замок, использовав для поджигания патриотический жар, содержащийся в книгах Ирасека.

Замок сгорел как сноп, однако граф при этом не проронил ни слезинки.

Как и годом ранее, когда он равнодушно осматривал новопостроенный замок, так и при его пожаре он остался совершенно спокойным, о чем свидетельствует нам изображение на стр. 195.

Масоны были весьма разгневаны тем, что сделал Портмон, и, вероятно, линчевали бы графа, если бы иезуиты вовремя не отвезли его на Бездез.

В особенности профессор Гранул был сжигаем мыслью, что сгорели его замечательные пейзажи, и что он не мог уже сотворить новых, поскольку в целом Л. теперь невозможно было найти ни куска картону.

Так что ныне граф находился в заточении в замке Бездез, причем тюремщиком его служил некий Герман.

Сегодня мы как раз видим, как этот тюремщик стоит рядом с графом, держа в руке какую-то клетку.

В этой клетке бьется о прутья птица.

Подвал, полный ужаса.

Мастер, с напряжением сил освободившись от объятий сей ужасной абстинентки, спешил кратчайшим путем к своему дому, твердо решившись лишиться негодяя Пасеку жизни еще этой ночью.

Его взволнованное душевное состояние напоминало настроения первых французских импрессионистов, возвращавшихся из Лувра в свои мансарды, с похмельем от вчерашнего употребления алкоголя в затылке, с сознанием собственного бессилия и недостатка усидчивости, необходимой для добросовестной работы, требующей ясности мысли, и убеждающих себя в необходимости создать для охмурения самих себя и зрителей великолепное и могучее ничто.

Открыв тяжелым ключом двери одного из ужасных домов, в котором он ныне обитал, Мастер зажег электрическую лампочку и отважным шагом направился вниз по лестнице в подвал.

Слева в коридоре сквозь щели в двери просачивался свет, как доказательство того, что Пасека еще не лег спать и занят работой.

Уже у дверей собственной квартиры Мастер обратил внимание на явный и ужасный запах крови, проникающий из квартиры Пасеки.

В тот же миг он почувствовал, как кто-то неприятно сдавил его горло, и ощутил, будто некто облизал его лоб и лицо.

Мастер не обратил особого внимания на это таинственное явление, свидетельствовавшее о присутствии

оборотня или иного дьявольского субъекта, – поскольку сам был с чудовищами, как говорится, одной крови.

Твердой рукой открыл он дверь квартиры, на которой с фарфоровой таблички к посетителям обращалась надпись, гласящая, что здесь живет Йозеф Вахал, график.

Войдя в узкую прихожую, заваленную различным хламом, смертным ложем и опорами языческих полатей, с черепом собаки на стене, он тут же был окружен двумя дюжинами домовят и пенат, которых всегда хватает вдоволь в домах безбожников.

Столкнув с плеча одного слишком назойливого дьяволенка и счастливо выбравшись из объятий духов, обволакивающих его, будто пар из старой ванны в углу, он открыл двери в кухню, в которой находился знаменитый книгопечатный пресс, при помощи которого к немалому ужасу “Учебных записок” и иных набожных католиков сам Дьявол печатал прославленные Вахаловские издания.

Сейчас в этом прессе находились гранки и гравюры по дереву чудовищного кровавого романа Пасеки, который сей охмуритель чешского народа печатал днем и ночью, будто одержимый.

Помещение, в котором находилась этот наинесчастнейший печатный станок на континенте, наполненное удушливым табачным дымом и плесенью стародавних томов, повествующих о чудовищах и дьяволе, была украшена страшными картинками или же изречениями, как то:

Кто обманулся в правде, да ищет ложь.

Heraus mit dem Narren wenn er wahr ist,

Hinab mit dem Trunk wenn er klar ist.

Кто не ленится, тот лен не растит.

Светом можно быть во тьме,

нельзя тьмою в свете.

И множество иных абсурдных надписей.

На шкафу можно было увидеть чучела собаки и кошки, из которых, безусловно, Пасека добывал свои магические флюиды.

Посреди разнообразных астральных картин, уже приготовленных к дальнейшему набору, сидел за столом сам Пасека, известный нам из прошлых глав.

Он вопреки позднему ночному часу занимается тем, что рассматривает уже отпечатанные страницы своего кровавого романа.

Он весь буквально дергается от радости, как только его взгляд натолкнется на какую-нибудь грубую грамматическую ошибку или стилистическую нелепицу.

Мы уже знакомы с точкой зрения Пасеки на чешскую нацию и простой народ, потому никак не удивляемся решению этого упрямяца начать писать правильным и чистым чешским языком только тогда, когда его труды станут в народе более популярными, ибо при малом числе подписчиков на его издания работа над этим и тщательная забота о чистоте языка не окупаются.

Пасека просматривает до сих пор отпечатанные листы и выискивает, кого бы еще из своих друзей и недругов включить в роман.

Он очень зол и досадует на девицу Коцоуркову за то, что она не предоставила ему кредита на покупку

новой партии бумаги, чтобы он и далее мог продолжать создание своего увлекательного романа.

Теперь, когда ему оставался один-единственный чистый лист, невозможно было даже думать о дальнейшем продолжении описания судеб психономов и иезуитов, графа Портмона и комиссара-оборотня.

И все же самые захватывающие эпизоды из дальнейших приключений изображаемых лиц были разбросаны вокруг Пасеки в астрале, ожидая лишь, когда они будут набраны и напечатаны.

Поздно спохватился Пасека и теперь горько жалел, что потратил столько бумаги на глупейшее предисловие, историю и список кровавых романов в начале этой книге.

Хотя он и совершил это с умыслом очевидно мошенническим, – с целью ввести публику в заблуждение и посмотреть, не попадет ли кто на удочку “трактата по культурной и литературной истории”, все же не было необходимости в том, чтобы использовать столько страниц на оправдание кровавых романов, если учесть, что два месяца спустя после завершения Пасекой работы на роман для народного чтения гораздо лучше и успешнее обратил внимание К. Чапек в “Пршитомности” посредством статьи “Последний Эпос”.

И в качестве пародии роман Пасеки не имел никакой ценности, особенно если сравнить его с сатирой Невшимала на 70-е годы, опубликованной то ли в 1-м, то ли в 3-м томе “Палечка”.

Так что Пасека печатал свой роман, очевидно, по той лишь причине, чтобы в чем-нибудь порыться – в

отсутствие дерева ему приходилось набрасываться на хороших людей.

Мастер был крайне недоволен его работой.

– Негодяй! – заорал страшным голосом Мастер на Пасеку, – что ты наделал, замарав своим похабным романом честь благовоспитанного и состоятельного общества, к которому я принадлежу! Ни капля алкоголя более не просочится в уста любого из там присутствующих! Своим описанием отдельных членов ты сделал мое присутствие там невозможным, и жестоким для меня окажется диагноз доктора Ржимсы, если когда-нибудь я окажусь в его санатории.

Своей тягучей болтовней ты лишил меня распоследнего нимба мага, который висел надо мной, и уничтожил всю мою славу серьезного оккультиста, которой я давно уже пользуюсь в среде спиритистов. Ох, Пасека, ты не понимаешь, как варварски ты разорил мою пасеку, на которой трудился я для народа!

Произнеся эти слова, Мастер рухнул в одно из кресел и горько зарыдал.

Жадные саливантии, они же дэви, с благодарностью слизывали слезы, обильно льющиеся из глаз Мастера.

Ментальная равнина вокруг была окрашена в темные цвета, как обычно и бывает при подобном возбуждении мысли, в точном соответствии с правилами теософии.

На астральном уровне к месту скорби сбегались злорадные духи, таких, которых невозможно было вынести ни в одном нормальном сеансе.

Среди разнообразных призраков, окруживших Мастера, был и черт, отправленный, без сомнений,

отцом Якубом и священником Сигизмундом Мастеру обратно, после того как они совершенно уверились в том, что он совершенно утратил веру в одного владыку подземного мира, и возжелали ему эту веру вернуть.

Неожиданно печальные цвета ауры начали рваться, и на поверхность проступила в судорогах киноварь гнева и злобы.

Быстро вскочивший со своего места Мастер в отчаянной ненависти снова набросился на спокойно чистившего трубку Пасеку со словами:

– Ты, убийца моего великолепного оккультистского будущего в нашей нации, не медли и готовься к смерти, ибо ты должен умереть!

– Скажи лучше, что кто-то из нас должен умереть, если уж ты так этого хочешь, да, в конце концов, и по той простой причине, чтобы хоть одно нормальное убийство увенчало этот кровавый роман, – прервал Мастера Пасека, выстукивая из трубки скопившуюся в ней влагу, благим следствием чего в тот же миг стало то, что рой лярв и демонов в ужасе разлетелся в разные стороны. – К тому же, – продолжал Пасека, – я умереть не могу, это всем понятно, потому что в мире еще не бывало, чтобы автор был убит в своем собственном романе и при этом его закончил. А то, что этот роман будет закончен и мною, слышишь, мною допечатан, гарантируюшь мне как раз ты, Мастер, своим существованием.

– Как мне это понимать, Пасека?

– Слушай внимательно, сейчас я тебе все объясню. Мастер без Пасеки сейчас существовать не может; ты бы без меня умер с голоду. Вспомни обо всех, кто в

молодые годы Мастера украл у тебя время или какую-нибудь вещь, позволяя тебе существовать только за счет того, что ты должен был, живя с волками, выть по-волчьи. До тех пор, пока не явился я и не натер твой язык ядом нетолерантности и презрения к тем, кто охотится и живет стаяй, твоя песня терялась в их вое без ответа, и ты, подобно им, был послушным членом стада, жизнь которого предназначена и служит единственно для прославления единства, блеска иных темных духов перед чужими глазами, и, в конце концов, материалом, позволяющим жить тысячам гиен, которыми являются все те, кто паразитирует на искусстве, от критиков до торговцев картинами. От этих негодяев освободил тебя только я, не соглашающийся с поведенческими и традиционными стаями, с девизом: ближний есть необходимое зло, перед негодяйством которого необходимо всегда предохраняться и не завязывать, а, напротив, ослаблять свои отношения с ним. Я был тем, кто, освободив тебя с течением времени от проклятого наследия расы и наследия католицизма, показал тебе при помощи Фрагонарда иные заблуждения человечества, оккультизм, в честь которого ты первым у нас слагал оды, и христианство, из которого и на котором твои ближние трудолюбиво слагают новые лозунги и утопии для спасения морали европейских двуногих с окровавленными руками... Скажи мне, почему бы тебе вместо меня не убить Фрагонарда, это сентиментальное привидение без воли, ценящее жизнь паршивой собаки более, чем человеческую, и для которого ни один Бог и ни одна религия не святы достаточно, ни

одна философия не всеобъемлюща и сны поэтов слишком узки и не способны рассказать ему правду об отношениях человека к животному и об отношении обоих к этой вшивой стране, сохраняющейся только посредством убийства. Если бы ты уже давно расправился с этим пасквилянтом, оупляющим учителей и законодателей народа, сколь много бессмертных современности с радостью пригласило бы тебя в свой экипаж...

– Безумец, побереги слова, ибо я не способен столь стремительно, как ты, сгибать и тут же выпрямлять позвоночник в отношениях с неудобными людьми, которых мы иногда видим прямо насквозь! Если некоторые способны ехать за славой, например, с дедом, у которого потеют ноги, или с начальником пожарных, всю дорогу кричащим что-то в бреду о вечной гибели, или в одной из черных бричек, заполненных одышливыми молодыми людьми в полном маскараде сумасшедшего карнавала современности, то я на это неспособен! Слишком сильно пах кадиллом ландоуэра, в котором я когда-то проехал часть пути, и пахнет до сих пор, вопреки сокольскому движению, которое ныне из него слышится. Я презрел и открытую повозку, принадлежащую ныне коммунистам, и еще, наверное, дюжину разнообразных транспортных средств. Нет в них безопасного пути, Пасека, так что лучше толкать самому свою собственную тележку. Что касается моей собственной...

– ...то она лучше всего приспособлена для развоза и сваливания навоза, – добавил Пасека.

Возвращение Фрагонарда и счастливый конец.

Разговор обоих был прерван радостным зевком и потягиванием огромного пса, которым в действительности был до сих пор спокойно спавший Тарзан.

Собеседники, поглядев друг на друга, многозначительно улыбнулись, поскольку поняли, что приходящее лицо весьма этому псу приятно.

По другому и быть не могло в этом волшебном подвале: третье лицо ворвалось к Пасеке и Мастеру прямо через окно, не повредив при этом ни одного стекла.

Учтиво поглядел на вновь пришедшего Пасека и глубоко ему поклонился, не желая невежливостью допустить греха против Духа святого.

И Мастер молча ожидал, когда к нему сей вновь пришедший обратится первым.

Тарзан приветствовал возвратившегося хозяина с необычайной радостью.

Фрагонард возвращался прямо с холма Богдалец, на котором к вечеру уснул, и где ему приснилась вся история об исповедовавшейся проститутке, из которой в конце концов вылупилась Мистика.

Этот сон был столь реальным, что Фрагонард, пробудившись, инстинктивно оглядывался вокруг, в поисках следов кого-нибудь из проституток, вырезанных апачами, когда он находился с Кларою у нее наверху.

Однако, не обнаружив никаких следов крови, самое большее – куски шерсти, которые, однако, имели своим происхождением козу, которую вчера гонял

Тарзан, он пошел домой, рассуждая по дороге о делах небесных и твердо решив разбить гранки набранного Пасекой его глупого романа и приняться за работу более достойную и лучшую, “Еретическую постилию”.

Потому он был радостно удивлен, когда, придя домой, обнаружил набранное Пасекой кровавого романа

оглавление:

i. Тайны старого дворца	64	-vi. Мохнатый Адам	180
ii. Убийство в доме лесника	68	-7. Найденное завещание	- 2
iii. Труп в дымоходе	69	-iii. Твердое решение	- 5
iv. Голос крови	76	-ix. В цыганском таборе	- 8
v. Среди убийц	80	30. В магнетическом сне	193
vi. Отцеубийца	84	-1. Комната пыток инквизиции	- 6
vii. Замурованная в мертв. подвале	92	-2. Из психономич. общества СС	
viii. Мертвецы в извести	96	-3. После кровавой победы	- 4
ix. Негодяйство	100	-4. Подпольная редакция	- 9
x. Кашляющее чудовище	108	-5. Клад в монаст. сыре	- 20
-i. На корсарском корабле	113	-6. Жертвы кораблекрушения	- 4
-ii. Вырезанный публичный дом	- 6	-7. Бегство из сумасшедшего дома	- 8
-iii. Монастырское чудовище	- 20	-8. Загадочное письмо	- 30
-iv. Арестованный фальшивомонетчик	- 4	-9. Извергнутая морем	- 6
-v. Таинственная дыра	- 8	XXXX. Фальшивая Мария	- 41
-vi. Благородный отшельник	- 33	-1. В комнате пыток и темнице	- 4
-7. Подготовка к бегству	- 36	-ii. Безжалостная ростовщица	
-iii. На необитаемом острове	- 44	-iii. Две главы в одной	
-ix. В санатории д-ра Ржимсы	- 48	-iiii. Венгерский винный погреб	
xx. Битва с пиратами	- 56	-5. Исповедь проститутки	
-i. Оживший покойник	- 60	Сокровища на Гонолулу	
-ii. В кафе “Германия”	164	Воинственная суфражетка	
-iii. Набожное пожелание	170	Подвал полный ужаса	
-iv. Пойманный оборотень	- 2	Узник замка Бездез	
-v. Раскрытая тайна	- 6	Счастливый конец	

Держа трубку в достаточном удалении от своих губ, Пасека ожидал похвал Фрагонарда.

Однако Фрагонард не обращал на него ни капли самого малейшего внимания, его взгляд уперся в окровавленный пол.

Глубокий вздох сопровождал его наблюдениям, и слеза сочувствия несчастным читателям романа Пасеки покатила у него из глаз.

Кровь сия свободно текла из уже готовых листов Кровавого романа, и было ее, наверное, уже не меньше четырех ведер.

В печали смотрел Фрагонард на совершенные Пасекой печатные проказы и страшился ужасных последствий в самом ближайшем будущем.

Из-за этого ужасного литературного продукта все переворачивающиеся в гробах писатели-патриоты могли внушить духу какого-нибудь астрально изгнанного розенкрейцера, чтобы тот ночью пришел и отвесил Пасеке пару пощечин.

Подобная астральная пощечина сегодня не была бы ничем странным, поскольку в наше время в нашем народе есть немало людей, которые способны на подобные дела при помощи методов и пути “Kerning & Comp.”, не говоря уже о новейшей исламской мистике, при помощи которой адепт способен за 36 часов стать махатмой.

Мастер разделял опасения Фрагонарда, что учитель с Выгидки после прочтения им романа разбавит водой посылаемое Пасеке вино, а аптекарь из Брно порвет бланк перевода, посредством которого он хотел было послать Пасеке деньги – ради того,

чтобы не поддержать в Пасеке склонности к еще большим оргиям фантазии.

Один лишь Пасека оставался вполне спокоен и напевал про себя свою любимую песенку:

*Katr sind gar bo-
se Tiere, besonders
die von Schnaps und
Biere*¹.

Наконец, ему надоело пение, и он, обратившись к нише, вытащил из нее человеческую руку.

Эта рука держала в пальцах горшок с домашним сыром и принадлежала Пасеке.

Он принялся усердно отлеплять сыр от горшка, нимало не опасаясь того, что какой-нибудь отставший кусок эмали мог бы принести ему заболевание менингитом.

¹ Похмелья (дословно: коты) - злые звери, особенно те, что наступают от водки и пива (нем.) - прим. пер.

Поместив затем рядом в набор еще одно найденное им в сыре клише, он промолвил:

– Мне кажется, мои дорогие, что на дворе уже кукарекают петухи, и что давно уже пора отправляться спать.

Против этого предложения невозможно было возразить ничего конкретного, и потому оно было большинством голосов принято.

И действительно: семимильными шагами уже близились утро и горизонт понемногу светлел, поскольку хоть и лениво, но без отдыха вперед шло время, отправляя своим движением в море забвения государей божьей милостью, виллы министров-социалистов, лекции Чапека Норберта, бурю красной революции и кружки собирателей экслибрисов.

Прежде чем они легли, Мастер, как яростный пропагандист девиза “пять минут ежедневно укрепляй здоровье”, предложил пред сном провести упражнения для укрепления духа.

Этот метод, служащий для поддержания здорового состояния души, до сих пор мало известен и ожидает своего Шимсы, чтобы тот в будущем его распропагандировал.

В отличие от упражнений, укрепляющих телесные члены, в этих упражнениях духа руки вперед вытягивала воля, по швам их клали чувства, приседала рассудительность, ноги врозь расставляла память, потягивалась образность и наклоны делала мораль.

Непосвященный не способен даже в грубых чертах оценить результаты подобных ежедневных, успешно проводимых упражнений, полагая, что они способны

в лучшем случае привести тех, кто их выполняет, лишь на Богницкую Олимпиаду¹.

Такие упражнения могли проводиться где угодно, даже в кабаке за кружкой пива.

Человек, выполнявший их регулярно в течение некоторого времени, впоследствии был способен к великолепнейшим мистификациям с собственным рассудком.

В конце концов, он мог размышлять о самых невероятных представлениях человечества, не удивляясь им ни на йоту.

Под влиянием сей душевной физкультуры он, в конце концов, начинал верить, что человек по природе добр, что сто пролетариев лучше, чем один Батя, что бог един в трех лицах и что римский папа непогрешим.

Этим путем можно было бы мечтать об идеях, о которых до сих пор никто не мечтал, видеть события, которых никогда не было и не будет, а также читать рукописи ненаписанные и книги неизданные.

Здесь как раз и содержалась та самая настоящая магия, мир чудес, о котором человечество мечтало веками.

Магия без участия демонов и дьявола.

Магия без помощи каббалы и заклинаний.

Магия для каждого, без различия политических и религиозных убеждений.

---

1 В пражском районе Богнице расположена крупнейшая психиатрическая лечебница, название района стало нарицательным, — прим. пер.

Это были воплотившиеся в реальность шабаши средневековых ведьм, с современными образами в фантазмагориях, достигнутых без намазывания пупков, без помела и ступы.

В нашем подвальном помещении происходили особо замечательные шабаши, благодаря неуправляемой фантазии всех троих присутствующих.

Безудержная и до похабства низкая образность Пасеки, эстетический художественно-пространственный бред Мастера и полет фантазии в абстрактных представлениях Фрагонарда создали в подвальной камере столь густые мысленные волокна, что они своей реальностью пугали и подавляли физические чувства.

Можно было в них разглядеть и окончание романа Пасеки, развязку напряженнейших и интереснейших сцен.

Там был Родригес, прибывший как раз в тот момент, когда Кубова с Игнатием таскали из ямы ящики с сокровищами, убийство Игнатия, отплытие с острова Гонолулу, Родригес в Испании ищет Марию, схвачен инквизицией, помогает бежать комиссару-оборотню, в камере пыток встречается с масоном с чердака морга.

Куба, которому помогают сообщники-фальшивомонетчики, выдает себя за Курта, угрозами заставляет молчать отца Бруно, тот знакомится с Кубовой и выдает ее замуж – как пропавшую княжескую дочь – за Курта, коим является Куба.

Все вместе играют интриганские роли и комедии друг перед другом.

В эти представления своими пальцами вмешивается Эльзевира, беспалая любовница, и помогает освобождению графа Портмона из тюрьмы, дабы тот мог

заказать у Мастера украшение своего гроба еще ранее, чем умрет от руки барселонского масона.

Подброшенный сын из главы X. в семье овцепаса, которая столь обеднела, что, когда не могла, как иные соседи, хотя бы раз в год завалить и разделать кабанчика, заваливала для утешения уличную уборную, становится наконец наследником сокровищ с Гонолулу.

Советник Егер, поднимающийся бесстрашно однажды вечером по ступеням к ужасному замку и не чувствующий, что утром он будет спускаться по ним же как хладный труп, вовремя оказывается спасенным от костра инквизиции известием о том, что сберкасса святого Вацлава разорилась, иезуиты лишились своих сбережений, инквизиция уничтожена в силу недостатка топлива.

В воздухе еще было множество подобных красивых концов, однако всеблагое и всемудрое Провидение небесное, бдящее над несчастными читателями сей книги, не допустило того, чтобы Пасека нашел еще хоть листок чистой бумаги.

В конце концов: Пасека мог быть вполне доволен своей романной абракадаброй, поскольку знал, что подобный книжный кирпич, весом едва не в килограмм, в братстве святовахаловском разойдется на раз-два.

Закурив в честь проделанной работы гаванскую сигару из Бразилии, привезенную Фр. Прохазкой из Подебрад, он с удовлетворением еще раз проглядел в уже готовом романе кучу за волосы притянутых друг к другу приключений, бородатых анекдотов и горы чудовищ и трупов; поскольку, однако, Мастер и Фрагонард, желая отправиться спать, готовились пробраться в Пасеку, он более не мешкал и твердой рукою набрал:

**Этот
роман,
сатирический
и гротесковый,
был завершен в
октябре 1924 года.**

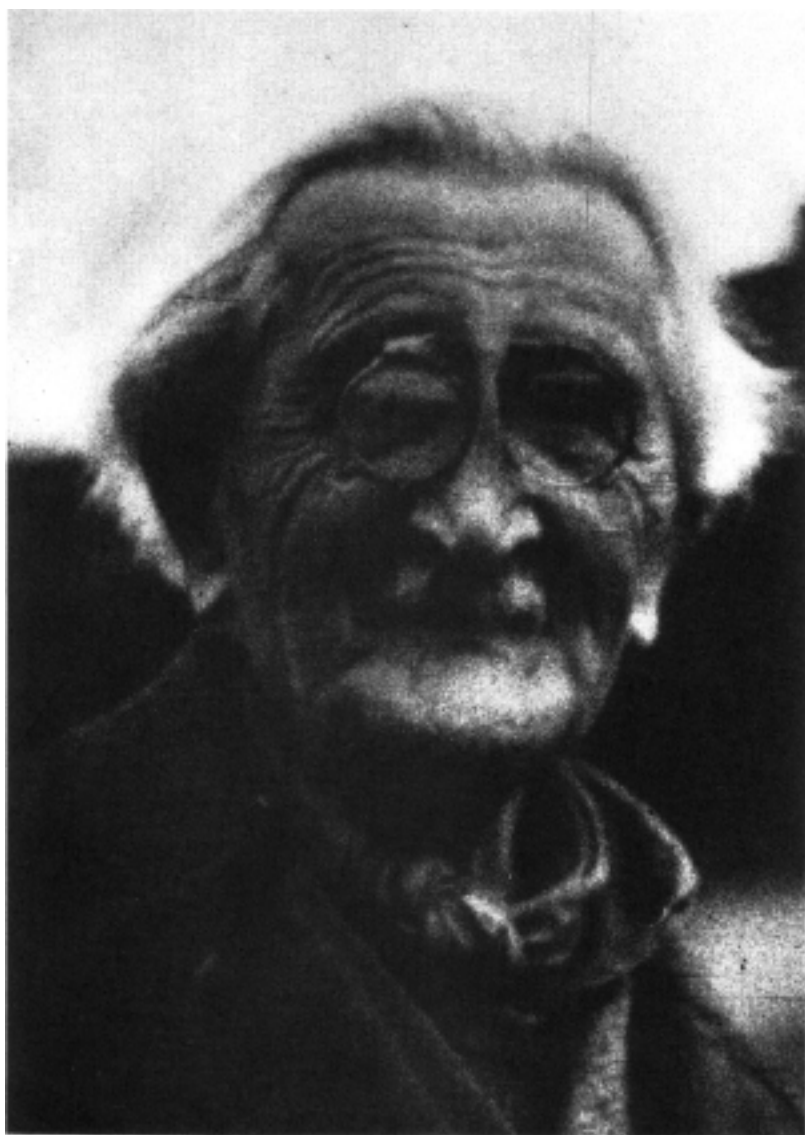
**Эту
книгу,
с 11 старыми
и 68 оригинальными
гравюрами, набрал
без рукописи, напечатал
в течение восьмисот часов
и издал в 17 экземплярах
Йозеф Вахал, гравёр по дереву
во Вршовицах, дом 648.**

Содержание

Обращение к читателю	13
Кровавый роман, его определение и сущность	17
Кровавый роман до конца XVIII века	31
Опыт типа идеального кровавого романа.	62
Глава i. Тайны старого дворца	62
Глава ii. Убийство в доме лесника.	65
Глава iii. Труп в дымоходе.	67
Глава iv. Голос крови.	73
Глава v. Среди убийц и висельников.	77
Глава vi. Отцеубийца.	80
Глава vii. Замурованная в мертвецком подвале.	87
Глава viii. Мертвецы в извести.	92
Глава ix. Негодяйство.	95
Глава x. Кашляющее полуночное чудовище.	103
Глава xi. На корсарском корабле.	107
Глава xii. Резня в доме терпимости.	110
Глава xiii. Монастырское чудовище.	114
Глава xiv. Арестованный фальшивомонетчик.	118
Глава xv. Таинственная дыра.	122
Глава xvi. Благородный отшельник.	126
Глава xvii. Подготовка к бегству.	129
Глава xviii. На необитаемом острове.	137
Глава xix. В санатории доктора Ржимсы.	140
Глава xx. Битва с пиратами.	148
Глава xxi. Оживший покойник.	152
Глава xxii. В кафе “Германия”.	156
Глава xxiii. Набожное пожелание.	162
Глава xxiv. Пойманный оборотень.	164
Глава xxv. Раскрытая тайна.	168

Глава XXVI. Мохнатый Адам.	172
Глава XXVII. Найденное завещание.	174
Глава XXVIII. Твердое решение.	177
Глава XXIX. В цыганском таборе.	180
Глава XXX. В магнетическом сне.	185
Глава XXXI. Комната пыток святой инквизиции.	188
Глава XXXII. В психономическом обществе.	192
Глава XXXIII. После кровавой победы.	196
Часть вторая.	201
Глава XXXIV. В подпольной редакции.	201
Глава XXXV. Сокровища в монастырском сыре.	212
Глава XXXVI. Жертвы кораблекрушения.	216
Глава XXXVII. Бегство из сумасшедшего дома.	220
Глава XXXVIII. Загадочное письмо.	222
Глава XXXIX. Извергнутая морем.	228
Глава XXXX. Фальшивая Мария.	233
Глава XXXXI. В комнате пыток и в темнице.	236
Глава XXXXII. Безжалостная ростовщица.	240
Глава XXXXIII. Две главы в одной.	249
Глава XXXXIV. Венгерский винный погреб.	252
Глава XXXXV. Исповедь проститутки.	257
Глава XXXXVI. Сокровища на Гонолулу.	263
Глава XXXXVII. Воинственная суфражистка.	272
Глава XXXXVIII. Узник замка Бездез.	276
Глава XXXXVIII. Подвал, полный ужаса.	280
Глава L. Возвращение Фрагонарда и счастливым конец.	288
Послесловие	300

Послесловие

«МАГ ИЗ ВРШОВИЦ» И ЕГО «СЕНСАЦИОННЫЙ РОМАН»

«Облачно. Вечером в 5 часов ливень. С Тарз. домой, набирал. В полд. к м. на обед шли по Русской улице, потом к Ганке, у Марксов тоже с Тарзаном... ушел в 4, набирал проспект к «Кровавому роману»... Эта ничем не примечательная на первый взгляд запись в дневнике Йозефа Вахала, сделанная 19 августа 1924 года, позволяет более-менее точно определить время создания одного из самых необычных произведений чешского искусства — «трактата по культурной и литературной истории» под названием «Кровавый роман».

Необыкновенными были не только история этой книги, ее внешний вид и сам текст, но и личность и судьба ее автора, и, наконец, круг читателей, издателей и поклонников.

***

О «Кровавом романе» нельзя сказать, что он «вышел из-под пера» своего автора. Рукописи «романа» никогда не существовало — как читатель узнает, открыв последнюю его страницу. Впрочем, в контексте творчества своего автора — одного из оригинальнейших чешских художников XX века Йозефа Вахала (1884-1969) — подобная судьба не была ничем уникальным. Тем примечательнее, что именно «Кровавый роман» стал самым известным творением своего автора, наделенного поистине многогранным талантом.

Слово «художник», пожалуй, наиболее верно характеризует Вахала, причем в данном случае актуализируются все его значения — автор «Кровавого романа» был как мастером изобразительного искусства, так и творческой личностью, сфера деятельности которой была необычайно широка даже для начала XX столетия с присущей ему тенденцией к синтезу искусств. Наконец, сама жизнь Вахала строится по канонам некоего архетипа жизни гениального художника. Каждый его цикл картин или гравюр, книга или фотография становится частью жизни, в то время как дневники, на первый взгляд наполненные банальными сообщениями о погоде и о съеденном автором за обедом, превращаются в оригинальный жанр творчества (начиная от их внешнего оформления и заканчивая внутренней, глубоко трагической связью с эпохой, в которой Вахалу довелось жить) — и все вместе составляет судьбу живописца, графика, резчика по дереву, автора цветных и черно-белых гравюр,

оформителя, керамика и скульптора, дизайнера, переплетчика, наборщика, типографа, писателя, поэта, фотографа, иллюстратора, философа и мистика Йозефа Вахала.

Вахал родился 23 сентября 1884 в селе Милавче, неподалеку от города Домажлице на юго-западе Чехии, как внебрачный сын Йозефа Шимона Алеша-Лыжеца и Анны Вахаловой. Его отец, двоюродный брат знаменитого художника Микулаша Альша, увлекался оккультизмом и тайными знаниями, переводил литературу, посвященную спиритизму. В 1899 году Вахал был отдан в обучение в переплетную мастерскую в Прагу. К этому времени относятся его первые литературные и художественные опыты, а также первые мистические видения и иррациональные сны, в которых Вахала навещают духи, посланцы иных миров и адские создания, впоследствии классифицированные им в великолепной работе «Огород дьявола, или Энциклопедия чудовищ» (*D'ablová zahrádka anebo přírodopis strašidel*). Влияние отца, собственный пережитый опыт, знакомство с двоюродным дядей и постижение переплетного мастерства оказали большое влияние на становление Вахала как художника, как, впрочем, и сама атмосфера пражской культурной жизни рубежа веков, с ее спорами о декадансе и анархизме, появлением ярких молодых поэтов, писателей и художников, открытием в прошлом провинциального города миру. Среди тех, чье творчество в начале 1900-х вдохновляло Вахала – чешский скульптор-мистик Франтишек Билек, знаменитый норвежец Эдвард Мунк, выставка которого, прошедшая в Праге, стала импульсом для целого поколения, поэты – символист Отакар Бржезина и анархист Станислав Нейман.

Окончив обучение в 1904, Вахал, менее года проработав в мастерской в городке Бела-под-Бездезом (к этому времени относятся его наиболее интенсивные, как можно судить из появившейся 30 лет спустя автобиографии, контакты с потусторонним) изучает тайные науки, алхимию и астрологию, серьезно занимается йогой, вступает в пражское Теософическое общество и посещает спиритические сеансы, и параллельно с этим создает свои первые получившие известность живописные работы – «Уровень астральный» и «Уровень элементарный» (аллюзию к ним мы найдем в последней главе «Кровавого романа»). Уже в этих попытках передать изобразительными средствами свое психическое состояние, посредством искусства вступить в диалог с окружавшими его иррациональными

силами, виден авторский почерк будущего Вахала (великолепная колористика, в особенности владение «инфернальными» черной, желтой и красной красками, гротескное изображение духов, композиция работы и сама тематика).

Первоначально Вахал, не получивший формального художественного образования — по его словам, «хомута, который портит художников, заставляя их вступить на дорогу посредственности», — утверждает себя в искусстве как живописец и график; продолжают и его мистические опыты — в 1908 он вступает в эзотерическое литературное общество «Фламарион» (приверженность членов общества герметизму проявилась, помимо прочего, и в том, что до нас не дошло ни одного текста, созданного участниками на его собраниях), совершает поездку к католическому «гуру», писателю и издателю Йозефу Флориану, участвует в работе одного из «культурных» журналов того времени — эзотерического ревью «Медитация». Работы Вахала этого периода предвосхищают — технически и содержательно — европейский экспрессионизм («Прогрессирующий паралич», «Болезнь», «Онанизм», «Вход в загробный мир», «Отчаяние» и великолепные «Дьяволопоклонники»).

Поворотным, однако, становится 1909 год — Вахал, живший с момента ухода из мастерской в бедности, получает наследство и осуществляет мечту — снимает ателье (превращенное им самим в «мастерскую мага») и покупает печатный станок, а художник Эмил Пацовски дарит ему резец. Вахал впервые пробует себя в создании гравюр на дереве, что счастливым образом совпадает с созданием им — за 1 день, 4 декабря 1909 — мистического текста «Видение семи дней и планет» (*Vidění sedmera dni a planet*). Так рождается на свет «Йозеф Вахал — резчик по дереву» (именно так последовательно называет себя в названиях своих книг, не исключая «Кровавого романа», художник до конца своих дней) и первая его книга, сотворенная, как и большинство последующих, уникальным методом. Каждая из более 30 страниц «Видения» — как текстовая, так и изобразительная — представляла собой оттиск отдельной вырезанной автором гравюры на дереве. Разумеется, это вело (помимо и так тесной связи между собственно текстом и иллюстрациями) к увеличению единства книги, превращению ее в одно суггестивное целое — и к «эксклюзивности» этого произведения искусства, возможности его распространения только в чрезвычайно ограниченном числе экземпляров. Этим принципам Вахал остался верен

и при создании последующих своих книг, которых им было создано — не считая написанных в последние годы жизни «романов в письмах» и мелких текстов — более 20.

В это время Вахал уже сформировавшийся художник (назовем несколько наиболее известных циклов его произведений 1910-20-х годов: «Мистики и визионеры», цикл «Комедий» («Человеческая», «Божественная» и «Дьявольская»), «Bellum», «Непрахов», «Эротики», «Чума в Корчуле», «Шумава умирающая и романтическая»¹), один из вождей молодого поколения (в 1912 он вместе с Яном Копуеком, Эмилем Пацовским, Яном Зрзавым, Франтишеком Коблигой — каждое из этих имен многое значит для чешской живописи XX века — создает художественную группу «SURSUM»). Однако увлеченность техникой резьбы по дереву, в первую очередь созданием цветных гравюр (вполне объяснимая, учитывая интерес Вахала прежде всего к средневековой мистике и искусству, его преклонение перед Альбрехтом Дюрером и т.д.), все возрастает — так что, в счастливой связи со словесным творчеством, создание гравюр оказывается в конце концов главным наполнением вахаловского творчества.

Важную роль в биографии Вахала сыграл и его краткий тесный духовный контакт и впоследствии разрыв с католическим священником, одним из самых талантливых писателей вахаловского поколения Якубом Демлом. Познакомившись с Вахалом в 1912 году, Демл тут же обратился к нему с просьбой проиллюстрировать гравюрами издание его «Крепости смерти» — философско-аллегорической повести, мироощущение которой (одиночество человека в царстве смерти, антиутопические мотивы, звучащие в созданной Демлом аллегории современного общества) было в чем-то близко и Вахалу. Результатом стала едва ли не самая знаменитая «книжно-оформительская» работа Вахала (он иллюстрировал книги иных близких ему авторов и впоследствии — в том же 1912 году издание мистической «Горы пророков» А.К.Эммерих, в 1930-е годы — сочинений Э.А.По, уже в 1940-е — сборника «Руки» О. Бржезины и т.д., но ни одна из этих работ не стала таким событием в чешском искусстве, как оформление «Крепости смерти») — он выступил как гениальный интерпретатор демловских пророчеств. К моменту

---

1 Три последних цикла, состоящие в основном из гравюр, Вахал оформил в виде книг.

выхода книги в свет Вахал, впрочем, уже круто разошелся с Демлом — что, по мнению его биографа Иржи Олича, привело и к окончательному отказу от католицизма. Вахал сохранил дружеские отношения с некоторыми близкими ему по-человечески представителями т.н. «католической модерны» — например, с Сигизмундом Боушкой, одним из первых коллекционеров и ценителей вахаловских книг, — однако сама церковь, «стоящая на пути приливов света», стала одним из главных его врагов. Уже в 1913 году Вахал сам набирает и печатает первую из ряда своих «богохульственных» теософских книг — «Новый адский псалтырь, или чудеса дьявольщины» (*NOVÝ PEKELNÝ ŽALTÁŘ ANEB DIWOWÉ ĎÁBELŠTÍ*), за которой в 1920-е годы следуют Корона порока, или Постилла еретическая (*Koruna bludářství aneb Postýla kacířská*, 1926) и «Совершенная магия будущего, созданная воображениями красоты и любви, равно как и нарушением традиций старых магий и вер» (*Dokonalá magie budoucnosti...*, 1922), где Вахал излагает основы собственного духовного учения — «саморастущей и небесно-интуитивной мистики».

Вершинным этапом творчества Вахала стали, без сомнения, 20-е годы. И неслучайно, что наряду с живописными и графическими циклами, гравюрами и новым увлечением — изготовлением экслибрисов — Вахал создает в это десятилетие более 10 книг, каждая из которых могла бы вписать его имя в историю как чешского изобразительного искусства, так и литературы (в конце концов, эта честь выпала на долю «Кровавого романа»). К этому времени окончательно сформировалась оригинальная жизненная и творческая философия «резчика по дереву», последним потрясением для которой стало его участие в Первой мировой войне (пережитое им на австро-итальянском фронте, легло в основу единственной книги Вахала, изданной в «нормальном» издательстве «нормальным» тиражом — «Художник на фронте» (*Maliř na frontě*)). Вахал переезжает в новую квартиру-ателье в пражском районе Вршовице, где был создан и «Кровавый роман», после смерти жены сближается с Анной Мацковой. Вместе с тем, политические и эстетические взгляды Вахала, образ его жизни, особенности характера вели к тому, что он — не только как личность, но и как художник — оказался в так называемой «Первой» Чехословацкой республике в своеобразном гетто, будучи не столько непризнанным, сколько неизвестным за пределом узких кругов почитателей и коллекционеров и ярых противников.

Вроде бы начавшее приходить в конце 1920-х годов признание (в 1928 Вахал даже получил большую премию жюри за книжное оформление на международной книжной ярмарке во Флоренции) сменяется горьким разочарованием — первая большая персональная выставка Вахала, организованная в 1934 году в Праге, завершается провалом и едва ли не обструкцией со стороны как молодых авангардистов, так и «мэтров». Это очередной поворотный момент в жизни автора «Кровавого романа»; Вахал замышляет покинуть давно опустылевшую ему Прагу, переселиться в глушь, где он мог бы, избегая по возможности контактов с людьми, заниматься чистым творчеством. Даже провозгласив в 1934 свою деятельность художника завершенной, Вахал, конечно, продолжал работать каждый день, несмотря на материальные лишения. Из дневников, которые автор «Кровавого романа» вел, записывая скрупулезно события каждого дня, видна как все возрастающая мизантропия Вахала, так и та степень нищеты, в которую с редкими проблесками он был погружен; в то же время, со всеми едкими и подчас несправедливыми упреками и на первый взгляд банальностями дневник оказывается парадоксально единым художественным целым и, пожалуй, лучшим путем к пониманию характера и судьбы Вахала.

Художник навсегда покидает Прагу в 1939 году, переезжая в дом Анны Мацковой в деревне Студеняны, неподалеку от провинциального города Йичин. Здесь он в работе над новыми картинами и гравюрами переживает и войну, и приход в стране к власти коммунистов («окончательное установление власти быдла — в точности по русской программе», — записывает Вахал в дневнике 25 февраля 1948), предсказывает человечеству гибель в огне третьей мировой войны. Старость его нельзя назвать счастливой — и все же он находит утешение в работе, прогулках с любимыми собаками, письмах к редким друзьям, из которых видно, что и чувство юмора и в старости Вахалу не изменило.

В последние годы жизни, впрочем, странную шутку с ним сыграла судьба — в 1960-е годы, время «оттепели» и возвращения в чешскую культуру забытых имен, интеллектуалы вдруг «вспомнили», что Вахал, один из символов «золотого века» чешского искусства, все еще жив, хотя и живет в доме, превращенном в машинно--тракторную станцию, топит печь некачественным углем и зимой, когда замерзает водопровод, растапливает снег, чтобы получить питьевую воду. Вдруг организуется большая выставка его работ в

Праге, появляются публикации, издательство «Одеон» убеждает его заключить договор о переиздании «Кровавого романа», а в одном из чествований в 1968 году принимает участие даже сам художник — но завершается все сценой из театра абсурда: в мае 1969 года коммунистическое правительство награждает Вахала титулом «Заслуженный художник ЧССР»... Спустя 5 дней после этого события Вахал умирает в Студеняхах. Наверное, только его мистическими способностями можно объяснить то, что он предсказал не только дату собственной смерти, но и ее причину — в шуточной автоэпитафии художник как-то написал, что «пал в могилу», не выдержав тяжести «первого в жизни государственного пособия».

***

Творчество Вахала, вроде бы разнородное и некаталогизируемое, лишенное, как кажется, логики, оказывается пронизанным неожиданным единством. Вахала не спутаешь ни с кем — это относится не только к произведениям визуальных искусств, где авторский стиль проявляется, вероятно, наиболее рельефно — но и, например, к дневникам; даже достаточно прочесть наугад 20 строчек из частного вахаловского письма, чтобы догадаться, кто его автор — речь при этом, разумеется, идет не о «повторяемости», а именно об оригинальности в единстве. Помимо стремления к универсализму, должны быть названы и три другие столпа, на которых зиждется великолепное здание вахаловского творчества: это мистика, эгоцентризм (индивидуализм — непризнанность — одиночество) и ирония.

Сама жизнь его была полна мистическими событиями, в основном с трагической окраской (назовем лишь некоторые факты биографии: мать художника погибает под колесами автомобиля в день, когда Вахал заканчивает печать книги «Проповеди против греха спешки»; Анна Мацкова ломает в один и тот же день 1961 и 62-го года разные руки, умирает Вахал в предсказанный им самим день). Катализатором творческой фантазии художника еще в юности стали его видения, контакты с потусторонним миром. При этом отношения Вахала с оккультизмом сложны, и он никогда не переступал ту грань, которая отделяла визионера от безумца, его творчество не превратилось в рупор какого-либо, пусть наиболее «прямого», пути постижения истины — в конце концов, Вахал следовал кредо, высказанному в «Совершенной магии будущего», о связи магии (т.е. высшего качества мистики) прежде всего с воображением

(по-чешски *imaginace*), творчеством, а не утверждением догматов. Это отличало Вахала не только от коллег по теософским и спиритистическим собраниям, по обществам вроде «Клуба друзей природы» (председатель коего Эмил Гнатек считал себя — почти как Хлебников, но не обладая талантами последнего — «демиургом Земного шара»), «Психического общества» или «Свободной мысли», но и от в массе презираемых им адептов нового искусства (в начале века — декадентов, затем авангардистов), которые непременно стремились опрокинуть прежних идолов, чтобы водрузить на их место новых.

Безусловно, Вахал был одним из самых выдающихся мистиков и оккультистов своего времени; о глубине познания им тайных искусств и духовных учений (не исключая традиционных религий — в первую очередь католичества, которое привлекало Вахала прежде всего своим «народным», темным «изводом», воплощенном в искусстве эпохи барокко, — но и, например, буддизма) и глубины их синтеза свидетельствуют как его картины и прочие произведения на оккультные темы (например, цикл «Мистики и визионеры» или фрески на стенах и потолке расписанных по просьбе коллекционера Йозефа Портмана комнат дома последнего в Литомышле¹), так и собственные оригинальные философские трактаты. К изучению различного рода ересей, «отклонений» от церковной «генеральной линии» Вахал подходил прямо-таки научно (лекция «Дьявол и борьба с ним церкви» (*Dábel a boj proti němu*) (1932)). В «Короне порока, или Постилле еретической», «Совершенной магии будущего» и других книгах Вахал предлагает на суд избранных

---

1 По символике росписей в доме Портмана можно судить, какими именно направлениями в оккультизме было занято сознание Вахала во время работы над «Кровавым романом». Например, в центре потолка гостиной дома Вахал изобразил круг с символом бесконечности — змеем Уроборосом, пожирающим собственный хвост; по сторонам от круга — 4 эмблемы предсказательных карт, являющиеся комплексной комбинацией герметических, алхимических и магических символов — квадрат, треугольник, круг с центром и крест; по бокам потолка — существа, так хорошо знакомые Вахалу по видениям и мотивам предшествующего творчества — сиффы, саламандры, ундины, гномы, духи стихий и т.д. Есть в доме и мотивы из «Бхагават-Гиты», христианской мистики, эмблемы масонства и т.д.

свою философию, конечно связанную с актуальными течениями эпохи (тем же ницшеанством), но при этом опирающуюся на глубочайший опыт не только постижения запредельного, но и художественного творчества. Потому в роли «сверхчеловека» у Вахала выступает Маг. Подчеркивание двух самых важных свойств Мага — творчества и сексуальности («Маг — не остановит своих шагов перед страшными эксцессами секса, грехом содомским, кровосмешением, Маг поднимает перчатку прелюбодеяния, чтобы ударить ею по лицу человеческим богам, законам и моралям» — сказано в «Совершенной магии») — позволяет говорить о Вахале как о духовном побратиме Алистера Кроули. Характерно, впрочем, для Вахала, что он сам не стал основателем ни церкви, ни секты, — в конце концов, он же сам написал: «Маг, посвящающий в магические практики — дерзкий лжец».

Сатанизм для вахаловского поколения был определенным эстетическим кодом, впервые на чешской почве употребленным приятелем юных лет Вахала, поэтом Нейманом (впоследствии ставшим ярым коммунистом). Вахал в начале 1900-х и сам писал эпигонские стихи, прославлявшие «князя Тьмы». Более глубокий уровень познания позволил Вахалу, однако, сформулировать свою философию как раз как апологию «света», противостоящую христианству и постхристианскому гуманизму как «тьме»; оба этих полюса притом привлекали воображение Вахала-художника, представлявшего мир как нечто недискретное¹. О причинах и корнях мизантропии Вахала можно многое понять хотя бы из отрывка письма к художнику Цибору Штястному, с которым автор «Кровавого романа» переписывался уже в глубокой старости: «К старому моему пессимизму могла бы

---

1 Об особенностях мировосприятия Вахала в связи в частности с его «красивейшей, наипоэтичнейшей, наисмирнейшей книгой» (И. Олич) «Мистика обоняния» (Mystika čichu, 1920) замечательно пишет Михал Айваз, отмечающий, что «альтернативная инвентаризация Вселенной» в творчестве Вахала, проявляющаяся как в изображении различных запахов посредством техники гравюры, как в упомянутой книге, так создание энциклопедии чувдовищ в «Огороде дьявола» и т.д. воспринимается «нормальным» человеком как «нечто сбивающее с толку и беспокоящее», для художника является необходимым воплощением идеи мира как единого силового поля без пауз.

присоединиться горечь над тем, что мы напрасно раздавали свое сердце и открывали душу там, где надо было бы ходить лишь закрывшись — но это нас, уходящих, давно не тревожит, ибо хотя мы и проклинали на чем свет стоит землю-мать, на которой прожили эту жизнь, но все же должны простить ей за то, что повстречали здесь хотя бы дюжину милых псов; о людях этого сказать, впрочем, нельзя... так что в отношениях к ближнему своему я пойду скорее с Дьяволом, чем со Христом» (20 марта 1950). Вахал, действительно, не любил человечество *en masse* и отвергал христианскую мораль; однако же жившие у него в различные времена кошки и собаки были окружены любовью (потерю каждого животного он глубоко переживал — сильным ударом стала, например, гибель в начале 30-х годов описанного в «Кровавом романе» Тарзана); в дневниках Вахала можно найти множество мини-некрологов близких ему людей, друзей и знакомых, с каждым из которых он надеялся встретиться в будущей жизни.

В безумном мире XX века Вахал — современник и компатриот столь психически лабильных гениев, как (если ограничиться чешскими писателями) шизофреник Рихард Вайнер, одержимый маниями Якуб Демл, солипсист Ладислав Клима, съевший однажды живую мышь, — конечно, мог восприниматься как безумец презираемыми им «добропорядочными» мещанами. И сам Вахал мог эпатировать публику, как в едкой сатире на современное общество — цикле *Orbis Pictus* (1932) — на одной из гравюр которого изображен Сатана, печатающий книги самого Вахала. Однако постоянным спутником мистики визионерства в творчестве Вахала стали ирония и черный юмор, и прежде всего самоирония, казалось бы, несочетаемая с визионерством.

Исследователь Вахала Юлиус Гулек говорит о юморе как о конституирующем принципе его литературных произведений: «Юмор Вахала... важнее мизантропии, визионерства, экстремизма, эксгибиционизма, самобичевания, ереси, и в особенности ... эротики и сатанизма». Если к художественным работам Вахала код иронического прочтения применим не всегда, то среди его книг нет, пожалуй, такой, где ирония не присутствовала бы в том или ином виде. И именно в «Кровавом романе», многие страницы которого читать просто весело, вахаловская ирония (и самоирония!) выступает во всем своем блеске.

Разумеется, понимание поэтики — и, через нее, личности — Вахала невозможно без сопоставления его творчества с «контекстом»

времени, в котором он жил. О споре и синтезе различных влияний в творчестве Вахала — в первую очередь изобразительном — написано уже довольно много; отмечена его генетическая связь с эпохой «модерны», породившей атмосферу, в котором он созрел как художник, присутствие в его творчестве элементов символизма, впоследствии экспрессионизма. И такой оригинал, как Вахал, — дитя своей эпохи, и творчество его, хотя бы с технической точки зрения, довольно органично вписывается в некий (широко сформулированный) «контекст» развития как мирового, так и чешского искусства. Вахал плоть от плоти «модерны», ее символизма и декоративизма; на дальнейшее его развитие, выбор и синтез изобразительных средств, безусловно, решающее влияние оказал экспрессионизм — англосаксонский и скандинавский. Однако в какой-то момент (возможно, им стал разрыв с Демлом, быть может, пребывание на фронте) Вахале преодолевает «модерну», вернее — выбирает иной путь этого преодоления, нежели подавляющее большинство представителей его поколения. Путь, избранный авангардистами, включая футуристов, кубистов, сюрреалистов, к которым Вахал нередко близок *технически*, неприемлем ему *мировоззренчески*. Вахал с уважением относится к технике авангарда, расширяющей границы искусства, — но с нескрываемым презрением к философской основе оною с его «историческим оптимизмом», пришедшим на смену близкой Вахалу мистике рубежа веков и пророческим прорывам экспрессионизма. Новатор Вахал (помимо прочего, он стал и первооткрывателем многих техник в цветной гравюре по дереву, о чем рассказал читателям в своей «Книге рецептов цветной гравюры» (*Receptář barevného dřevorytu, 1934*), изобретателем новых шрифтов и т.д.) по глубинной сути своей — «реакционер»; как позитивизм, так и марксизм ему глубоко отвратительны, он остается человеком, чья родина — эпоха барокко, но с опытом XX века (и без сопоставления с мироощущением барочного человека нельзя верно интерпретировать кажущиеся нам самыми дикими вахаловские пассажи). Провозглашаемое им восхищение, например, «губителем чешских книг» иезуитом Коняшем — не столько эпатаж, сколько важный мировоззренческий выбор: Вахал противится обоим опорам культурной политики чехословацкой «Первой республики» — забронзовевшему патристическому пафосу родом из чешского Национального возрождения и левому авангарду. При этом Вахал, конечно, не может быть и

«традиционалистом», «интегральным католиком», «руралистом» — эти формы художественной и политической оппозиции чужды ему не менее, ведь «пуповиной» он связан как раз с «новым» искусством! Недаром давний коллега по «Сурсуму» — Ян Конупек — в 1935 году, после образования Сюрреалистической группы в ЧСР, назвал Вахала «праотцом наших сюрреалистических художников», аргументировав эту оценку такими особенностями творчества Вахала, как «богатство элементов, связанных со сном, алогическая взаимосвязь разнородного» (добавим, что и «Кровавый роман» создан, по сути, посредством «автоматического письма» — за 800 часов без рукописи и принципиально — без вычитки набранного текста и исправления ошибок — о чем с юмором повествует сам Вахал, описывая мытарства редактора Пасеки).

Здесь, а не только в особенностях характера, сложности творчества и т.д., как представляется, корень одиночества Вахала и непризнания его широкой публикой в годы его расцвета. Сам художник видел это так: «Алеш, конечно же, представляет собой вершину старого искусства, а пионеры кубизма и футуризма — пророки нового искусства. Бедняга Вахал! Он блуждает от цветка к цветку по своим мистическим лугам, он видит и хочет, но не может найти иного языка, кроме как форм, которые ныне отвергнуты и осуждаемы. Так что я стою в стороне, и, видимо, так будет и в дальнейшем».

Времена изменились — и одиночество художника сменилось посмертным культом. Автор «Дьяволопоклонников» и «Чумы в Корчуле», конечно, вошел бы в историю чешской культуры, и будучи только живописцем и «резчиком по дереву», — но культом своим обязан прежде всего произведению словесного искусства, «Кровавому роману». Должно быть, мастер из Вршовиц, будь жив, был бы этому рад — «кровяки» были одной из немногих отрад его жизни, наряду с любимыми псами.

***

Сам Вахал не считал себя писателем и уж точно не беллетристом. И на пике его литературного творчества — в 1920-е годы — создаваемые им книги обретали форму трактата, энциклопедии, комментария, календаря и т.д. «Кровавый роман» был задуман автором как литературоведческая работа.

Первоначально автор планировал ограничиться первыми десятками страниц — тем, что впоследствии превратилось в предисловие,

озаглавленное «Кровавый роман, его определение и характер». Получилось бы нечто вроде учиненного Вахалом на одной из лекций в обществе «Свободная мысль» блестящего разбора «крамаржских песен» — жанра городского фольклора, в котором проявляются те же особенности, что дороги автору в «кровавых романах». Однако работа над «иллюстративной» частью «трактата» увлекла; Вахал был на вершине творческого подъема, и итогом стал текст, ставший в ряд «главных», созданных примерно в те же годы, вместе с «Совершенной магией будущего», «Мистикой запаха», «Огородом дьявола» и монументальным циклом «Шумава умирающая и романтическая», — проба Вахалом сил на поприще художественной литературы и одновременно критическое осмысление действительности.

Все эти большие задачи решаются Вахалом при помощи создания *книги*. В форму книги он облакает и те произведения, где роль собственно текста минимальна, и «центр тяжести» лежит на гравюрах — например, уже упомянутые циклы «Шумава...» или «Чума в Корчуле». Дело в том, что именно в книге как комплексе нашла наилучшее выражение та самая тенденция к универсальному описанию мира, которую мы выше назвали одной из главных творчества Вахала. Он принимает идею книги как *универсального творения*, все элементы которого связаны друг с другом. В создании книги находит применение его литературный талант, проявлявшийся еще в юношеских пародиях на стихи декадентов, и его дар гравировщика, и восхищение искусством барокко, для коего как раз сочетание книги и гравюры — элемент почти обязательный, и, наконец, возможность проявить мастерство переплетчика, наборщика, печатника. Создавая все элементы книги собственноручно, Вахал одновременно нарушал конвенции современной ему культуры, предполагающие наличие посредников в виде типографий, корректоров, иллюстраторов, становился как бы демиургом каждого своего творения (что для него как мистика было важно). Все это позволило Юлиусу Гулеку отметить, что «самобытное книжное творчество наиболее последовательно определяет его художественный и духовный профиль».

Собственно, сама идея книги как комплексного знака, знака-артефакта — не открытие Вахала (идеал «красивой книги» тоже был важным элементом искусства эпохи модерна — английские прерафаэлиты переняли его еще у Блейка — и до Вахала на чешской почве

его не без успеха воплощали Франтишек Билек, Милош Мартен, Карел Главачек, Йозеф Флориан и другие), и не он один создавал свои книги по принципу, сравнимому с позднейшим феноменом «самиздата». Однако именно у него она достигает подобия *Gesamtkunstwerk*, недостижимого идеала адептов «нового искусства».

Еще одно важное отличие книг Вахала от названных авторов, иллюстраторов и издателей (добавим к списку Индржиха Штырско-го и Якуба Демла) – в подходе к соотношению текстовых и изобразительных элементов в книге: у Вахала словесный текст нередко служит своего рода иллюстрацией текста изобразительного (представленного, как правило, в виде цветных гравюр, но и акварелей и графических работ), а не наоборот, как бывало обычным в иллюстрированных журналах эпохи модерна и в творчестве вышеупомянутых авторов. Потому издание любой книги Вахала – не исключая и «Кровавый роман» – немыслимо и бессмысленно без иллюстраций, являющихся не эпическим описанием словесного текста, как это бывает в иллюстрированных книгах обычно, а его символическим постижением.

Книги Вахала обычно создавались так: некая авторская эстетическая или философская идея, развернутая до масштабного или не очень словесного текста, иллюстрировалась гравюрами, каждую из которых автор вырезал на отдельном листе, после чего сам набирал текст (как правило, без рукописи и правки) и вместе с оттисками с гравюр печатал книгу, которую сам же и переплетал, в количестве от 5 до 20 экземпляров, в зависимости от количества бумаги, объема книги и числа потенциальных подписчиков. Все эта исключительно трудоемкая работа отнимала множество времени и сил и почти не приносила дохода – однако же каждая из вахаловских книг получалась истинным и совершенно уникальным произведением искусства. Учитывая тиражи книг, стоимость материалов, необходимых для их изготовления (речь шла о десятках типов шрифтов, качественной бумаге и переплете, большом формате произведений – «Шумава» с ее 544 гравюрами весила более 20 кг!), они распространялись Вахалом, по сути, исключительно в кругу друзей, коллекционеров и меценатов.

При этом как раз «Кровавый роман», сохраняя все признаки вахаловского комплексного произведения, пожалуй, более, чем какая-либо другая его книга, приближен к «норме» – как формы собственно книжного артефакта, так и содержания: «Кровавый роман»

можно, в конце концов, читать как сюжетное художественное произведение, что большинство читателей и делает.

Если обратиться теперь к анализу именно сюжетного аспекта вахаловского «трактата», то можно заметить, что за добрых 50 лет до «изобретения» постмодернизма Вахал создал классическое «многоуровневое» произведение, основанное, помимо прочего, на «интертексте» (автор признается, что использовал мотивы более сотни когда-либо читанных им произведений). Истории о похлебке из трупов, подаваемой нищим в монастыре, или о борьбе коварных иезуитов с масонами за клад, скрытый на «острове Гонолулу», забавны сами по себе, вне интерпретации, и в то же время складываются в единое целое именно благодаря соотношенности как с личностью и контекстом творчества автора, так и иными произведениями, сходными по времени создания, жанру и т.п.

Само название «Кровавый роман» можно без особого ущерба для смысла перевести на английский язык как *pulp fiction*. Вахал осуществил свою давнюю мечту и создал замечательный памятник незаслуженно, по его мнению, забытым и опороченным произведениям XVIII-XIX веков — романам для народного чтения, „литературным отбросам», издававшимся тонкими тетрадями в мягких обложках — книгам того самого жанра, который противные Вахалу радетели народного просвещения, «будители» и *tutti quanti* призывали заменить на чешские аналоги «Белинского и Гоголя» (с точки зрения эстетики зачастую не меньший хлам). При этом, как отмечают исследователи, (само-) ирония автора в «Кровавом романе» заключалась уже в том, что свой собственный кровавый роман Вахал издал в форме, прямо противоположной воспеваемым им аналогам, и уж вовсе не для «народа». Дело не только в том, что адресатом был малый кружок посвященных, но и в цене издания. Экземпляр романа стоил около 1000 крон, — чтобы купить такое «читиво», фабричному рабочему нужно было бы проработать целый год, отказывая себе в еде.

Конечно, трудно себе представить наивных сельских читателей, воспитанных на произведениях «Гинека и Бензингера», которые приняли бы «Кровавый роман», даже если бы он напечатан надлежащим образом, т.е. в тетрадях с продолжением, и распространен большим тиражом, за чистую монету; однако же верно, что читатели могут вдоволь посмеяться над наиболее веселыми и удачными сценами, вроде боя с пиратами, истории наследного графа

Райзенштадтского и т.д. Вахаловский «Кровавый роман», несмотря на свою сложность из сотни сюжетов аутентичных кровавых романов, размышлений автора, «контрабандой» в него вставленных, и, наконец, прозрачных (для посвященного) автобиографических намеков — читается легко и с удовольствием, и, несмотря на десятки «расходящихся тропок» различных сюжетов, автор в принципе нитей повествования не теряет, — а если уж, то можно быть уверенным, что мы имеем дело с сознательной имитацией неумелости авторов классических произведений жанра. Так что можно читать книгу Вахала если не как аутентичный кровавый роман, то уж точно как пародию на него.

Пародия, ирония и мистификация скрыты в самом сюжете вахаловского «Кровавого романа» как единый конструктивный принцип. Уже на самом первом уровне интерпретации сюжета — пародийном — читатель может оценить виртуозный уровень владения словом. Язык «Кровавого романа» составляет, по сути, его отдельный семантический уровень — сознательное подражание языку «литературных отбросов» и в то же время глубокая основа, на которой оно зиждется — знакомство Вахала с философскими и эстетическими принципами искусства барокко, откуда «родом» жанр «кровавого романа» есть не только средство создания комического эффекта, но и вполне серьезный авторский эксперимент, один из элементов его универсального произведения. Вахал не просто соблюдает правописание, характерное для языка соответствующего жанра, соблюдает структуру предложения и нормы словоупотребления («Гишпания» и т.п.), — язык полноправно участвует в создании сюжета, передает динамизм и изменчивость повествования. В необходимые моменты Вахал отбрасывает стилизацию и переходит на почти современный язык; постоянно нарушается устоявшаяся семантика слов и конвенции их употребления, создаются неологизмы и словесные игры. Таким образом в «игру» включается и читатель, приглашаемый к разгадыванию авторской стратегии (ясно, что пародию на кровавый роман написать труднее, чем «серьезный» подобный роман).

Не менее важен, чем языковой, уровень «письма» — автор часто пародирует, но иногда и вполне серьезно полемизирует с рядом «дискурсивных практик» своего времени.

На этом уровне пародия на собственно «кровавые романы» даже не является главной. В первой, «трактатной» части романа

автор, несмотря на кажущуюся ерническую стилизацию, часто откровенен и вполне серьезен. Действительно, в 1910-15 годах он собирал многочисленные произведения для народного чтения, изданные в XVIII-XIX веках; знакомство с этим жанром наложило как на юношескую увлеченность «крамаржскими песнями», так и на серьезные сдвиги в мировоззрении самого автора. Кровавые романы стали для Вахала классическим образцом литературы, выражающей честные и правильные истинно-народные (в отличие от обманок коммунизма и «лубочного» католицизма, народу в Чехии всегда чужого) взгляды на жизнь как вещь одновременно страшную и веселую (что в общем характерно для любого, не только чешского фольклора, достаточно взглянуть на «непричесанные» версии народных сказок и песен, да даже и на детские стихи-страшилки). В конце концов, по мнению Вахала, «кровавые романы» утверждает идеалы наиболее близкого ему искусства — искусства барокко¹ с его идеями единства жизни и смерти, красоты и безобразия и т.д. Немаловажно и то, что Вахал, не отделявший жизни от искусства, ценил в жанре кровавого романа аутентичность, тот истинный реализм, которого недостает современной «реалистической» литературе (в предисловии к роману содержится немало метких

---

1 Тема «Вахал и барокко», уже затронутая нами выше, требует комплексного анализа — не только чисто искусствоведческого, но и социологического (обращение к барочной традиции в Первой республике само по себе было шагом «оппозиционным» в смысле политическом). Здесь из любопытства приведем стилизованное под барокко название создававшейся параллельно с «Кровавым романом» книги Вахала, известной как просто «Огород дьявола»: «Огород дьявола или Энциклопедия чудовищ, то есть: необычный путь к детям дьявола, призракам и природным существам, часто являющимся грешному человеку, духовный Брем, для распознавания всех существ земных и водных, существ в огне и воздухе, равно как и инопланетных, указатель слабых их сторон, наряду с безопасной охраной, служащей примерным щитом христианских душ, для вечного против них боя, их разоблачающий и весть о них нам подающий, на основе книги из архивов самого ада, под названием HISTORIA NATURAE DE SPECTRIS, посредством мастера Йозефа Вахала, резчика по дереву, составленная, и многочисленными графиками и иллюстрациями, форму с их призраков и демонов показывающими, снабженная».

критических соображений, например, о «реалистическом» психологическом романе).

Впрочем, прелесть кровавых романов Вахал много лучше нас описал в своем трактате. Можно сказать, что под видом пародии на «Кровавый роман» Вахал пародирует как раз другие литературные жанры и, так сказать, «формы жизни». Например, само название и форма «трактата» есть пародия на позитивистское литературоведение малоталантливых последователей «будителей», создававших канонические труды по истории чешской литературы и воспевавших в ней именно то, что вахалу было противно — почему автор вступает и в рискованный идеологический спор «на чужом поле», заявляя о «патриотизме» «кровавых романов» и их роли в борьбе с австро-венгерским игом. В сюжете и системе персонажей «Кровавого романа» мы видим пародию на духовные течения, важные для самого Вахала — верный себе, он подвергает ироническому сомнению и то, что важно и дорого ему самому. Разумеется, можно говорить о разных градациях пародирования — прямо-таки сатирически осмеивается то, против чего Вахал борется (коммунизм, современные направления в искусстве, такие как кубизм, или фигуры его оппонентов — в числе пациентов санатория доктора Ржимсы узнаются критик Ф. Кс. Шальда, поэт Иржи Карасек из Львовиц и т.д.), однако с юмором повествует автор и о католицизме, оккультизме, собственном творчестве.

Действие романа начинается в прошлом, разворачивается в разных экзотических уголках земного шара, — но постепенно «Кровавый роман» превращается в своего рода авторскую «энциклопедию чешской жизни» и, наконец, завершается на печатном станке в вршовицкой квартире-мастерской самого Вахала (вторая часть романа содержит параллельный сюжет — историю его создания от рекламного проспекта через оглавление к распечатке тиража, который естественным образом оказывается тиражом как «фиктивного», так и «реального» «Кровавых романов», текстовая и физическая реальность уравниваются в правах). Вдруг в романе, где действуют иезуиты, корсары, инквизиция и прочие атрибуты давнего прошлого, появляются современная Прага и Литомысль, среди героев начинают узнаваться вполне конкретные люди.

Важным элементом тут выступает автобиографичность романа, явно проявляющаяся с начала 2-й книги, описания «подпольной редакции» «производителя деревянных клише» Пасеки, который

оказывается одновременно автором и героем и, наряду с Мастером из Вршовиц и Фрагонардом, «прототипом» Вахала. Способность посмеяться над собой, проявляющаяся в дневниковых записях и письмах, здесь воплощается и в иронии над собственным творчеством и самим «Кровавым романом» — но и над друзьями и знакомыми автора, выведенными в ряде персонажей. Так, доктор Ржимса — это оккультист, избравшийся (наряду с Вахалом) председателем Психического общества, пропагандист трезвости доктор Ян Шимса («реальный» Вахал даже рисовал для него плакаты о пользе абстиненции), граф Портмон — уже упоминавшийся коллекционер и библиофил Йозеф Портман, а Портмонеум — конечно же, дом Портмана в Литомышле, в котором Вахал расписал потолок, стены и мебель¹. С юмором выведены в романе и самые близкие автору существа — Анна Мацкова, спутница его долгой жизни, умершая за 6 дней до самого Вахала (девица Коцоуркова), и пес Тарзан.

Наконец, в «Кровавом романе» есть еще один уровень — мы видим в нем вершину реализации эстетических принципов Вахала. Здесь, пожалуй, он достиг наиболее удачной их комбинации — речь идет как о взаимоотношениях текста и артефакта (иллюстрации, текст и оформление книги конгениальны), так и об уровне

---

1 Портман (1893-1968) сам издал за свою жизнь 312 книг, в основном оккультного характера (но был, например, и одним из первых издателей Франца Кафки в Чехии). Первую работу Вахала он приобрел в 1913 году, выступал как меценат, снабжая мастера в годы мировой войны найденными им кровавыми романами и табаком из собственного сада. Портман высказывал идею собрать в своем доме все произведения Вахала и открыть музей художника — и в какой-то степени эта мечта, несмотря на ссору обоих друзей в 1924 году, осуществилась. В 1993 году стараниями издательства «Пасека» в доме Портмана в Литомышле был открыт Музей Йозефа Вахала под названием — как же иначе — «Портмонеум». Помимо оригинальных настенных росписей и разрисованной Вахалом мебели с оригинально вырезанными из дерева спинками стульев, кровати и т.д., в музее можно увидеть и восстановленные студентами местной художественной школы экзисы гравюр из «Кровавого романа» со ставшими знаменитыми лозунгами из санатория доктора Ржимсы. Наконец, Литомышль стал первым и пока единственным городом в мире, где в честь автора «Кровавого романа» была названа одна из улиц.

«удовольствия от текста» — чувствуется, что Вахал с радостью создавал текст, в котором в забавной форме мог решить сразу несколько серьезных задач (оглянуться на историю своих духовных исканий, вступить в литературную полемику, защитить любимый жанр, и, наконец — соблюсти тот самый баланс, о котором идет речь). Несмотря на набор без рукописи и прочие черты автоматического письма (метод работы Вахала над книгами подтверждает наши рассуждения о его отношении к сюрреализму — творческий принцип «нового» искусства здесь взят на вооружение, чтобы воспеть искусство «реакционное!»), книга выглядит как семиотическое единство, тщательно продуманное целое, и ошибки в наборе, как и сбои в развитии сюжета, справедливо интерпретируются как умышленные приемы-знаки.

***

Как известно из последней фразы «Кровавого романа», книга была отпечатана тиражом в 17 экземпляров, т.е. разошлась лишь по кругу ближайших друзей и знакомых автора («братству святовахаловскому»), как, в конце концов, и подавляющее большинство его литературных произведений, и, в общем, не могла стать событием «литературного процесса». Мало того — вахаловские друзья, разумеется, узнали в персонажах себя, и «граф Портмон» отказался приобрести заказанный было экземпляр «Кровавого романа» и перестал коллекционировать вахаловские произведения.

«Кровавый роман» оставался практически неизвестным за пределами узкого круга до конца 1960-х годов, когда на волне запоздалого интереса к творчеству Вахала молодые адепты вдруг обнаружили чудом сохранившийся экземпляр книги. Издательство «Одеон», наиболее свободное из числа легальных издательств в коммунистической Чехословакии, сумело договориться с престарелым автором о новом издании «Кровавого романа», которое увидело свет уже после смерти Йозефа Вахала, в 1970 году.

Изданная небольшим (конечно, не 17-экземплярным!) тиражом, именно эта книга, как отмечает автор послесловия к третьему изданию 1990 года Юлиус Гулек, стала отправным пунктом к возникновению в кругах молодых интеллектуалов в 1970-80-е гг. культа Вахала, вернее, именно его «Кровавого романа». Упомянутое же третье издание, появившееся в эйфории свободы печати в 1990 году, привело к всплеску интереса и к самой фигуре автора —

человека и художника. Вахалом стали зачитываться и интересоваться самые разные люди, от высоколобых преподавателей элитарных ВУЗов, совершенно серьезно внушающих на семинарах студентам, что «Кровавый роман» — единственная гениальная чешская книга XX столетия, и многочисленных последователей тайных искусств, бум интереса к которым пришелся в Чехии, на 90-е годы, до вполне обычных завсегдатаев пивных, принявших и оценивших вахаловский юмор.

Так в 1994-м модным режиссером Я. А. Брабецом был фильм снят по мотивам «Кровавого романа», в 1994-95 пражский Рудольфинум на время превратился в Портмонеум — в знаменитейшем выставочном зале чешской столицы состоялась самая крупная в истории выставка работ Йозефа Вахала; стараниями Михала Айваза, Йозефа Кроутвора, Иржи Олича и других интеллектуалов вышли в свет сборники и монографии о жизни и творчестве автора «Кровавого романа» и великолепный каталог пражской выставки (не менее представительная выставка прошла в 1998 году в Прайже), пражские издательства и другие выпустили репринты многочисленных вахаловских книг, так что читатели, уже знакомые с «Книгой вымышленных существ» Борхеса, смогли с удивлением узнать, что великого аргентинца в реализации его идеи опередил именно Вахал в своем «Огороде дьявола». Не остались незамеченными дневники мастера (сборник записей 1922-1964 годов вышел в 1998 году под редакцией Иржи Олича) и его корреспонденция. Волна популярности со временем схлынула, но имя Йозефа Вахала прочно вошло туда, куда оно принадлежит по праву — в историю чешской литературы и искусства, в число крупнейших художников XX столетия.

Вероятно, вахаловский культ не возник бы, если бы не группа энтузиастов вокруг Ладислава Горачека, организовавших в 1990-м году издательство «Пасека»¹ Первой публикацией нового издательства стал именно репринт «Кровавого романа», впоследствии были изданы более 10 книг Вахала и о Вахале. «Резчик по дереву» стал

---

1 Как объясняет владелец ставшего одним из самых успешных современных чешских издательств, имя новому «проекту» было дано не только в честь автобиографического героя «Кровавого романа», но и в память об одноименном пражском издательстве XIX века, выпускавшем как раз «черные» романы — конечно, и Вахал назвал своего героя Пасекой не зря.

одним из символов издательства, немало сделавшего для популяризации Вахала и в широких культурных кругах — Горачек и Ко. купили бывший дом Портмана в Литомышле, организовали реставрацию уникальных вахаловских росписей и открыли в нем музей «мага из Вршовиц».

Так «Кровавый роман» помог возвращению памяти о замечательном художнике — и в то же время начал жить собственной жизнью, как и подобает большим произведениям. Ладислав Горачек некогда признался, что «считает его лучшим романом из числа в мире существующих». Думается, многие согласятся с ним хотя бы в том, что это самый кровавый роман из лучших и самый лучший из кровавых.

Александр Бобраков-Тимошкин

